58 18.256.3.39

2398

Франсис Жеан
Багаб

213
Б Л
М 55

105

МАРКИЗЪ МИРМОНЪ,

или

УЕДИНЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ.

138
105

Переводъ съ французскаго.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

Въ Санктпетербургѣ. 1783.

Печатано въ типографіи у Шнора, состоящей въ Люперанскомъ церковномъ дворѣ.

ГОСУД. ПУБЛИЧН. БИБЛ. ДУБЛЕТ

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ отъ АВТОРА.

Приключенїи, повѣствуемыя въ сей книгѣ, не суть изъ числа такихъ басней, которыя отъ какого нибудь издателя романовъ, для одной забавы читателя сочиняются. Онѣ напротивъ того столь истинны, что сколько старанїя ни приложено, дабы украшенїемъ нѣкоторыхъ сторонныхъ произшествїй прикрыть настоящїя и въ самой вещи случившїяся; однако не можно было до того дойти, что бы общество, многихъ лицъ, уломинаемыхъ въ сей книгѣ, не узнало. Исторїи о двухъ монахиняхъ такъ всякому извѣстны, что не разсуждено за благо перемѣнять ихъ имяна, такъ какъ сїе учинено въ разсужденїи протчихъ изъ уваженїя къ ихъ особамъ; а особливо, что касается до соборнаго каноника, коего имя, для избѣжанїя всякаго злословїя, означено точками.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

СТЕПАНУ МИРОНОВИЧУ ВАЛУЕВУ.

Милостивому государю!

Милостивый государь!

Находя въ правилахъ сего уединеннаго философа не малое сходство съ образомъ жизни, которую Ваше Превосходительство, удалясь отъ градскаго шума, въ уединенїи препровождать изволите; родилось во мнѣ желанїе посвятить сей мой трудъ имяни вашему, за который совершенно награжденъ буду, естьли вы, Милостивый Государь! примете его за знакъ искренной преданности и всенижайшаго почтенїя, съ коими навсегда къ вамъ пребываетъ

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬТВА!

Милостиваго Государя,

покорнѣйшїй слуга

. . . . .

МАРКИЗЪ МИРМОНЪ,

или

УЕДИНЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ.

Часть перьвая.

Жестокая буря принудила Графа *Понсилъ* отъ всѣхъ своихъ служителей отдѣлиться; дождь съ ужасными громовыми ударами разсѣялъ по разнымъ сторонамъ всѣхъ охотниковъ, такъ что всякой изъ нихъ долженъ былъ, гдѣ кто могъ, промышлять себѣ убѣжище. Самъ Графъ заѣхавъ далеко въ лѣсъ, и тщетно искавъ удобнаго мѣста, гдѣбъ укрыться, принужденъ былъ вытерпѣть всю жестокость бури, ѣздя то туда, то сюда, во всю ночь по лѣсу.

Наконецъ съ восхожденіемъ солнца, утихла буря. *Понсилъ* не преставая искать какой ниесть тропинки, которая бы его могла вывесть въ жило; взъѣхалъ вдругъ

на ровную дорогу, окруженную съ обѣихъ сторонъ густыми и тѣнистыми деревьями. Удивленіе его усугубилось; усмотрѣвъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ домъ, который хотя и не казался великолѣпнымъ; но привлекъ однако все его вниманіе пріятною своею простотою. Труды имъ понесенные, наиболѣе побудили его сію неожидаемую встрѣчу почитать за не малое благополучіе, надѣясь тутъ получить всю желаемую себѣ помощь и отдохновеніе.

Но лишь проѣхалъ онъ половину сей дороги, какъ увидѣлъ человѣка, лежащаго въ бесѣдкѣ, оплетенной зелеными вѣтьвями. Лице его показалось Графу не совсемъ незнакомо; но какъ оно нѣсколько закрыто было книгою, которую тотъ читалъ, то Графъ подъѣхалъ ближе, что бы оное получше разсмотрѣть. Въ приближеніи его, нѣкоторой шумъ имъ причиненной, понудилъ сего пустынника оглянуться. Но сколь велико было удивленіе въ Графѣ *Понсилъ*, какъ онъ узналъ въ немъ лучшаго своего друга, о которомъ болѣе трехъ лѣтъ никакого не имѣлъ извѣстія.

Ты ли это? вскричалъ Графъ, схвативъ его въ свои объятіи; ты ли тотъ Маркизъ *Мирмонъ*, который былъ мнѣ другомъ любезнѣйшимъ? какою судьбою и какимъ благополучнымъ случаемъ нахожу я друга столь вѣрнаго? ты живъ; а могъ отъ меня скрыть,

гдѣ и въ какомъ состоянїи находишься? какъ могъ ты обо всемъ томъ оставить меня въ неизвѣстности, зная сколь много твоя трата меня оскорбляла. Причины самыя важныя, отвѣтствовалъ Маркизъ *Мирмонъ*, принудили меня скрывать это; а сколь много сїе и мнѣ стоило, о томъ заключай по моему къ тебѣ дружеству; но понеже сама судьба теперь насъ соединяетъ, то я отъ тебя не скрою, по какому случаю находишъ ты меня въ семъ уединенномъ мѣстѣ, и тогда самъ признаешься, что не имѣешъ причины сѣтовать на меня за мое молчанїе.

Но состоянїе, въ которомъ ты находишься, продолжалъ Маркизъ, требуетъ немедлѣннаго успокоенїя, войдемъ въ сей домъ, которой по концу оной дороги виденъ, въ немъ-то я основалъ мое пребыванїе, въ сей любезной для меня пустынѣ текутъ дни мои благополучнѣе нежели въ самыхъ великолѣпныхъ чертогахъ.

Графъ *Понсилъ* всемъ, что видѣлъ, и что слышалъ, въ такое приведенъ былъ удивленїе, что не могъ своему другу никакого на то дать отвѣта. Прибывъ въ домъ, вошли они въ залу, убранную картинами весьма изряднаго вкуса. Ты видишъ теперь, говорилъ Маркизъ, что ежели мое жилище не великолѣпно, то по крайней мѣрѣ представляетъ глазамъ твоимъ что нибудь пріятное. Подлѣ сей залы была другая ко-

мната посредственной величины, въ которой всѣ уборы были хотя просты, но изрядны; изъ оной входъ былъ въ кабинетъ преисполненный лучшими книгами; сверхъ того небольшая поварня и горница для слуги, позади сего кабинета находящаяся, составляли домикъ совершенно выгодной.

Графъ *Понсилъ* успокоивъ свое удивленїе, въ которое въ началѣ приведенъ былъ, съ удовольствїемъ разсматривалъ столь пріятное уединенїе; а хозяинъ далъ ему между тѣмъ перемѣнить измокшее его платье и бѣлье.

франтинъ, взятый Маркизомъ изъ всѣхъ его служителей одинъ въ сію пустыню, накрылъ для нихъ столъ. Блюдъ находилось очень мало; но все однако приготовлено было чисто и вкусно, что наипаче удивленїе Графское усугубило. Онъ не могъ сообразить сего вкуснаго стола и сей залы, украшенной столь пріятною живописью, съ нелѣпою охотою своего пріятеля быть пустынникомъ. Вижу, говорилъ ему Маркизъ вставая изъ за стола, что ты находишъ въ моемъ поведенїи много удивительнаго и непонятнаго; я это для тебя изъясню, пойдемъ на лугъ, примыкающійся къ той дорогѣ, на которой ты меня нашелъ сего утра, и я увѣдомлю тебя обо всемъ томъ, что ты знать желаешъ. Лишь только они достигли сего мѣста, то сѣли на травѣ, при

небольшемъ источникѣ, который въ сей долинѣ извивался, и Маркизъ *Мирмонъ* говорилъ такъ:

Повѣсть о Маркизѣ *Мирмонѣ*.

Нещастїи, понудившїя меня покинуть свѣтъ, никогда тебѣ, любезный другъ не были извѣстны. Ты находился тогда въ Парижѣ, какъ любовь начала мое спокойствїе тревожить. До двадцать пятаго года жизни моей, наслаждался я совершенною тишиною мыслей; ты самъ вѣдаешъ, что мое сердце не знало того, что есть смущенїе; я и о томъ сожалѣлъ безпрестанно, что видѣлъ тебя волнуема такою страстїю, у которой ты былъ совершеннымъ невольникомъ. Помнишъ, надѣюсь, что я всѣми силами боролся съ склонностїю твоею къ любовной страсти; тебѣ удалось наконецъ ее побѣдить, и ты гнушаясь непостоянствомъ женщинъ, поѣхалъ въ Парижъ. Надлѣжало бы, кажется, что бы твой примѣръ утвердилъ наиболѣе мое спокойствїе; но тутъ-то ты и увидишъ, что судьба все по своему дѣлаетъ: въ самое-то сїе время я потерялъ свободу, и неблагодарная *Клариmонда* сдѣлалась владычицею моего сердца. Въ маскерадѣ у барона *Десентъ-Циръ* въ перьвое почувствовалъ я силу ее прелестей. Она была въ Ишпанскомъ платьѣ; ты знаешъ, какъ оно къ ней пристало. Черной его цвѣтъ при-

давалъ ей болѣе пріятности, корсетъ открывалъ глазамъ моимъ всю красоту и стройность ея стана; веселость сего бала умножала огонь въ глазахъ ея: я пораженъ былъ, увидя ее танцующую; *Кларимонда* показалась мнѣ богинею, преисполненною всѣми пріятностьми. Не понималъ я въ началѣ, что въ душѣ моей произходило, но стараніе во все остальное время маскерада, съ нею разговаривать, и вниманіе, съ которымъ я взиралъ на всѣ ея движенїи, показались мнѣ необыкновенными. Я возвратился домой безпокоенъ и задумчивъ, и хотя три четверти ночи не спалъ, но однако глаза мои не смыкались; безпрестанно образъ *Кларимонды* представлялся моимъ мыслямъ, и я какъ будто видѣлъ ее то танцующую, то разговаривающую со мною; а иногда въ такое приходилъ забвеніе, что казалось, будто она на мои любовныя изъясненіи благосклонно и ласково отвѣтствуетъ.

День появился, не уменшивъ однако моего безпокойства. Съ нетерпѣливостїю ожидалъ я часа собранїя въ домѣ графини *Линьякъ*, у которой почти всегда бывала *Кларимонда*. Въ тотъ разъ болѣе обыкновеннаго употреблено мною старанїя о нарядѣ, однако не достигъ до того, чтобъ собою былъ доволенъ. Двадцать разъ приказывалъ я перекладывать мои букли, которыя при всемъ томъ не были еще по мо-

ему желанїю. *Франтинъ* удивился этой новости: тебѣ не безъизвѣстно сколь мало я о щегольствѣ заботился, и какъ я насмѣхался всегда сему суетному попеченїю молодыхъ людей, которые столько же тратятъ времяни на уборы, сколько самыя вертопрашныя щеголихи проводятъ при своихъ уборныхъ столикахъ: но тутъ вся моя философїя изчезла; я непримѣтно въ тотъ же самой впалъ порокъ, которой осуждалъ въ другихъ столь часто. Любовь произвела во мнѣ то, что я и самъ объ себѣ не помнилъ, не чувствуя однако, что она единственною была причиною моей слабости.

Въ три часа по полудни, я уже находился у графини *Линьякъ*; *Кларимонды* съ матерью еще тамъ не было: боялся я, что бы какое препятствїе не удержало ихъ отъ сего посѣщенїя, и едва могъ скрыть мое безпокойство о ихъ отсутствїи. Такое волненїе моего сердца, подало мнѣ первую мысль о моей перемѣнѣ; увидѣлъ я, что спокойствїе, на которое я столь много полагался, совсемъ уже меня покидало. Съ прискорбностїю примѣчалъ, что теряю плоды семи или осьмилѣтняго моего размышленїя о вредныхъ слѣдствїяхъ, которыя любовь неминуемо влечетъ за собою; но *Кларимонда*, которая съ своею матерью въ собранїе предстала, прогнала въ минуту всѣ сїи мысли.

Она показалась мнѣ и прекраснѣе и прелестнѣе того, какъ была на канунѣ, и безпокойство маскерада не умалило ея пріятностей. Предложено было играть въ карты: я знавъ, что она не играетъ, не хотѣлъ и самъ за оныя приняться, въ той надеждѣ, что буду имѣть случай свободнѣе изъяснить ей мои мысли въ то время, когда займутся всѣ игрою.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро оная началась, то прочіе, которые ни чѣмъ были не заняты, пошли прогуливаться въ садъ. *Клариманда* остановясь сорвать цвѣтокъ, отстала отъ дѣвицы *Марини*, съ которою она шла. Не упуская сего случая, тотчасъ я къ ней подшелъ. Не можно примѣтить того, сударыня, сказалъ я, чтобъ вы прошедшую ночь были столь обезпокоены; надобно имѣть ваши прелести, что бы при всемъ безпокойствѣ маскерада, не видно было никакой въ нихъ перемѣны. Кто молодъ и любитъ веселости, отвѣтствовала *Клариманда*, тотъ удобно сіи безпокойствы сноситъ; я вамъ однако очень благодарна за ваше учтивое, въ разсужденіи меня примѣчаніе, продолжала она смѣючись; но не надѣялась бы того, чтобъ вы и сего дня также неблагосклонно, какъ и вчерась со мною поступали, приписывая мнѣ такія совершенствы, которыхъ я совсемъ въ себѣ не обрѣтаю. Напрасно, сударыня, не хотите вы вѣрить признанію самому

искреннему, говорилъ я, языкъ мой изъясняетъ то, что дѣйствительно находится въ моемъ сердцѣ. Признаюсь, что со вчерашняго дня оно преисполнено такими чувствіями, которыхъ никогда прежде сего не ощущало, и щастливо бы оно было, ежели бы всѣ его безпокойствы, по крайней мѣрѣ, не противны были той, которая ихъ производитъ. Вы шутите, сказала *Кларимонда*, вашими словами, вы подлинно могли бы всякую увѣрить, которая бъ не такъ малость своихъ дарованій знала, что бы тронуть такого, какъ вы, философа. Я ужъ совсемъ иной, отвѣчалъ я ей, ваши прекрасные глаза въ одну минуту произвели во мнѣ то, чего не могли въ десять лѣтъ учинить всѣ знаемыя мною женщины. Возвращеніе къ намъ дѣвицы *Марини*, прервало мои изъясненіи. Мы разговаривали послѣ сего о вещахъ стороннихъ; соглашенось наконецъ въ нашей компаніи, чтобъ на другой день ѣхать за городъ. Остатокъ сего дня не могъ я особливо поговорить съ *Кларимондою*; и тою лишь надеждою утѣшался, что загородное гулянье подастъ мнѣ лучшій способъ изъяснить предъ нею всѣ мои чувствованіи; между тѣмъ старался дополнить моими взорами то, чего не могъ окончать словами.

Возвратясь домой, препроводилъ слѣдующую ночь столь же безпокойно, какъ и прошедшую; не трудно уже мнѣ было раз-

познать душевныя мои движенїи: видѣлъ довольно ясно, что ихъ производитъ. Въ сердцѣ моемъ находилъ попеременно страхъ съ надеждою, которыя его терзали безпрестанно, не оставляя ему ни малыя свободы. На другой день я изъ первыхъ прибылъ къ Графинѣ *Линьякъ*. Въ домѣ ея назначено было всѣмъ собраться, что бы выѣхать изъ города въ одно время. *Клаймонда* пріѣхала туда нѣсколько послѣ, въ своей каретѣ, въ которой и заняли остальныя мѣста дѣвица *Марини*, съ ея братомъ; Графиня *Линьякъ*, шевалье *фонъ-Вїелъ*, и я, сѣли въ карету бароншѣ де *Сентъ-Циръ*. Гулянье наше назначено было въ ея деревнѣ, мили на двѣ отъ города отстоящей. Во всю дорогу погруженъ я былъ въ задумчивость. Графиня примѣтя оную, учтивымъ образомъ мнѣ за то выговаривала, сколько я ни предпринималъ сокрыть мое смущенїе; но однако она довольно оное примѣтила, и опасаясь, чтобъ меня не огорчить, больше того не шутила надо мною.

Во время обѣда, мало по малу сдѣлался я повеселѣе. Сидя подлѣ *Клаймонды*, и оказывая ей всевозможныя съ моей стороны учтивости, освободился нечувствительно отъ задумчивости. За столомъ пробыли мы до шести часовъ по полудни; забавные разговоры и вкусное вино такъ развеселили всю нашу компанїю, что послѣ обѣда по-

шли всѣ въ садъ, котораго дороги разными между собою сплетеніяни составляли нѣкоторый родъ лабиринта.

Судьба не лишила меня случая поговорить безъ свидѣтелей съ *Кларимондою*, котораго я и не упустилъ, въ томъ намѣреніи, что бы совершенно изъяснить ей мои мысли. Всякой избралъ особливой себѣ путь, а мнѣ удалось одному остаться съ нею. Позвольте, сударыня, сказалъ я ей, окончать мнѣ сіе изъясненіе, которое присутствіемъ госпожи *Марини* вчерась было прервано. Признаюсь, прекрасная *Кларимонда*, что я ко всѣмъ былъ до сего времяни безпристрастенъ; но теперь столько же нахожу въ моемъ сердцѣ сильнѣйшей страсти, сколько прежде сего было въ немъ холодности. Вы, и ваши прекрасные глаза его перемѣнили; не вооружайте ихъ, сударыня, противъ меня жестокостію, познавая мою къ вамъ преданность. Внимайте моимъ жалобамъ, къ которымъ хотя и неумышленно, но вы сами меня принудили. Я ихъ не желаю слышать, отвѣтствовала *Кларимонда*; не знаю на что вы жалуетесь, и знать о томъ не намѣрена; и такъ не прогнѣвайтесь, что не соглашусь раздѣлять съ вами того, что васъ оскорбляетъ. Перемѣнимъ этотъ разговоръ, Маркизъ, или я васъ оставлю, онъ нѣсколько простителенъ былъ въ маскерадѣ, но здѣсь въ деревнѣ не у мѣста.

Между тѣмъ вышли мы на конецъ сада, гдѣ нашли всю нашу компанію. Послѣ сего забавлялись всѣ разными играми, до самаго ужина, во время котораго занялъ я самое то же мѣсто, которое имѣлъ за обѣдомъ, и не упуская случая дѣлать *Клариндѣ* разныя привѣтствіи, примѣтилъ наконецъ, что и она не совсемъ противъ меня была нечувствительна.

Я вознамѣрился не отставать отъ моего намѣренія, не взирая на то, что *Клариндa* столь не ласково приняла мое перьвое обьявленіе, близь двухъ мѣсяцовъ продолжалъ я подавать ей всѣ возможные знаки моей склонности, я пріучилъ ее, такъ сказать, слышать отъ меня, *что я ее люблю.* Наконецъ долженъ былъ изъ всѣхъ ея поступковъ заключить, что моя страсть ей не противна, и я положилъ изъясниться ей съ большею противъ прежняго вольностію.

Въ одинъ день, когда всѣ заняты были игрою, *Клариндa* пошла въ садъ; я также отговорился, что бы не быть въ числѣ играковъ, и послѣдовалъ за нею такъ удачно, что она того и не примѣтила. Вы сего дня весьма задумчивы, прекрасная *Клариндa*, говорилъ я, подошедъ къ ней, кто бы могъ смутить вашу всегдашнюю веселость. Вы не угадали, отвѣтствовала она, я могу васъ напротивъ того увѣрить, что мое сердце и мои мысли весьма спокойны.

Щастливъ тотъ, сказалъ я, кто въ такомъ положенїи находится! Сколь мое состоянїе отъ того удалено въ сїи три мѣсяца. Увы! куда дѣвалось то спокойствїе, на которое я такъ много полагался? вижу, что оное уже навсегда изчезло; но ежели наисильнѣйшая любовь и почтенїе достойны по крайней мѣрѣ нѣкотораго сожалѣнїя, то вы хотя тѣмъ, сударыня, меня удостойте.

Человѣкъ съ вашими достоинствами заслуживаетъ лучшее награжденїе, отвѣтствовала она; но я не властна располагать моею участью. Я завишу отъ матери, которой подвластна совершенно. Хотя бы ваша любовь была мнѣ и не противна, но сїе однако не учинило бы васъ щастливѣе. Увы! прекрасная *Кларимонда*, сказалъ я, ежели вы на страсть мою соизволяете, ежели вы попущаете желанїямъ моимъ до обладанїя вами простираться, то надѣюсь, что матушка ваша не отречется совершить мое благополучїе. Не довольно еще матушкина на то согласїя, говорила *Кларимонда*, вы имѣете отца, который можетъ быть найдетъ вашъ выборъ не по его желанїю. Любовь ваша, ежели она столь сильна, какъ вы меня увѣряете, сокращаетъ въ мысляхъ вашихъ всѣ сїи препятствїи; но я нахожу всякое изъ нихъ такой важности, что ежели вы только безпристрастно о томъ помыслите, то сїе одно изцѣлить васъ можетъ.

Сверхъ того, продолжала она, карнавалъ къ концу приближается; матушка не умедлитъ увезти къ тетушкѣ моей въ игуменство *с. Андрея*; свиданїи наши будутъ весьма рѣдки, и сїе можетъ быть вамъ послужитъ къ совершенному меня забвенїю. Къ забвенїю васъ! прервалъ я ее рѣчь, увы! и сама смерть не можетъ того сдѣлать; ежели васъ моя искренность и любовь самая страстнѣйшая не тронетъ, то жизнь мнѣ будетъ въ тягость, охотнѣе соглашусь разстаться съ нею нежели не имѣть вашей склонности; но позвольте, сударыня, продолжалъ я, ставъ предъ нею на колѣни, и цалуя ея прекрасную руку, позвольте мнѣ ласкать себя хотя тою надеждою, что вы не будете щастїю моему противиться, когда оно отъ вашей особы зависить будетъ; я не нахожу такъ великаго препятствїя, какъ вы думаете, въ согласїи нашихъ родителей. Признанїе, котораго вы отъ меня требуете, отвѣтствовала *Кларимонда*, для васъ не нужно. Довольно къ успокоенїю вашему, что я уже позволила вамъ сдѣлать мнѣ такое изъясненїе, котораго бы не должна была и слушать. Старайтесь преклонить на свою сторону матушку мою и вашего родителя; а время и ваше постоянство сдѣлаютъ можетъ быть и меня не упорною.

Сїи послѣднїя слова преисполнили меня совершеннымъ удовольствїемъ. Я насказалъ

моей прекрасной любовницѣ все, что нѣжность соединенная съ горячностїю въ страстныя мысли влагать могутъ; клялся предъ нею, что тысячью опытами желаю прежде доказать искренность моей страсти, и тогда только осмѣлюсь требовать ея согласїя на мое благополучїе.

Съ сего часа всѣ движенїи души моей ей открыты были. Всякой день послѣ обѣда бывала она у Графини *Линьякъ*, и я имѣлъ случай ежедневно, хотя нѣсколько минутъ, безъ свидѣтелей поговорить съ нею. Между тѣмъ приближился постъ. Ей должно было предъ наступленїемъ онаго возвратиться въ игуменство *с. Андрея* къ своей теткѣ, которая тамъ была игуменьей. Я просилъ ее, что бы позволила видѣться съ собою хотя чрезъ решетку; на что она по многимъ отговоркамъ и согласилась. Въ семъ самомъ монастырѣ воспитывалась одна изъ моихъ родственницъ, то мнѣ и не трудно было выдумать причину моихъ частыхъ посѣщенїй.

Любовь моя ежедневно возрастала, но я не зналъ за подлинно, великїя ль имѣлъ успѣхи въ оной. Съ самаго возвращенїя *Кларимонды* въ монастырь, рѣдкой проходилъ день, что бы я съ нею не видѣлся. Родственница моя не умедлила примѣтить, что она не великое участїе въ моихъ посѣщенїяхъ имѣла; но не досадуя за то, не

упускала ни одного способа меня обязать, доставляя мнѣ частыя съ моей любовницей свиданїи.

Я употребилъ между тѣмъ надлежащїе способы къ узнанїю того, будетъ ли батюшка согласенъ на мое съ *Кларимондою* сочетанїе. Тѣ, которымъ отъ меня сїе стараніе поручено было, объявили мнѣ, что онъ охотно сїе желаетъ видѣть, ежели только мать ея въ томъ не возпрепятствуетъ. Я не умедлилъ увѣдомить *Кларимонду* о расположенїяхъ моего родителя; она казалась тѣмъ довольною. Къ совершенству моего щастїя недоставало только одного отъ ея матери согласїя; но въ ней нашелъ я все чаянїю моему противное. Она отвѣтствовала тому, который сватался за меня, ея дочери, что выдавать ее еще не намѣрена; по тому что дочь ея въ такихъ лѣтахъ, въ кои не надлѣжитъ спѣшить замужствомъ, что однако съ благодарностїю принимаетъ она честь отъ моего отца ей сдѣланную, и ежели онъ останется непоколебимъ въ сихъ мысляхъ до совершеннаго *Кларимонды* возраста, то она предъ всѣми прочими отдастъ мнѣ преимущество.

Сей отвѣтъ хотя нѣсколько былъ для меня и пріятенъ, однако приключилъ мнѣ великую тоску; но по необходимости должно было взять терпѣнїе. Я говорилъ *Кларимондѣ*, что одна только надежда заслужить

болѣе ея благосклонность, утѣшаетъ меня въ сей отсрочкѣ, и увидя, что взаимная между нами склонность и родителямъ нашимъ была не противна; обращеніе мое съ нею не имѣло уже въ себѣ такого принужденія, какъ прежде. Моя прекрасная любовница хотя въ любви своей и не признавалась совершенно, но я усматривалъ то изъ глазъ, въ чемъ уста ея боялись изъясниться. Ежедневно мы видѣлись у решетки; и сіе отъ части мою скуку облегчало, какъ вдругъ одно нечаянное произшествіе лишило меня на нѣкоторое время сего удовольствія.

Въ семъ игуменствѣ находилась одна манахиня, называемая *Шатолети*. Она была молода, хороша собою, и въ монашество вступила болѣе по принужденію, нежели по охотѣ. Родители ея противъ склонности къ тому ее принудивъ, учинили чрезъ то невинною жертвою своего честолюбія. Свобода, которою пользовались живущія въ сей обителѣ, понудила ее избрать предъ прочими игуменство *с. Андрея*. Сердце ее однако наполнено было прелестію свѣта, одежда смиренія не истребила изъ онаго самыхъ страстнѣйшихъ чувствованій; прежде еще вступленія въ монастырь, *Шатолети* имѣла у себя любовника; она его покинуть не хотѣла, не считая себя обязанною пожертвовать онымъ должности, такъ какъ жертвовала въ пользу другихъ своимъ спокойствіемъ.

Безъ всякаго препятствія свиданіе имѣли они чрезъ решетку, по тому что монахинямъ позволено со всякимъ сквозь оную разговаривать; но сколь слабо сіе утѣшеніе для сердца страстію упоеннаго! она искала способа провести своего любовника во внутренность монастыря; предпріятіе сіе требовало великой осторожности; но чего не учинитъ женщина любовью роководствуемая. По многомъ размышленіи, избрала она одно средство, хотя довольно надежное, но не меньше того чрезвычайное.

Находилась для осушенія двора монастырскаго труба, которая шаговъ за двести выходила въ нѣкоторый ровъ. *Шатолети* считала, что любовникъ ея симъ путемъ всякую ночь проходить можетъ въ ея келью, изъ которой выходъ прямо былъ на монастырской дворъ и отъ трубы весьма близокъ. Оставалось одно то препятствіе, что отверстіе трубы запиралось желѣзною решеткою. Она и тому пособить умѣла, давъ своему любовнику на воску изображеніе ключа отъ оной. Шевалье *Лебрюнъ*, такъ онъ назывался, не умедлилъ по сему образцу сдѣлать ключь; и какъ скоро все сіе было готово, то спѣшилъ увѣдомить о томъ монахиню, которая тужъ самую ночь на посѣщеніе его согласилась. Шевалье начиная отъ рва, прошелъ трубу, и отворивъ решетку, ожидающею его любовницею тот-

часъ препровожденъ былъ въ келью. Вкушаемыя имъ съ сего времяни забавы, награждали его за тѣ труды, чрезъ которые онъ до того достигалъ, по тому что три года безпрестанно посѣщалъ онъ монастырь, не бывъ ни кѣмъ примѣченъ.

Между тѣмъ столь трудные подвиги уменьшили цѣну *Лебрюна*. Монахиня не находя въ немъ прежней горячности, разсудила за благо придать ему помощника, который бы раздѣлялъ съ нимъ служеніе обители. Избранъ былъ для сего молодый совѣтникъ парламента, съ которымъ она чрезъ решетку познакомилась. Не ламая голову на изобрѣтеніе новаго способа къ провожденію его въ монастырь, считала подземную дорогу, довольно для того способною. Новый любовникъ сдѣлалъ такъ же для себя ключь, и тѣ дни, въ которые шевалье не ходилъ на промыселъ, опредѣлены были для совѣтника. Все сіе благоразумною предосторожностью монахини долгое время въ совершенномъ порядкѣ продолжалось; но наконецъ нечаянное нѣкоторое приключеніе все разстроило. Шевалье *Лебрюнъ* сказалъ въ одинъ день своей любовницѣ, что онъ въ ту ночь посѣтить ее не можетъ. Монахиня, не терпящая праздности, назначила ее для совѣтника, который въ полночь прошедъ трубу, вошелъ въ келью. *Лебрюнъ* ужиналъ тотъ день въ трактирѣ, и воз-

вратясь домой въ веселомъ духѣ, вздумалъ привесть любовницу свою въ пріятное удивленіе неожидаемымъ прибытіемъ. Онъ изъ рва вошелъ въ трубу, въ самое то время, какъ совѣтникъ съ противнаго конца вступилъ въ оную, такъ что на половинѣ сего подземнаго пути они столкнулись. Шевалье ударясь объ совѣтника, кричалъ, кто ты? Но какъ тотъ ничего не отвѣчалъ, то онъ продолжалъ кричать, спрашивая, кто ты таковъ? Совѣтникъ былъ ему пріятель, и узнавъ его по голосу, сказалъ, кому тутъ быть, кромѣ шалуновъ, развращающихъ монахинь. А! это ты господинъ волокита, отвѣтствовалъ *Лебрюнъ*; но знай, что не выидешъ изъ трубы, ежели мнѣ не объявишъ, отъ кого теперь возвращаешься. Да и тебѣ я путь загорожу, сказалъ совѣтникъ, какъ скоро не откроешъ мнѣ, кого ты намѣренъ былъ удостоить своимъ посѣщеніемъ.

Вообрази себѣ, любезный другъ, продолжалъ Маркизъ *Мирмонъ*, сколь велико было ихъ удивленіе по учиненіи взаимнаго признанія. Они посмѣявшись довольно, что оба однимъ и тѣмъ же способомъ были обмануты, возвратились вмѣстѣ къ монахинѣ, которая не мало симъ посѣщеніемъ была встревожена. Пошутивъ надъ нею, и увидя, что разсвѣтать начинало, возвратили ей ключи, говоря, что она теперь властна оными почтить другихъ, которые бы болѣе

того были достойны, и что преставая быть кавалерами, они добровольно слагали съ себя знаки ордена; послѣ чего ее оставили.

Надлѣжало бы послѣ такого приключенїя умѣрить необузданное свое невоздержанїе монахинѣ; но она разсуждала, что такїя произшествїи по дважды не случаются, и обратила взоръ свой на одного дороднаго игумна, котораго находила способнымъ исполнять безъ помощника должность судьи и офицера. Она ему вручила ключь, и новый любовникъ подражалъ во всемъ примѣру своихъ предмѣстниковъ. Но по нещастїю ли его, или по неосторожности, усмотрѣла нѣкогда другая монахиня, какъ онъ изъ монастыря возвращался, тогожъ дня объявила она игуменьѣ, что видѣла какого то человѣка въ трубу идущаго. Освидѣтельствовали рѣшетку, и нашедъ, что она замкнута, сочли пустошью объявленїе монахини; при всемъ томъ игуменья, для лучшей впредь безопасности, призвавъ каменщика, приказала отверстїе у трубы задѣлать, оставя для стеченїя воды двѣ небольшїя скважины. Сей случай привелъ въ отчаяньѣ *Шатолети*. Ей не можно было инымъ образомъ видѣться съ своимъ любовникомъ, какъ въ общей прихожей монастырской. Сїе усугубило въ ней отвращенїе къ уединенїю и къ иноческой жизни, и довело до того, что она наконецъ скло-

нила своего любовника, что бы увезти ее въ *Женеву*. Все неудобство состояло въ томъ только, какъ бы изъ стѣнъ монастырскихъ выдти и развращенныя ея мысли избрали для сего такой способъ, какого не можно было гнуснѣе выдумать.

Она вознамѣрилась зажечь монастырь, и когда всѣ пріидутъ въ замѣшательство отъ пожара, тогда надѣялась удобно найти случай къ своему побѣгу, что самое и произвела въ дѣйство. Въ одну ночь, когда въ монастырѣ совершенная тишина господствовала, она зажгла его со всѣхъ четырехъ сторонъ. Въ короткое время огонь сильно распространился, сами монахини едва успѣли отъ сей опасности избѣгнуть; народъ хотя на помощь и сбѣжался, однако вся церковь и часть келій въ пепелъ обращены были. *Шатолети* пользуясь общимъ замѣшательствомъ, вышла изъ монастыря, и сѣвъ съ своимъ любовникомъ въ почтовую коляску, поскакали къ Швейцарскимъ границамъ.

Монахини, послѣ перваго ихъ изумленія, пришедъ въ память, не сомнѣвались болѣе по примѣтамъ, что она сего нещастія виновница. Немедлѣнно по всему королевству разосланы были указы, и ее почти при дверяхъ безопасности поймали, въ шести миляхъ отъ *Гренобля*. Родственники ея нашли способъ утушить сіе дѣло. Игуменъ на всю жизнь заключенъ былъ въ монастырь, а

она отвезена въ *Авиньенъ*, и насильно въ монастырь же посажена на покаяніе. Оный случай, разорившій всю обитель, не позволялъ живущимъ въ ней, имѣть съ посторонними свиданія; чрезъ сіе-то и я лишенъ былъ случая видѣться съ *Клариондою*, и не имѣлъ сего удовольствія болѣе двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день, пришедъ къ баронше де *Сентъ-Циръ*, нашелъ ее тамъ съ матерью. Я не упустилъ сего случая изъяснить ей, сколь для меня было чувствительно такъ долгое время не видаться съ нею. Съ завтрешняго дня перемѣняю я мое жилище, сказала она, и перехожу къ Бенедиктинкамъ, по той причинѣ, что послѣ пожара, всѣхъ дѣвицъ, за недостаткомъ мѣста, изъ монастыря отправляютъ. Несказанно радуюсь, узнавъ о томъ, отвѣтствовалъ я ей; но тутъ перервавъ мою рѣчь, подали мнѣ карты, и принудили играть съ бароншею. Окончавъ игру, подшелъ я опять къ *Клариондѣ*, но не могъ уже съ нею ничего особенно поговорить, по тому что она сидѣла подлѣ матери, которая съ своей стороны не оставляла при всякомъ случаѣ дѣлать мнѣ разныя привѣтствіи. Она взирала на меня, какъ на будущаго своего зятя, и послѣ сватовства ея дочери, не могла сомнѣваться о моей къ ней склонности; я ихъ проводилъ до кареты, и мои глаза вмѣсто словъ увѣряли *Клариюнду*, сколь пріятно мнѣ сіе свиданіе.

Чрезъ два дни, пришедъ къ Бенедиктинкамъ; перестаю роптать на судьбу мою, говорилъ я *Кларимондѣ*, имѣя теперь случай сказать вамъ, какъ прискорбно мнѣ было сносить ваше отсутствіе; я желалъ *Шатолети*, за лишеніе меня послѣдняго утѣшенія, тысячу жесточайшихъ наказаній. Могу ли, сударыня, тѣмъ себя польстить, чтобъ и вы когда нибудь обо мнѣ вспомнили? Нѣтъ, я довольно знаю, что вы ни единожды моего отсутствія не примѣтили. Вы неблагодарны, отвѣтствовала *Кларимонда*. Ежели бы столь мало я объ васъ помнила, какъ вы говорите, то не объявила бы вамъ о перемѣнѣ моего пребыванія. Можетъ быть, что я больше, нежели мнѣ мое состояніе позволяетъ, объ васъ думала и безпокоилась. Сіе увѣреніе привело меня въ совершенное восхищеніе. Это было еще первое откровенное отъ ней признаніе въ мою пользу. Безчисленными клятвами увѣрялъ я послѣ сего *Кларимонду*, что ея благосклонности соотвѣтствовать буду горячностію искреннѣйшею и нѣжнѣйшею. Недѣли двѣ видѣлся я съ нею безпрестанно, какъ вновь неожидаемое приключеніе, подобное первому, прервало на нѣкоторое время наши свиданія.

Доротея, одна изъ монахинь сей обители, была весьма пріятнаго и приманчиваго вида. Лѣкарь, *Монтини* называющійся, посѣщая не рѣдко болящую *Доротею*, въ нее влюбился.

Онѣ не молчалѣ объ своемъ пламени, и въ томъ имѣлъ удачу. Монахини поступаютъ точно такъ, какъ Турецкія женщины, у которыхъ послѣ перьваго объявленія тотчасъ слѣдуетъ заключеніе. Стѣсненная ихъ жизнь не позволяетъ имъ упускать перьваго случая, который покажется полезнымъ. *Монтини* употребилъ въ свою пользу сіе правило: монахинѣ понравились отмѣнные отъ прежнихъ пріемы ея лѣкаря; а что бы долѣе пользоваться оными, то всегда изобрѣтала она новыя для себя немощи: то слабость, то боль въ головѣ; и что день, то разные припадки. Вся обитель сожалѣла о *Доротеѣ*, видя ее, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, всѣми недугами обремяненную. Лѣкари признавались, что истощивъ свою науку, не находили однако способовъ къ ея исцѣленію: одинъ *Монтини* имѣлъ въ томъ лучшую удачу.

Въ одинъ день, какъ они находились въ упражненіи не требующемъ свидѣтелей, молодая старочка, пріятельница *Доротеи*, полюбопытствовала сквозь замочную дирочку посмотрѣть, какимъ образомъ друга ея пользуютъ. Она увидѣла вещи столь для нее новыя и необыкновенныя, что не могла удержаться, что бы не вскричать сихъ словъ: Ахъ, любезная сестра! какую дѣлаешь ты неблагопристойность? Сей крикъ остановилъ врачевателя въ самомъ его подвигѣ; но какъ скоро узнали, что это *Анжелика*,

Доротеина пріятельница, то и не сомнѣвались склонить ее къ молчанію. *Монтини* отворилъ дверь, *Ангелика* лишь только туда вошла, то *Доротея* бросилась къ ея ногамъ, упрашивая, что бы не обезславить доброе ея имя. Она говорила, что любовь дѣлаетъ ея поступокъ весьма извинительнымъ, и столь нѣжными изображеніями описала страсть сію, что преклонила ту къ сожалѣнію. Любовникъ присовокупилъ къ тому также свои прозбы, но не было уже въ нихъ дальней нужды; *Ангеликино* сердце взволновалось: сія взаимная нѣжность, между обоихъ любящихся, ею примѣченная, сіе положеніе, въ которомъ она ихъ усмотрѣла, произвело въ ней самой такое движеніе, котораго она скрыть не имѣла силы. *Монтини* то примѣтилъ, и довольно имѣлъ прозорливости, что бы не упустить сего случая къ наложенію вѣчнаго на *Ангелику* молчанія. Онъ столь искусно описалъ ей увеселеніи, съ *Доротеею* имъ вкушаемыя, толковалъ ей столь убѣдительно, что отъ ней самой зависитъ имѣть въ оныхъ участіе; наконецъ былъ столь проворенъ, что не выходя изъ кельи, съ согласія его прежней любовницы, придалъ ей товарищицу.

Съ сего дня положено было между ими, чтобъ *Монтини* продолжалъ свое ремесло во всемъ порядкѣ, что бы не было ни предпочтенія, ни уничтоженія, и что бы на-

конецъ сей учитель ровные обѣимъ задавалъ уроки, не разбирая, кто моложе, кто старѣе въ его спискѣ.

Ежели бы лѣкарь былъ столько остороженъ, сколько щастливъ, то бы его забавы никогда не прервались; но нѣкоторая опухоль на обѣихъ старочкахъ, а особливо на *Доротеѣ* показавшаяся, навела ему не малую заботу; онъ увидѣлъ, что лучшее въ сихъ обстоятельствахъ для него средство, удалиться, что и учинилъ, не простясь съ своими красавицами.

Нѣсколько мѣсяцовъ спустя, *Доротея* привела весь монастырь въ великую тревогу. Всякой о болѣзни ея имѣлъ совсемъ иныя мысли, какъ вдругъ она произвела на свѣтъ прекраснаго мальчика. Монахини, во уваженіе обители, старались сей случай содержать въ тайнѣ; но сколь игуменья удивилась, какъ *Ангелика*, три недѣли спустя, также отъ бремяни своего разрѣшилась. Она не сомнѣвалась болѣе, что бы проклятый лѣкарь не заразилъ подобнымъ образомъ всѣхъ монахинь, и готовилась ежеминутно увидѣть каждую въ равныхъ обстоятельствахъ.

Сіе второе приключеніе не могло быть скрыто. Бискупъ, прибывъ въ обитель, избралъ новую начальницу, наложилъ эпитимію на всѣхъ монахинь, и приказалъ разослать по домамъ всѣхъ дѣвицъ, на воспитаніи содержащихся. Въ слѣдствіе сего, *Клариmонда*

возвратилась къ своей матерѣ, и я не иначе могъ видѣться съ нею, какъ только въ общихъ собраніяхъ, гдѣ рѣдко имѣлъ случай, хотя слово сказать ей безъ свидѣтелей. Она увѣдомила меня въ одинъ день, что отъѣзжаетъ въ деревню, гдѣ большую половину лѣта пробыть была намѣрена. Посмотрите, говорила она, ежели при всѣхъ увѣреніяхъ о вашемъ постоянствѣ, мѣсяца въ три, когда мое отсутствіе продлится столько, не забудете вы всѣхъ вашихъ пріятелей. Я найду способъ, отвѣчалъ ей, всюду за вами слѣдовать, не могши жить тамъ, гдѣ васъ не вижу. Вы обѣщаете несбыточное, сказала она, какъ можно вамъ слѣдовать за мною въ такое мѣсто, въ которомъ я безпрестанно буду въ глазахъ у матушки? Любовь не имѣетъ невозможностей, говорилъ я ей, и хотѣлъ было продолжать, какъ графиня *Линьякъ* подошедъ къ намъ, сказала *Кларимондѣ*: такъ завтре вы насъ покидаете, сударыня; боюсь, чтобъ вы не сдѣлались совершенною поселянкою; матушка ваша увѣряла, что она прежде трехъ мѣсяцовъ сюда не возвратится; однако мы не рѣдко васъ въ это время будемъ посѣщать; а Маркизъ не отречется быть нашимъ проводникомъ. Милостивая государыня! отвѣчалъ я ей, за щастіе почту, въ чемъ нибудь вамъ быть полезнымъ; но надобно знать, не лишній ли я буду для

прекрасной *Кларимонды*. Поѣзжайте только, говорила графиня, а о протчемъ ни о чемъ не думайте.

Время до отъѣзда госпожи *Линьякъ*, текло для меня весьма медлѣнно: шесть уже было дней, какъ *Кларимонда* въ деревнѣ находилась. Мнѣ недостало силъ сносить сіе отсутствіе, и хотя мать ея и извѣстна была о моей къ ней склонности, при всемъ томъ конечноб не позволила того, что бы я одинъ у нихъ былъ въ деревнѣ. И такъ, не ожидая графинина отъѣзда, вздумалось мнѣ повидаться съ моею любовницею такъ, что бы того и мать ея не провѣдала. Я поѣхалъ туда съ однимъ служителемъ, перерядясь капуцинами; какъ мнѣ, такъ и моему спутнику привязаны были подложныя бороды: въ семъ великолѣпномъ убранствѣ, имѣя всякой изъ насъ по кошелю за спиною, пошли мы къ замку. Приближась къ воротамъ, просилъ я одного служителя, съ которымъ повстрѣчался, доложить госпожѣ сего дома, что два бѣдные капуцина просятъ у ней страннопріимства на однѣ сутки. Сей самый служитель возвратясь въ короткое время, ввелъ насъ въ залу, говоря намъ: госпожа съ барышнею тотчасъ выйдутъ, онѣ крайне довольны тѣмъ, что вы въ ихъ домѣ пробыть намѣрены. Безъ трудабъ узнала меня *Кларимонда*, безъ помощи сей длинной бороды, и ежелибъ при томъ лице

мое на палецъ почти не покрыто было пылью. Я онѣмѣлъ, ея увидѣвъ: замѣшательство, соединенное съ удовольствіемъ, овладѣло всѣми моими чувствами. Мать ея начавъ со мною рѣчь, дала мнѣ время оправиться. Добро пожаловать, мои отцы, сказала она, вы очень во время ко мнѣ на обѣдъ пожаловали. Я ей отвѣтствовалъ, перемѣняя сколь возможно обыкновенный голосъ, изреченіями самыми поповскими. Во время обѣда, глазъ своихъ не спускалъ я съ *Кларимонды*. Служитель мой, представляющій молодаго брата, ѣлъ между тѣмъ какъ самая обжора. Попеченіе, которое онъ далъ нашимъ хозяйкамъ, то сіе, то другое безпрестанно на тарелку его подкладывать, не допустило ихъ примѣтить моихъ взглядовъ. Вставая изъ за стола, проворчалъ я, потупя глаза въ землю, нѣкоторыя молитвы, и выключая частыхъ на *Кларимонду* взглядовъ, игралъ во всемъ довольно исправно свою ролю. Мать ея дѣлала мнѣ тысячу вопросовъ объ нашей монастырской жизни. Я старался ей наилучшимъ и наинабожнѣйшимъ образомъ на то отвѣтствовать. Житіе сихъ почтенныхъ отцевъ самое блаженное, сказала она своей дочерѣ. Не имѣете ль вы, матушка, намѣренія, приохотить меня къ монастырской жизни? Ты знаешъ совершенно тому противное, продолжала мать, кто имѣетъ одну дочь, тотъ не желаетъ, думаю, уви-

дѣть ее монахиней; да надѣюсь, что ты и охоты ни малой къ тому не имѣешь. И мнѣ то же самое кажется, примолвилъ я *Кларимондѣ*, что въ васъ великое отвращеніе къ монашеству; но тамъ иногда благополучнѣе можно провести нашу жизнь нежели въ свѣтѣ; тамъ сердце наше не столь подвержено бываетъ безпокойствамъ и раскаяніямъ, которыя суть обыкновенныя свѣтскихъ забавъ слѣдствіи. Любовь, честолюбіе, жадность богатствъ и тысячу другихъ страстей, терзающихъ человѣка, отдалены отъ уединенной жизни. Вы обманываетесь, преподобный отецъ, прервала рѣчь мою *Кларимонда*, не изъ всѣхъ монастырей любовь и честолюбіе изгнаны; рѣдко случается, что бы мы могли очистить себя отъ тѣхъ чувствованій, которыя сама природа и наше сложеніе въ насъ вливаютъ; я въ свѣжей памяти имѣю примѣры тому съ лишкомъ сильные и довольно чрезвычайные. Любовь столь сильна, что нигдѣ правъ своихъ не теряетъ; решетки монастырскія ее удержать не могутъ; и сколь ни плотна ваша ряса, примолвила она смѣючись, но отъ любовныхъ стрѣлъ не приведетъ васъ въ безопасность. Какъ, сударыня! сказалъ я, вы хотите и капуциновъ замѣшать въ любовныя хлопоты. Вы бы были не первые, отвѣтствовала *Кларимонда*, страсти того, который дѣлаетъ обѣтъ или ихъ не имѣть,

или самовластно покорить оныя своей волѣ, дѣйствуютъ сильнѣе нежели въ свѣтскомъ человѣкѣ, который слѣдуетъ обыкновенному вещей порядку.

Въ продолженіе сего разговора, пришли ея матерѣ доложить, что одинъ изъ прикашиковъ, съ которымъ надлѣжало ей расчестться, желаетъ съ нею видѣться. Не прогнѣвайтесь на меня, почтенный отецъ, сказала она мнѣ, что я оставлю васъ на короткое время съ дочерью; нужда требуетъ, что бы я съ четверть часа проводила въ моемъ кабинетѣ. Какъ скоро она вышла, то я не долго размышлялъ, открыться ли *Клариндѣ*, опасаясь, что можетъ быть не попадется въ другой разъ такой случай. Соглашаюсь съ вами, сударыня, сказалъ я ей, что подъ капуцинскою рясою не всегда бываетъ сердце отъ любви свободное; и Маркизъ *Мирмонъ*, сею одеждою покровенный, не меньше прежняго васъ любитъ. Проговоривъ сіе моимъ обыкновеннымъ голосомъ, спустилъ подложную бороду. Какъ, это вы Маркизъ? вскричала *Кларимонда*, узнавъ меня. Кто повѣритъ, чтобъ вы такую съ нами шутку могли сдѣлать; привяжите поскорѣе вашу бороду. Что бы матушка подумала, ежели бы она вашъ обманъ примѣтила; она бы сочла меня участницею въ ономъ; и сколь онъ ни невиненъ, но знаю, что не была бы за то мнѣ благодарна.

Я не могъ жить болѣе, не видя васъ, отвѣчалъ я; любовь вдохнула сей способъ въ мои мысли. Не затмите, сударыня, моего удовольствія, неблагосклоннымъ отъ васъ принятіемъ моей выдумки, и позвольте чрезъ осемь или десять дней, вторично воспользоваться мнѣ симъ же средствомъ; я тогда скажу, что набравъ довольно милостины, возвращаюсь въ свою обитель. Вамъ не нужно сіе притворство, сказала она, завтре же матушка отвезетъ меня отсюда за двѣ мили, къ моей теткѣ, которая давно уже желаетъ со мною повидаться; я пробуду у ней недѣль съ шесть, а матушка между тѣмъ сюда возвратится. Любовь, даровавшая мнѣ случай видѣть васъ сего дня, сказалъ я, не оставитъ меня и впредь безъ помощи. Но я не соглашаюсь на сіе средство, которое вами теперь избрано, отвѣтствовала *Кларимонда*; одинъ разъ оно удалось, а въ другой легко обличиться можетъ.

Мать ея вошла къ намъ въ сіе время, и я принялъ по прежнему притворный видъ; разговоръ сдѣлался у насъ общій: главнѣйшее его содержаніе было о дѣлахъ набожныхъ. Во времяжъ ужина, глаза мои то же самое имѣли упражненіе, что и за обѣдомъ; а ненасытный желудокъ моего товарища и теперь не менѣе прежняго мнѣ былъ полезенъ.

Вставъ изъ за стола, попрощался я съ обѣими хозяйками, желая, по обычаю милостиносбирателей, на разсвѣтѣ въ путь отправиться. Меня проводили въ горницу, гдѣ стояли двѣ кровати; не раздѣваясь, бросился я на одну изъ оныхъ, и не засыпая во всю ночь, проходилъ моими мыслями все то, что со мною того дня приключилось. Утренняя заря застала моего товарища въ глубокомъ снѣ, а меня въ размышленіяхъ о *Кларимондѣ*. Я разбудилъ *фронтина*, по тому что онъ-то былъ избранъ мною къ представленію моего товарища. Мы вышли въ пять часовъ изъ замка, обѣщаясь не позабыть въ молитвахъ нашихъ тѣхъ служителей, которые отъ имяни госпожи обременяли наши кошели разнымъ харчемъ. Отошедъ съ полмили отъ замка, увидѣли мы нашего человѣка, оставленнаго при лошадяхъ, на которыхъ на канунѣ того дня пріѣхали. Тутъ я остановился, и разрядясь поѣхалъ съ городъ. Во время пути, *Фронтинъ* не преминулъ навѣдаться, что въ его кошелѣ положено было, и симъ первымъ подаяніемъ былъ столь доволенъ, что три недѣли ровно, какъ самъ мнѣ послѣ сего признавался, имѣлъ покушеніи въ самой вещи сдѣлаться монахомъ.

Не успѣлъ я возвратиться въ городъ, какъ началъ вновь о свиданіи съ *Кларимондою* думать. Тетушка ея меня совсемъ не

знала, и мнѣ пришло въ голову вступить въ ея домъ лакеемъ. Симъ средствомъ могъ бы я безъ всякаго помѣшательства видѣть *Кларимонду* во всѣ шесть недѣль, которыя она пробыть тамъ была намѣрена. Сія мысль мнѣ очень показалась: одна та опасность меня устрашала, что бы мать *Кларимонды*, живучи въ двухъ миляхъ только, не пріѣхалабъ съ нею повидаться, и меня бы не узнала. Я объявилъ мои размышленіи *фронтину*, который на то сказалъ: государь мой, ежели въ домъ госпожи *Сент-Реми*, что вы стараетесь втереться, то не надобно вамъ столько околичностей; мнѣ довольно знакомъ тамошній садовникъ, небольшимъ подаркомъ можно его склонить къ тайнѣ, и открыть ему о любви вашей; всякой почитать васъ будетъ его работникомъ; ни что вамъ не воспрепятствуетъ ежедневно видѣть *Кларимонду*, вамъ не будетъ никакого до домашнихъ дѣла, жить можете вы у тогожъ садовника; да ежели бы и мать вашей любовницы пріѣхала, такъ нечего вамъ опасаться.

Сія выдумка показалась мнѣ наилучшею, и на другой же день мы туда отправились. *фронтинъ* взялъ на себя заключеніе договоровъ, и стараніемъ своимъ довелъ оные до того, что садовникъ на все согласился. Для привлеченія его на мою сторону, подарилъ я ему четыре луидора, обѣщаясь съ большею

щедростїю наградить, ежели доволенъ буду его скромностїю. Онъ нарядилъ меня въ свое платье, и давъ мнѣ въ руки заступъ, поставилъ на такое мѣсто, гдѣ, по словамъ его, *Клариmонда* обыкновенно прохаживалась: это былъ цвѣтникъ, представляющій глазамъ наипрекраснѣйшее разнаго рода цвѣтовъ собраніе; всходили на него четырью дорогами, одна изъ оныхъ простиралась къ замку, а прочія шли въ три разныя рощицы, гдѣ видимы были многія бесѣдки, между которыми находился и домъ садовника. Недолго постоявъ на своемъ мѣстѣ, увидѣлъ я идущую мою любовницу; она была одна, и идучи что-то пѣла. Я дѣлалъ видъ, какъ будто копаю землю; послѣ сего нарвавъ пучекъ цвѣтовъ, поднесъ его *Клариmондѣ*. Лице мое хотя было и не закрыто, но по одеждѣ можетъ быть она не вдругъ меня узнала; я сказалъ ей, что представляя сіи цвѣты, прошу, какъ новый въ домѣ человѣкъ, ея покровительства; голосъ мой понудилъ ее взлянуть на меня съ большимъ вниманіемъ. Какъ это быть можетъ, Маркизъ, вскричала она, что недавно видѣла васъ капуциномъ, а теперь садовникомъ; признаться должно, что вы въ теперешнемъ видѣ лучше нежели въ прежнемъ: тогда длинная ваша борода приводила меня въ ужасъ; но я надѣюсь, что вы не долѣе останетесь садовникомъ, какъ монахомъ, и что будете конечно столь

благоразумны, что не отважитесь на то, что бы васъ здѣсь узнали. Вы, сударыня, начинаете уже завидовать моему благополучію, сказалъ я ей; не опасайтесь, что бы меня кто могъ узнать; я принялъ всѣ нужныя предосторожности: садовникъ здѣшній мой доброжелатель, и позволяетъ жить у него въ домѣ; и такъ отъ васъ теперь зависитъ, что бы я на всякой день въ семъ самомъ мѣстѣ съ вами видѣлся. Не могу на сіе согласиться, отвѣтствовала *Клоримонда*, вообразите себѣ только, что скажетъ свѣтъ, ежели о томъ узнаютъ? Всякой въ семъ случаѣ найдетъ зло, коего хотя совсемъ и нѣтъ, и моя честь можетъ крайне отъ того понести нареканіе. Вы сами видите, что я права; и такъ, пожалуйте меня успокойте. Я ничего, кромѣ вашей жестокости, въ семъ случаѣ, не вижу, сказалъ я ей, вы лишаете меня жизни, отнимая удовольствіе васъ видѣть; дни мои протекали бы въ совершенномъ благополучіи, но вы иное для меня опредѣляете; смерть самая скорая будетъ для меня пріятна, по тому что ваше отсутствіе несноснѣе для меня всѣхъ несчастій. Какъ вы несправедливы, отвѣтствовала она, кто васъ увѣрилъ, что мнѣ ваше спокойствіе не такъ важно; можетъ быть съ лишкомъ великое участіе я въ немъ пріемлю? одного того лишь опасаюсь, что бы васъ здѣсь не узнали; и сколь ни пріятно мнѣ

васъ утѣшить, но признаюсь, что не могу отдалить отъ себя сего страха. Клянусь вамъ, прекрасная *Кларимонда*, отвѣчалъ я, что въ вѣкъ моего превращенія никто здѣсь не узнаетъ; мои предосторожности всего сильнѣе; позвольте имъ предупреждать всѣ непріятные случаи, которые моглибъ намъ встрѣтиться. Любовію самою нѣжнѣйшею заклинаю васъ, продолжалъ я, ставъ предъ нею на колѣни, не лишать меня того щастія, которое судьба мнѣ даровала. Какъ вы непреклонны! сказала она; вижу, что надобно и мнѣ хотѣть того, чего вы желаете; но берегитесь же, что бы объ васъ никто здѣсь не провѣдалъ.

Я благодарилъ *Кларимонду* самыми страстными словами: удовольствіе и любовь новую онымъ силу придавали. Она согласилась, что бы по дважды всякой день, подъ видомъ прогулки, приходить на назначенное мѣсто. Но какъ вамъ изобразить, любезный Графъ! продолжалъ Маркизъ *Мирмонъ*, тогдашнее мое состояніе. Я былъ на высочайшемъ степени моего благополучія, видѣлъ безпрепятственно *Кларимонду*, ни что не мѣшало мнѣ изъяснять ей мои чувствованіи; а съ ея стороны хотя и не имѣлъ я совершенно яснаго въ любви признанія, но примѣчалъ однако несомнительные знаки ея склонности.

Время столь благополучное не долго продолжалось: *Кларимондѣ* надлежало воз-

вратиться къ своей матерѣ; и я обѣщалъ ей, что бы мнѣ не приѣзжать къ нимъ безъ графини *Линьякъ*. Ровно недѣля еще оставалась до ея отъѣзда; сіи семь дней показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ. Увы! не вѣдалъ я того, что изъ сего-то посѣщенія проистекутъ всѣ мои нещастіи. Графиня *Линьякъ* взяла съ собою молодую дѣвицу *Марини*, и шевалье ея брата. Мы препроводили болѣе мѣсяца въ деревнѣ, и всѣ вмѣстѣ возвратились въ городъ. Шевалье *Марини* не могъ видѣть *Кларимонду*, не полюбя ее страстно; сіе обстоятельство никакъ отъ замѣчанія моего не укрылось, и я съ досадою смотрѣлъ на тѣ учтивости, которыя онъ ей оказывалъ. Наконецъ не въ силахъ былъ удержать себя, что бы не признаться въ томъ моей любовницѣ; но она называла причину моего страха вздоромъ и единою мечтою.

Мать *Кларимонды*, начиная самымъ дѣломъ помышлять о замужствѣ своей дочери, не имѣла уже намѣренія отдавать ее въ монастырь. Мы оба, то есть я и шевалье *Марини* бывали всякой день у графини *Линьякъ*, и видѣлись тамъ безпрестанно съ *Кларимондою*. Примѣтилъ я одинъ разъ, что она была задумчива и безпокойна: показалось мнѣ сверхъ того, что давала она шевалье нѣкоторые знаки, въ которыхъ надѣялся я имѣть не малое участіе. Сіе при-

вело меня въ великое безпокойство, и я вознамѣрился съ нею объясниться. Опасаюсь такого нещастія, сказалъ я ей нѣкогда, о которомъ трепещу и помыслить. Ваша ко мнѣ склонность перемѣнилась, прекрасная *Кларимонда*! и можетъ быть уже я совсемъ удаленъ отъ вашего сердца; такого ли награжденія моя искреннѣйшая къ вамъ любовь достойна? Вы напрасно жалуетесь, отвѣтствовала она, будьте увѣрены, что по мѣрѣ вашей ко мнѣ любви и вашего постоянства всегда вамъ благодарна буду. Сіи послѣднія слова выговорила она съ нѣкоторою досадою, сквозь которую усмотрѣлъ я не малую въ ней тоску. Дѣвица *Марини*, которую по справедливости должно было почитать лазутчицею ея брата, перервала мою рѣчь своимъ приходомъ. Многіе дни послѣ сего прошли такъ, что я не могъ безъ свидѣтелей поговорить съ *Кларимондой*; да казалось, что она и убѣгать старалась, что бы мнѣ не подать къ тому случая. Сверхъ сихъ нещастій, которыя мнѣ любовь приключала, вскорѣ обремянили меня новыя печали. Мой родитель, столь дражайшій родитель, которому, какъ ты знаешь, такъ много я былъ обязанъ, занемогъ отчаянно. Опасность его изгнала на нѣкоторое время всѣ протчія мысли изъ моего сердца. Однако ни употребленныя старанія, ни молитвы о его исцѣленіи, предъ Богомъ пролитыя мною,

ни что, однимъ словомъ, не сильно было продолжить жизнь его. Лѣкари не могли найти источника его немощи; онъ постигнутъ былъ общею всѣхъ насъ участью, и по претерпѣніи трехъ-недѣльнаго отъ болѣзни страданія, скончался, къ сожалѣнію и слезамъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Тоска моя была столь велика, что я едва о *Клариондѣ* помнилъ. Всякой думалъ, что крушась о тратѣ столь любимаго родителя, не умедлю и самъ за нимъ послѣдовать; но время, разсужденіе и невозможность возвратить жизнь его моимъ сокрушеніемъ, мало по малу смущенныя мои мысли успокоили. Образъ *Клариондры* возвратился тогда въ мое сердце; она приняла опять всю ту власть, которую надъ нимъ имѣла прежде; и я увидѣлъ, что мнѣ будетъ столь же трудно утѣшиться о потерянiи ея дружбы, какъ о лишеніи моего родителя.

Я наслѣдовалъ великое имѣніе, которое въ числѣ знатнѣйшихъ въ королевствѣ могло считаться: былъ я одинакой сынъ, слѣдовательно безъ исключенія всѣ вотчины моего родителя мнѣ достались. Свойственники мои говорили мнѣ о весьма выгодныхъ невѣстахъ; но я на то никакъ не могъ склониться, вознамѣрясь просить о совершеніи моего благополучія мать *Клариондры*. Тѣ, которыя ей о желаніи моемъ предлагали, получили отъ нея въ отвѣтъ, что она мыслей

своихъ, въ разсужденіи меня, никогда не перемѣняла, что ея намѣреніи, какъ прежде сего, такъ и по кончинѣ моего родителя, всегда одинаковы, что она увѣрена объ родѣ и объ великомъ моемъ богатствѣ, и что наконецъ не отрекается принять меня въ свое семейство; но я поставила себѣ за правило, продолжала она, не дѣлать принужденія моимъ дѣтямъ, и для того считаю за нужное узнать о томъ мнѣніе *Кларимонды*; но не сомнѣваюсь, что бы ея отвѣтъ не сходствовалъ съ моими мыслями, по тому что Маркизъ, какъ довольно уже я могла примѣтить, дочерѣ моей не противенъ.

Я воображалъ себѣ, что щастіе мое совершенно, по тому что окончаніе онаго отъ самой любовницы моей зависило. Но ахъ! какъ мало тогда извѣстно мнѣ было легкомысліе и вѣроломство женщинъ. *Кларимонда* просила мать свою, что бы не спѣшить ея замужствомъ, сказывая, что она не отречется и теперь, когда мать ея того потребуетъ, за меня выдти; но проситъ ее съ своей стороны объ отсрочкѣ сего брака на нѣсколько мѣсяцовъ, увѣряя, что ея мысли всегда будутъ одинаковы. Услышавъ сей отвѣтъ, былъ я долгое время въ недоумѣніи. Я приписывалъ своенравіе моей любовницы, склонности ея къ шевалье *Марини*, а отсрочку, которую она требовала, почиталъ учтивымъ для меня от-

казомъ: время всѣ мои догадки оправдало. Сіе столько меня тронуло, что я не могъ предъ *Кларимондою* скрыть своей досады, которая противъ воли моей вырвалась изъ моего сердца. Никогда бы не думалъ я того, государыня моя, сказалъ я ей, что бы вы могли быть единственною препоною къ моему щастію. Я считалъ, что вы безъ прекословія повинуетесь волѣ матушкиной; но вижу теперь, что надежда меня обманула. Признаюсь, что мнѣ никогда не надлѣжало тѣмъ ласкать себя, что бы я могъ обладать вами; познаю теперь мою дерзость, и стараться буду, что бы впредь, какъ возможно меньше васъ безпокоить; уступаю всѣ правы, которыя, кажется, я довольно заслужилъ, моему сопернику, не считая однако, что бы шевалье *Марини* былъ болѣе меня того достоинъ. Ябъ совсемъ не думала, сказала *Кларимонда*, что бы когда нибудь доведена была до подобныхъ сему выговоровъ, и одно терпѣніе, съ которымъ ихъ выслушала, довольно увѣряетъ васъ о моемъ къ вамъ почтеніи; какъ бы то ни было, но я не отвергала вашего предложенія, а хотѣла только для нѣкоторыхъ причинъ, отъ которыхъ зависить могло благополучіе моей жизни, умедлить на короткое время моимъ бракомъ; вамъ остается теперь дѣлать все то, что вамъ угодно: ежели вы намѣрены меня оставить, то нѣтъ вамъ нужды брать за пред-

логъ тому шевалье *Марини*; можетъ быть онъ съ лучшимъ противъ васъ постоянствомъ любить умѣетъ; но я объ немъ никогда не думала, и ежели теперь о его склонности извѣстна, то вы перьвые о томъ мнѣ объявили. Между тѣмъ удалимся отъ подобныхъ сему объясненій, которыя насъ только раздражаютъ, и будьте увѣрены, что я не такъ сотворена, что бы спокойно могла ихъ слушать. При сихъ словахъ она съ суровостію меня покинула. Мнѣ хотѣлось также противъ ея казаться равнодушнымъ, хотя далекъ отъ того былъ въ моемъ сердцѣ.

Съ сего дня мало мы имѣли разговоровъ: она въ присутствіи моемъ оказывала тысячу ласковостей шевалье *Маринію*. Я притворялся напротивъ того, что имѣю склонность къ бароншѣ де *Сентъ-Циръ*, которой сдѣлано отъ меня сіе предпочтеніе, по той единственно причинѣ, что имѣла она нравъ весьма веселый, и что забавные ея разговоры услаждали нѣсколько мою скуку, приключенную мнѣ непостоянствомъ *Клариманды*.

Съ мѣсяцъ уже было нашей ссоры, какъ идучи нѣкогда около полуночи мимо ея дома, увидѣлъ я *Марини* оттуда выходящаго. Не трудно мнѣ было его узнать при свѣтѣ огня, съ которымъ одна служительница проводивъ его изъ дому, тотчасъ затворила двери. Запальчивость овладѣла моимъ сердцемъ; я выхватилъ шпагу, не разсуждая

ничего о моемъ поступкѣ, кинулся на него, говоря: „защищай себя *Марини*, надобно, „что бы одинъ изъ насъ легъ на мѣстѣ.„ Не трудно было ему меня узнать: радуюсь, сказалъ онъ, отступивъ нѣсколько, что нахожу теперь тотъ случай, котораго такъ долго искалъ безъ успѣха. Мы наступали другъ на друга какъ сумасшедшіе. Любовь и мщеніе подкрѣпляли наши силы. Судьба была мнѣ сей разъ благопріятна: я далъ моему сопернику такую рану, которая его съ ногъ повергла. Увидя его паденіе, хотѣлъ было его поднять и подать ему помощь; но самъ принужденъ былъ спасаться бѣгомъ, при приближеніи множества вооруженныхъ людей, которые на шумъ нашего боя прибѣжали. Не вѣдалъ я, что о томъ подумать, но остановясь, услышалъ голосъ *Маринія*, который ихъ просилъ, что бы не гнаться за мною; а стараться только подать ему помощь. Какъ скоро я пришелъ домой, то помышлялъ о приведеніи себя въ безопасность, не сомнѣваясь о томъ, что сіе приключеніе въ скоромъ времяни всѣмъ извѣстно будетъ. Я удалился на шесть миль отъ города, въ домъ барона *Шатофора*, приказавъ *фронтину* пріѣхать ко мнѣ на другой день съ извѣстіемъ, что объ нашемъ сраженіи будетъ слышно. Онъ пріѣхавъ, объявилъ мнѣ, что *Марини* живъ, и рана его не опасна, и что главная причина его немощи

есть сильное истеченіе крови, сказавъ при томъ, что уже всѣмъ извѣстно о моемъ въ томъ участіи, и что слышно сверхъ того, что *Кларимонда* весьма печалится, и что она очень была тронута, узнавъ о нашемъ сраженіи, не могши угадать, чтобъ было настоящею онаго причиною. Всѣ сіи новизны принудили меня содержать себя тайно въ моемъ убѣжищѣ; но вскорѣ послѣ того новыя бѣды къ совершенному меня утѣсненію стремящіяся, перемѣнили мое жилище, и возвращая мало по малу мое прежнее спокойствіе, довели меня до сего блаженнаго состоянія, въ которомъ ты меня теперь видишъ.

Я посылалъ часто въ городъ навѣдываться. Шевалье *Марини* находился уже внѣ опасности, и я готовъ былъ показаться, какъ въ одинъ день *Фронтинъ* привезъ мнѣ сію печальную вѣдомость: что соперникъ мой увезъ въ полночь мою вѣроломную любовницу, что никто не сомнѣвался о ея на то согласіи, по тому что и служительница ея вмѣстѣ съ нею скрылась, что мать находилась въ отчаяніи, будучи тѣмъ смертельно тронута, и что родственники *Кларимондины* дѣлали всѣ возможные поиски, но не могли отъискать ни малѣйшаго слѣда бѣжавшихъ.

Сія новость повергла меня въ жесточайшее отчаяніе. Я клялся нѣсколько разъ

погубить *Маринїя*; раскаявался, что оставилъ ему жизнь, которую прекратить было въ моей волѣ, хотѣлъ ѣхать и его искать вездѣ, гдѣ только найти надѣялся, и досадовалъ до безконечности на *Кларимонду*, называя ее самыми гнусными имянами.

Пріятель, у котораго я находился, не противился сей перьвой бурѣ, зная, что самые здравые совѣты не полезны тому, который слѣдовать имъ не въ состоянїи. Онъ принималъ участїе во всѣхъ моихъ оскорбленїяхъ, и мало по малу умѣлъ меня до того довести, что я началъ внимать его представленїямъ. Великаго труда въ началѣ мнѣ сїе стоило: я отвращалъ глаза отъ того свѣта, которымъ онъ мракъ моихъ мыслей просвѣтить старался. Сїе отъ меня его не отвращало; онъ находилъ способъ согласовать свои наставленїи съ моимъ тогдашнимъ положенїемъ и съ движенїями моего духа, признаваясь иногда, что весьма жестокъ ударъ меня поразившїй; а иногда напротивъ того представляя мнѣ, что любовь тѣхъ только дѣлаетъ неблагополучными, которые противъ нещастїя не умѣютъ ополчиться, и что человѣку, хотя нѣсколько здравымъ разсудкомъ одаренному, стыдно оному не послѣдовать. Наконецъ онъ столь много успѣлъ, что ежели не совершенно мое сердце успокоилъ, такъ по крайней мѣрѣ истребилъ изъ него досаду,

гнѣвъ и прочія страсти его терзающія; а увидя послѣ, что я могъ уже внимать его наставленіямъ, раздѣлилъ онъ со мною всѣ сокровищи приобрѣтенной имъ въ трехълѣтнее его уединеніе премудрости. Между прочимъ часто разговаривали мы объ женщинахъ: онъ объ нихъ разсуждалъ справедливо, равно какъ и обо всѣхъ суетахъ оставленнаго имъ свѣта.

Вы будете благополучны, сказалъ онъ мнѣ однимъ днемъ, когда употребите въ свою пользу теперешнее ваше расположеніе. Послушайте меня, и для избѣжанія впредь новаго нещастія, затвердите въ своей памяти всѣ тѣ разсужденіи, къ которымъ послѣднее неблагополучіе васъ понудило. Посмотрите, какимъ спокойствіемъ и какою тишиною наслаждаюсь я въ моей деревнѣ: когда необходимость меня зоветъ въ городъ, я не могу безъ сожалѣнія разстаться съ моимъ блаженнымъ жилищемъ. Здѣсь-то безпрепятственно размышляю я о нещастіяхъ, которыя любовь обыкновенно влечетъ за собою; они почти неизбѣжны, чѣмъ бы любовная страсть ни кончилась, хотя бракомъ, хотя подобнымъ вашему приключеніемъ. Знаю я довольно такихъ, которые сочетавшись съ своими любовницами, почитали себя изъ всѣхъ щастливѣйшими; но сіе благополучіе какъ сонное видѣніе изчезало. Горячая ихъ любовь пропадала вмѣстѣ съ бракомъ,

оставляя по себѣ одну заботу домоводства, и вмѣсто забавъ и смѣховъ, которыми они окружены были находясь еще любовниками, не видѣли вокругъ себя, учинясь мужемъ и женою, ничего, кромѣ попеченія, суетъ и грусти. Когда мы влюблены, то съ самой лучшей стороны себя казать стараемся: мущина, желающій понравиться, скрываетъ всѣ свои недостатки; женщина всякая еще лучше того умѣетъ притвориться; и часто любовникъ съ любовницею мѣсяцовъ съ шесть только что другъ друга обмануть стараются: наконецъ они женятся, и за свое притворство на всю остальную жизнь бываютъ одинъ другому наказаніемъ. Бракъ почитаю я обязательствомъ самымъ опаснѣйшимъ въ нашей жизни. Не подумайте, продолжалъ онъ, что бы союзы не имѣющіе своимъ основаніемъ взаимной склонности, были удачнѣе; они имѣютъ еще вящшія неудобности: какого добра ожидать отъ такого брака, который напримѣръ на сребролюбіи основанъ? Знатный господинъ, истощенный неумѣренностію расходовъ, женится на дочерѣ богатаго откупщика, считая единственнымъ сіе способомъ для поправленія своего разстроеннаго состоянія, и совсемъ не чувствуя той нѣжности, которая необходима къ благополучію брака; оскорбленное такимъ союзомъ его тщеславіе, едва одно названіе *супруги* женѣ его

оставляетъ. Въ перьвую только ночь, для сохраненія благопристойности, онъ раздѣляетъ съ нею свое ложе, считая, что уже и безъ того довольно учинилъ снисхожденія, когда за полученные девять сотъ тысячь ливровъ отъ своего тестя, позволяетъ его дочерѣ носить свою фамилію. Не рѣдко судьба знатной дѣвицы бываетъ также незавидна: она выходитъ иногда за бездѣльника обогатившагося, утучнѣвшаго народною кровію, облеченнаго великимъ чиномъ, который онъ безчеститъ, доставъ его исторгнутою отъ вдовы и сироты корыстію. Сколько есть такихъ дѣвицъ, которыхъ выдаютъ замужъ, не спросивъ ни мало ихъ на то согласія! Не подумайте, однако, что бы я вамъ хотѣлъ сказать, что нѣтъ совсемъ благополучныхъ браковъ: сіебъ съ моей стороны было несправедливо; но столь однако трудно сему случиться, что мы весьма рѣдко примѣры тому видимъ, по тому что щастливый бракъ зависитъ отъ соединенія многихъ различныхъ обстоятельствъ: когда съ обѣихъ сторонъ напримѣръ ровная знатность и ровное богатство, то несходны нравы; когда же нравы и склонности одинаковы, то препятствуетъ неравность знатности или имѣнія. Скажите, не послѣдуя своему предразсужденію, не соотвѣтствуютъ ли мои слова вседневному опыту и здравому разсудку; и такъ, употребите

смыслъ, вамъ отъ Бога дарованный, на совершенное себя исцѣленіе отъ вашей страсти. Вы считали союзъ съ *Кларимондою* за благополучіе, но можетъ быть, что бы то служило къ сущему вашему нещастію.

Подобные сему разговоры, утверждали спокойствіе въ моемъ сердцѣ. Я примѣчалъ, что въ немъ тишина вступала намѣсто волненія; образъ *Кларимонды* мало по малу изъ онаго истреблялся; и ежели я объ ней и вспоминалъ, то развѣ по причинѣ учиненнаго ею вѣроломства. Главнѣйшее у меня было попеченіе пользоваться наставленіями моего пріятеля. Въ четыре мѣсяца моего съ нимъ пребыванія, сдѣлалъ я больше благоразумныхъ размышленій нежели во все время прежней моей жизни. Я намѣренъ вамъ объявить, сказалъ онъ мнѣ нѣкогда, что меня завело въ сіе уединенное жилище: всѣ мои пріятели, равно какъ и вы, приписывали мое удаленіе любви къ наукамъ и омерзенію, къ суетамъ свѣтскимъ. Я старался утаить отъ всѣхъ истинную тому причину; но теперь открывая оную, подаю и вамъ надежду, что вы, по примѣру моему, будете и сами когда нибудь въ состояніи равнымъ моему спокойствіемъ наслаждаться.

Повѣсть о баронѣ *Шатофоръ*.

Я употребилъ молодые мои годы на ученіе философіи, казалось, что былъ въ томъ и

не безъ успѣха, какъ вдругъ вся моя мудрость, о которой я такъ много мыслилъ, къ совершенному паденію приближилась. Вы довольно знаете *Клоринду*, она-то первая покой мой возмутила. Великое богатство ея отца, чему она, какъ одинакая дочь, имѣла быть наслѣдница, побуждало многихъ искать ея благосклонности. Часто видѣлся я съ нею у баронши де *Сентъ-Циръ*: вы сами не рѣдко были туда вхожи; и такъ, не имѣю нужды говорить о томъ, сколь многія пріятности она имѣла. Непринужденное и свѣтское обращеніе въ семъ домѣ, подавало поводъ ко многимъ забавнымъ разговорамъ, въ которыхъ я не могъ, что бы не удивляться остроумію *Клоринды*. Она имѣя здравый разумъ отъ натуры, старалась еще украсить его многимъ чтеніемъ. Мало по малу усиливалась моя привычка ко всегдашнему съ нею обхожденію. Я насыщалъ себя съ жадностію симъ ядомъ, не примѣчая того, сколь онъ вреденъ. Я уже былъ влюбленъ, хотя о томъ не вѣдалъ, и мое сердце само себя обманывало. Съ шесть мѣсяцевъ таково было мое состояніе; оно бы и далѣе въ одинакомъ положеніи продолжалось, ежели бы графъ *Мюни*, начавъ съ великими стараніями свататься *Клориндѣ*, не принудилъ меня усмотрѣть моей страсти. Какъ мнѣ о томъ сказали, то почувствовалъ я въ душѣ моей такія движенія, которыхъ ни

чѣмъ не въ состоянiи былъ успокоить. Не безъ удивленiя увидѣлъ тутъ, сколь сильно любовь овладѣла мною, измѣряя обширность ея моею ревностiю. Какъ скоро встрѣтился я у баронши съ *Клориндою*, то не могъ удержаться, что бы ей не сказать съ довольно смущеннымъ видомъ: и такъ, вы выходите замужъ, прекрасная *Клоринда*, и мы васъ навсегда теряемъ. Вотъ первое о томъ извѣстiе, которое отъ васъ слышу, говорила она; но хотя бы я и вышла, однако прiятелей моихъ никогда не позабуду, и съ вами никогда не разстанусь, любя такъ много хорошее общество. Увы! вскричалъ я, не могши никакъ себя отъ того воздержать, не потеряю ли я васъ, когда вы будете въ объятiяхъ другаго. Боже мой! какой это ударъ для человѣка, преисполненнаго столь сильною къ вамъ страстiю. Знайте, прекрасная *Клоринда*, продолжалъ я, поздо уже теперь мнѣ притворяться; знайте, что васъ люблю, и любовь моя самая жестокая: ревность меня терзаетъ; я пораженъ уже тѣмъ ударомъ, который мнѣ готовится; и ежели мой соперникъ въ самомъ дѣлѣ щастливъ, то смерть остается для меня единымъ спасенiемъ. Вы о такихъ вещахъ мнѣ говорите, сказала мнѣ *Клоринда*, на которыя бы мнѣ и отвѣтствовать вамъ не надлѣжало; но я еще хочу, уважая друга, простить любовнику. Станемъ жить по пре-

жнему, удалимъ отъ себя любовныя хлопоты, и будемъ одною взаимною пріязнію довольны. Ко успокоенію вашему, увѣряю васъ, что ежели удачливый соперникъ васъ такъ много устрашаетъ, то вы ничего съ этой стороны не опасайтесь, по тому что я ни малаго намѣренія къ замужству не имѣю, почитая вольность наилучшимъ для себя сокровищемъ. Хотя мнѣ и прискорбно, отвѣчалъ я, не видѣть вашей благосклонности; но признаюсь, что стократно болѣе того терзался, когда воображалъ себѣ все то, что мнѣ объ васъ сказано, и пока мысли ваши будутъ свободны, то остается, по крайней мѣрѣ, мнѣ надежда, что могу ихъ когда нибудь въ пользу свою тронуть.

Послѣ перваго сего шага, не у мѣста бы было мое притворство; и я не стараясь уже о потушеніи моей страсти, искалъ только способовъ ее удовольствовать. *Клоринда* отказала графу *Мюни*: сіе обстоятельство меня больше ободрило. Я считалъ, что когда сердце моей любовницы ни кѣмъ не занято, то имъ рано или поздо овладѣетъ мое постоянство. Три мѣсяца протекли, а я никакихъ успѣховъ еще для себя не видѣлъ. Слова мои хотя выслушивала, но сколь однако сіе мало! наконецъ начала приходить обо мнѣ въ сожалѣніе. Вы достойны лучшей участи, сказала мнѣ нѣкогда *Клоринда*, ежели бы я могла кого любить, то

чувствую, что вы бы предъ всѣми имѣли сіе преимущество; но единое наименованіе любви, въ такой меня приводитъ ужасъ, что потерю вольности считаю я не иначе, какъ лишеніемъ себя всего на свѣтѣ. Будьте довольны, называясь моимъ другомъ; дружба наполняетъ наше обращеніе веселіемъ, которое отъ одного имяни любовника убѣгаетъ. А я убѣгаю такого обращенія, отвѣчалъ я, въ которомъ столь малое участіе принимаю, не желаю я сего имяни друга, напоминающаго мнѣ холодность вашу, хочу иногда убѣгать и васъ самихъ; но оковы моего сердца непрерывны: оно при всей вашей жестокости васъ обожаетъ. Разсудитежъ, сударыня, сколь бы велика была моя къ вамъ горячность, ежелибъ вы хотя мало оной отвѣчали. Для меня одно отчаяніе остается, сказалъ я ей однимъ днемъ, вижу, что долженъ теперь въ него вдаться, не могши васъ ни мало тронуть; буду искать смерти: удалюсь въ самый отдаленный край свѣта, гдѣ сокрою нещастнаго изъ всѣхъ человѣка; пусть судьба всю жестокость свою тамъ надо мною истощаетъ. Такъ, вы хотите насъ оставить, отвѣтствовала *Клоринда*, что за зло вредная участь ваша, что, или вамъ, или вашимъ пріятелямъ надобно быть неблагополучными. Какое находите вы нещастіе, сказалъ я ей, въ любви человѣка, столь искренно васъ почитающаго?

Конечно нещастïе, продолжала она, для того, кто покой свой выше жизни почитаетъ. И такъ, вы меня въ послѣднïе теперь видите, примолвилъ я, мои безплодныя жалобы не будутъ васъ больше безпокоить; мѣста самыя уединенныя будутъ однѣ свидѣтели моей грусти. При сихъ словахъ, противъ воли моей, показались у меня на глазахъ слезы; *Клоринда* будучи тѣмъ тронута, сказала, не удаляйтесь, вы меня много огорчите, ежели намѣренïя вашего не отмѣните. Не требуйте на сей разъ лучшаго отъ меня изъясненïя, и разсудите, что, ежели его не довольно для васъ, то напротивъ того съ лишкомъ много для такого сердца, каково мое. Я не могъ ей ничего на то отвѣтствовать: она съ поспѣшностïю отъ меня удалилась; но безпокойство, которое я во всѣхъ ея движенïяхъ примѣтилъ, увѣряло меня, что и я любимъ ею больше нежели прежде того надѣялся. Сей разговоръ сдѣлалъ меня посмѣлѣе: я усугубилъ мои стараніи къ обрѣтенïю отъ ней взаимности; жалобы, вздохи, клятвы, исканïи, ни что, однимъ словомъ, не было забыто мною. Наконецъ, наступила столь желаемая мнѣ минута, однимъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которые любовь, самыми трогающими выраженïями себя изъясняетъ, *Клоринда* приведена была въ жалость. Довольно уже того, баронъ! сказала она мнѣ, вы побѣдили, упорство мое

уступаетъ столь постоянному отъ васъ исканію; ежели моя рука нужна къ учиненію васъ щастливымъ, то вы ея взять можете. Я бросился къ ея ногамъ, изъясняя мою благодарность со всевозможною нѣжностію и жаромъ, и просилъ у ней позволенія, поспѣшить, какъ наискорѣе союзомъ нашимъ. Не имѣя родителей, находился я въ своей волѣ, и не сомнѣвался, что бы мое предложеніе и *Клориндиныхъ* отцемъ не было благосклонно принято. Страсть моя понудила меня сократить всѣ околичности: брачный договоръ былъ написанъ безъ всякаго отъ меня, на какой либо изъ онаго пунктъ, спора, и оставалось уже три дни до нашего сочетанія, какъ *Клоринда* потребовала отъ меня, что бы его отсрочить на пятнадцать. Тщетно я тому прекословилъ. Не откажите мнѣ, говорила она, въ сей прозбѣ, пусть любовь ваша утѣшитъ мое малодушіе: у меня есть нѣкоторая въ томъ примѣта. По моей горячности, я на все бы согласился, чегобъ она ни потребовала; но, о великій Боже! какъ сіе было для меня удачно: трепещу и теперь, воображая, чему бы я себя подвергнулъ, женясь на *Клориндѣ*. Тутъ не безъ особливаго приключенія, сказалъ я тогда *Шатофору*, когда вы разошлись съ нею, бывъ уже такъ близки къ заключенію вашихъ обстоятельствъ. Я обще съ цѣлымъ свѣтомъ

думалъ тогда, что одна любовь къ наукамъ перемѣнила ваше намѣренїе. Тому-то я и радъ былъ, продолжалъ онъ, что и наилучшихъ моихъ пріятелей, для сохраненїя чести моей вѣроломной любовницы, могъ оставить въ сихъ мысляхъ, и умолчать предъ ними о томъ приключенїи, которое вы услышите.

Во время тѣхъ пятнадцати дней, которые *Клоринда* испросила, обыкновенно ужиналъ я у ней въ домѣ, и оттуда выходилъ всегда поздо. Одинъ разъ въ половину ужина она встала изъ за стола, сказывая, что голова у ней сильно заболѣла, и ушедъ въ свою спальню, извинялась, что не можетъ меня видѣть того вечера. Посидѣвъ нѣсколько часовъ съ ея отцемъ, пошелъ я домой. Было тогда лучшее лѣтнее время; и такъ, для разогнанїя тоски, которую болѣзнь моей любовницы мнѣ приключила, разсудилъ я прогуляться по площади св. *Іякова*. Пріятность воздуха, соединенная съ тишиною ночи, погрузили меня въ великую задумчивость, изъ которой я часа три не могъ выдти. Примѣтивъ наконецъ, что уже было около полуночи, хотѣлъ поспѣшать ко двору, какъ услышалъ нѣкоторый шумъ въ ближней улицѣ. Любопытство меня завело туда, и я увидѣлъ двухъ человѣкъ, отнимающихъ какую-то корзину у третьяго. Что вы за насилїе

ему дѣлаете, закричалъ я. Государь! отвѣтствовали они, мы исправляемъ нашу должность; постановлены мы здѣсь для усмотрѣнія несущихъ въ гошпиталь св. *Іякова*, подкидышей, и для принужденія ихъ къ заплатѣ, по установленію, ста таллеровъ. Вопль дитяти, сокровеннаго въ сей корзинѣ, нами услышанъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ тотчасъ далъ о себѣ знать своимъ плачемъ. А какъ гошпиталь въ сей самой улицѣ находится, то я уже готовъ былъ ихъ оставить, какъ человѣкъ съ корзиною, началъ меня просить, говоря сіе: милостивѣйшій государь! для самаго Бога избавте меня отъ сихъ людей; не въ гошпиталь, а къ отцу несу сего ребенка; вы окажете чрезъ то величайшее одолженіе не простымъ особамъ. Объявленіе его возбудило во мнѣ любопытство. Я сказалъ приставамъ, что бы не трогали они сего человѣка, что нѣтъ ему никакой до гошпиталя нужды, и чтобъ его больше не держали. Государь мой, отвѣтствовалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, это одна только съ его стороны отговорка; а какъ скоро мы удалимся, то онъ не преминетъ съ своимъ ребенкомъ сюда появиться. Ежели такъ, сказалъ я имъ, то поведу съ собою сего человѣка, и за все въ протчемъ отвѣтствую. Я ему велѣлъ за мною слѣдовать; что онъ охотно учинилъ, избавясь отъ приставовъ. Мы уже поворотили въ

другую улицу, какъ онъ остановивъ меня, началъ говорить: великодушный господинъ! сіе невинное созданіе, съ самаго своего рожденія еще ничего не вкушало; кормилица дожидается въ домѣ отца, къ которому я его несу; такъ лучше мнѣ идти туда, нежели къ вамъ. На все согласенъ, сказалъ я ему, только объяви мнѣ, кто отецъ сего ребенка; а безъ сего ни чѣмъ не увѣришъ меня, что бы ты не имѣлъ какихъ нибудь злобныхъ намѣреній; я буду принужденъ его отнять, а тебя отдать подъ караулъ. Онъ долго отговаривался; но я вновь началъ угрожать, что отниму ребенка, и показалъ ему, что уже готовъ сіе исполнить. Милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ на то, необходимость, въ которую вы меня приводите, позволяетъ мнѣ разрѣшить мое молчаніе. Надѣюсь, что по оказаніи столь великодушнаго поступка, вы не обратите во зло сей тайны: это дитя одной богатой дѣвицы, называемой *Клоринда*; а несу я его къ отцу господину . . . . канонику соборной церкви. При сихъ словахъ былъ я неподвиженъ; ноги мои, казалось, что будто подломились, и я чуть не упалъ навзничь. Стоявъ долгое время, какъ человѣкъ всѣхъ чувствъ лишенный, ухватилъ наконецъ сего человѣка за руку, и сильно сжавъ ее, бездѣльникъ! вскричалъ я; не знаю, что меня удерживаетъ отнять сіюжъ минуту жизнь твою. Какъ

осмѣливаешься ты столь гнусною выдумкою безчестить добродѣтельную дѣвицу? дерзость твоя не пройдетъ безъ наказанія; говори мнѣ сей же часъ всю истинну, или, знай, что не избѣгнешъ моей ярости. Милостивый государь! я уже вамъ ее объявилъ; вотъ, во увѣреніе ваше, писмо отъ самой *Клоринды*, и перстень брилїантовый, данный мнѣ для врученія канонику, у котораго я въ служителяхъ. Развернувъ сіе писмо, и какъ разсвѣтать уже начинало, то я безъ труда узналъ почеркъ моей вѣроломной любовницы. Вотъ что оно содержало:

„*Кантилїонъ*, вашъ служитель, прибылъ „весьма къ статѣ; часа уже полтора, какъ „я разрѣшилась. Посылаю къ вамъ теперь „нашего любезнаго сына; имѣйте о немъ по„печеніе. Не можно мнѣ пространно къ вамъ „писать; а *Жакелина*, моя служанка, изъ„яснитъ вамъ въ своемъ писмѣ подробно „обо всемъ томъ, что у насъ происходило.„

Разсудите сами, продолжалъ *Шатофоръ*, каково было мое удивленіе. Одно сіе уменшало мою печаль, что еще время не пропущено было сохранить себя отъ всѣхъ нещастій, которыя подобный бракъ обыкновенно приключаетъ. Я спросилъ писма отъ служанки; онъ мнѣ его подалъ, и вотъ что она писала:

„Госпожа моя благополучно отъ бремяни „своего разрѣшилась, слава Богу! ни малой

„опасности въ ней не видно, и она для успо-„коенїя вашего сама къ вамъ пишетъ. Какъ „скоро *Марфа*, которую мы послали при „первомъ съ барышнею моею за ужиномъ „припадкѣ, возвратилась, объявляя, что у „васъ все въ готовности, то уже намъ не „о чемъ было безпокоиться. Все окончилось „столь благополучно, что нашъ бѣдный рого-„носецъ въ вѣкъ о томъ не провѣдаетъ. Го-„спожа моя препоручаетъ мнѣ послать къ „вамъ брилїантовый перстень, полученный „ею въ числѣ прочихъ подарковъ отъ буду-„щаго ея мужа. Она не встанетъ дней семь „или восемь съ постели; а головная боль, „за ужиномъ приключившаяся, будетъ из-„ряднымъ къ тому предлогомъ.„

Я возвратилъ сему человѣку писмо отъ *Жакелины*, а *Клориндино* у себя оставилъ, и пошелъ отъ него, не сказавъ ему ни слова. Онъ началъ было что-то говорить; но я вмѣсто отвѣта, ударилъ его разъ пять по спинѣ шпагою; и такъ, нечего ему было больше дѣлать, какъ только продолжать свой путь.

Какъ скоро я пришелъ домой, то представились мнѣ всѣ тѣ нещастїи, отъ которыхъ судьба чрезъ это приключеніе меня сохраняла. Сія мысль едва напомнить мнѣ дала, что теряю любовницу. Я вознамѣрился прибѣгнуть къ книгамъ, и начать прежнюю мою жизнь; а что бы избѣжать излишнихъ

словъ, которыя конечно по разрывѣ моего знакомства съ *Клориндою* послѣдуютъ, то удалился я въ сію деревню, отославъ къ ней ея писмо, и приложивъ при томъ другое отъ меня, въ слѣдующемъ содержаніи:

„Нечаянность послала сіе писмецо въ мои „руки; я видѣлъ все то, при чемъ оно по„слано, и говорилъ съ тѣмъ, чрезъ кого оное „было отправлено; и такъ, судите сами, „что мнѣ послѣ сего должно было дѣлать.„

Два дни спустя, по моемъ сюда прибытіи, я получилъ отвѣтъ чрезъ нарочнаго. Первое во мнѣ движеніе побуждало меня отослать его не разпечатавъ; но любопытство, узнать, что женщина въ подобныхъ обстоятельствахъ къ извиненію своему сказать можетъ, принудило меня прочесть, и вотъ что оно содержало:

„Услышавъ, что тотъ, который от„носилъ моего сына, кѣмъ-то былъ задер„жанъ, находилась я въ великомъ страхѣ; „но узнавъ, что это были вы, о томъ „больше не безпокоилась. Не можно мнѣ со„мнѣваться въ вашей честности. Поведеніе, „принятое вами, оную совершенно доказы„ваетъ, и я теперь спокойна.„

Признаюсь, что я надивиться не могъ оному послѣднему ея поступку. Сіе понудило меня къ пространному о женщинахъ размышленію, которое тѣмъ рѣшилось, что я вознамѣрился убѣгать всякаго съ ними

сообщества; и вотъ уже три года, какъ здѣсь живу и совершеннымъ спокойствіемъ наслаждаюсь. Я не иначе ѣзжу въ городъ, какъ развѣ по необходимости въ дѣлахъ моихъ, и возвращаюсь, какъ наискорѣе, наслаждаться спокойствіемъ, въ моемъ уединеніи. Упражненіе мое состоитъ въ полезномъ чтеніи; а забавляюсь садомъ, который мнѣ всякаго времяни плоды и всякаго рода цвѣты производитъ. Честолюбіе и жадность богатства здѣсь невѣдомы. Мрачныхъ дней я для себя не вижу; и почти позабылъ, живетъ ли кто отмѣннымъ отъ меня образомъ; а ежели о томъ и вспоминаю, то всякой разъ похваляю себя за то, что я непоколебимъ въ своихъ правилахъ. Желаю, продолжалъ баронъ *Шатофоръ*, что бы мой примѣръ для васъ былъ полезенъ. Слѣдуйте вашему разсудку, любезный Маркизъ! ваша рана въ половину излѣчена; старайтесь, что бы ее совершенно исцѣлить. Таковые разговоры, самою истинною мнѣ проповѣданные, а больше еще то спокойствіе, которымъ наслаждался мой пріятель, побуждали меня оставить свѣтъ. Я увѣдомилъ его о моемъ намѣреніи; онъ его не опорочилъ: но совѣтовалъ только не спѣшить исполненіемъ. Остерегайтесь, говорилъ онъ мнѣ, въ сіи часы уединеніе вамъ кажется пріятно, ваше сердце, не совсемъ еще освобожденное отъ *Кларимонды*, по-

читаетъ его въ своихъ огорченіяхъ прибѣжищемъ. Къ учиненію себя благополучнымъ, приучитесь напредъ позабыть совершенно и *Клариmонду* и цѣлый свѣтъ съ нею. Воспоминовеніе первой и сожалѣніе о послѣднемъ, всегда покой вашъ потревожить въ состояніи. Ежели достоинствы, чины, и сія мечта, которая отъ людей называется славою, имѣетъ въ себѣ нѣкоторую для васъ пріятность, то не вступайте въ такую жизнь, которую вы недолго можете выдержать; подождите и испытайте себя въ моемъ уединеніи, не избирая для себя особаго, гдѣ вы никакого сотоварищества имѣть не можете. Два мѣсяца послѣ сего прожилъ я еще у барона. Ежедневно усугубляющаяся во мнѣ охота къ уединенію, понудила меня совершенно свѣтъ оставить; мнѣ уже несносно было возвратиться въ городъ. Я далъ полную довѣренность барону управлять всемъ моимъ имѣніемъ, который и по сіе время старается о томъ не оставляетъ. Онъ мнѣ указалъ сей домъ; я нашедъ его съ моимъ намѣреніемъ согласнымъ, велѣлъ починить и снабдить оный всѣми потребностями. Ты знаешь, что я всегда любилъ музыку: она въ уединеніи новымъ была для меня утѣшеніемъ. *фронтинъ*, который не хотѣлъ со мной разстаться, играетъ довольно хорошо на скрипкѣ, и служитъ чрезъ то къ составленію со мною

небольшихъ консертовъ. Я забавляюсь иногда живописью; а всѣ сіи упражненіи оканчиваю чтеніемъ: книгъ у меня хотя немного, но всѣ добрыя. День всегда мнѣ коротокъ кажется. Баронъ *Шатофоръ*, который не далѣе трехъ миль живетъ отсюда, всякую недѣлю на день или на два ко мнѣ пріѣзжаетъ. Мы сообщаемъ тогда другъ другу плоды нашего чтенія, пользуясь тѣми разсужденіями, къ которымъ оное подаетъ намъ поводъ. Два года, которые я здѣсь прожилъ, показались мнѣ однимъ часомъ. Ни кто по сіе время не бывалъ здѣсь изъ моихъ знакомыхъ, по тому что мѣсто сіе, какъ ты видишь, уединенное и удаленное отъ жила.

Маркизъ *Мирмонъ* окончалъ такимъ образомъ свою повѣсть. Графъ *Понсилъ* съ нова увѣрялъ его, сколь великое онъ имѣетъ удовольствіе отъ сего свиданія. Близъ двухъ мѣсяцовъ тому, говорилъ онъ, какъ я изъ *Парижа* возвратился: въ бытность мою тамъ, писали ко мнѣ, что ты куда-то скрылся, что никому неизвѣстно было твое убѣжище, и что наконецъ и самъ баронъ *Шатофоръ*, которому ты далъ довѣренность управлять твоими деревнями, ничего о томъ не знаетъ. Съ общими всѣхъ твоихъ пріятелей стараніями, искалъ я о тебѣ навѣдаться; но молчаливость барона и увѣреніи его, что онъ не извѣстенъ о томъ,

куда ты удалился, понуждали насъ заключать, что ты или мертвъ, или по крайней мѣрѣ находился въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Ты видишъ теперь, отвѣчалъ Маркизъ, что я никогда не былъ столь благополученъ какъ въ сіе время. Но возвратимся въ домъ мой, время ужина приближается, и ежели ты позволишъ не перемѣнять ни въ чемъ моего порядка, то я попотчую тебя небольшимъ консертомъ. Пожалуй поступай по своему, сказалъ графъ; я ожидаю отъ тебя сего одолженія. Маркизъ позвалъ *фронтина*, отворивъ въ своей картинной залѣ шкафъ, гдѣ музыкальныя орудіи находились. Онъ подыгрывалъ своему служителю, который былъ довольно искусный музыкантъ, и совершивъ нѣсколько разныхъ штукъ, сѣли за столъ. Разговоры ихъ касались наиболѣе сей сельской жизни, которая столь великія пріятности въ себѣ имѣетъ. Завтре поведу я тебя въ мой садъ, говорилъ *Мирмонъ* своему пріятелю, надобно показать тебѣ упражненіе мое въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ, и ты самъ тогда, любезный другъ, признаешься, что я не могу терпѣть скуки. Но ты въ прошедшую ночь обмокъ и безпокоился, время пожелать тебѣ пріятной ночи; не прогнѣвайся, однако, ежели не могу лучшаго тебѣ сдѣлать угощенія, какъ уступивъ половину только моей постели,

по тому что другой у себя не имѣю; будь доволенъ тѣмъ по примѣру барона *Шатофора*. Какъ скоро свѣтъ показался, вставай, говорилъ Маркизъ, воспользуемся свѣжестію утра, не упустимъ лучшаго во днѣ времяни; вчерась при закатѣ солнца, мы легли вмѣстѣ съ сими поющими птичками; послѣдуемъ же и теперь ихъ примѣру. Къ чему въ нѣкоторомъ родѣ небытія тратить цѣлую половину дня, который къ намъ никогда не возвратится. Признаюсь, что я мало привыкъ въ сіи часы видѣть солнце, отвѣтствовалъ графъ *Понсилъ*; но охотно на все согласенъ, какъ скоро то тебѣ угодно. Что пользы? сказалъ Маркизъ, развращать наисовершеннѣйшій вещей порядокъ: спать днемъ, исправлять дѣла свои ночью, и безъ всякаго проступка осудить почти себя на вѣчный мракъ. Зловредное ослѣпленіе! скоты начинаютъ насъ научать порядку, управляя себя лучше нежели мы со всемъ нашимъ разсудкомъ.

Какъ скоро графъ одѣлся, то пошелъ въ садъ; пріятель его подалъ ему заступъ, а самъ взялъ поливальникъ наполненный водою. Помогай мнѣ взрощать мои цвѣты, говорилъ ему *Мирмонъ*, это будетъ для насъ упражненіемъ по самое то время, въ которое солнечный зной принудитъ отсюда удалиться. Около семи часовъ возвратились они въ покои. Хозяинъ предложилъ

гостю, не желаетъ ли онъ позавтракать? который на то и согласился. Видишь, мой другъ! примолвилъ Маркизъ, что для возбужденія охоты къ кушанью, ни повара, ни вкусныя похлебки теперь ненужны; одно движеніе тобою учиненное, не повреждая здравія, сію услугу тебѣ оказало. По окончаніи завтрака, пойдемъ теперь въ работную горницу, говорилъ Маркизъ, посмотри моего рисованія, пока наступитъ обѣденное время. Послѣ чего взялъ онъ кисть и краски, и посадивъ подлѣ себя графа *Понсилъ*, началъ отдѣлывать свою картину, изображающую *Деидамію*, и при ней *Ахиллеса* въ женскомъ платьѣ: сей витязь представленъ былъ застающій свою любовницу почти совсемъ нагую; смущеніе ей тѣмъ причиненное, показано было очень живо, равно какъ и смѣющійся ея стыдливости амуръ изображенный въ концѣ картины.

Графъ *Понсилъ* похваливъ изящество работы; признаюсь, говорилъ онъ, что картина сія кажется мнѣ нѣсколько соблазнительна для пустынника, отрекшагося прекраснаго пола. Ежели бы я не былъ предъупрежденъ живописью твоего зала, тобъ въ работной горницѣ уповалъ найти портреты однихъ философовъ. Примѣчаю теперь, отвѣтствовалъ Маркизъ, что ты сильно ошибаешься въ понятіи твоемъ о моей жизни: послѣдуя общему предразсужденію, ты не

не полагаешь различія между благороднымъ человѣкомъ, живущимъ во уединеніи, для вкушенія спокойной жизни, и чернцомъ, находящимся въ ней по принужденію. Время, препровожденное здѣсь тобою, сколь ни кратко, но кажется, что довольно уже вразумить тебѣ могло сію разность; удобнѣе усмотришь ты ее, любезный другъ! изъ слѣдующаго разсужденія нежели изъ моего примѣра: Знай, что вообще, всѣ тѣ, которыхъ мы разумѣемъ подъ имянемъ монаховъ и отшельниковъ, отъ большей части суть люди низкаго происхожденія, заключающіеся въ монастырь для лѣности и тунеядства. Въ столь великомъ множествѣ бродящихъ по свѣту монаховъ, найдется ли хотя одинъ, который бы имѣлъ хотя малое понятіе о наукахъ? невѣжество занимаетъ у нихъ мѣсто достоинства; искусный въ прошеніи подаянія капуцинъ столь же почтенъ между своей братіи какъ *Бурдалу* между Езуитами, или *Малебраншъ* на каѳедрѣ. Возможно ли такимъ людямъ собою быть довольными? тысячею различныхъ пристрастій окружены они посреди ихъ келій; ежели они отъ честолюбія и отъ жадности къ имѣнію свободны, то напротивъ того терзаемы взаимною между собою ненавистью, желаніемъ добиться до сана настоятеля ризничьяго или тому подобнаго; сверхъ того господствующая ими страсть

есть обжирство: участокъ въ пищѣ бездѣлицею меншій противъ прочихъ, производитъ бурю во всей обители. Любовная страсть бываетъ также не всегда въ разлукѣ съ ними: вступивъ въ монашескій чинъ въ младости, и поколику уединеніе рѣдко бываетъ плодомъ ихъ разсужденія, то они о свѣтской жизни, которую не знавъ оставили, сооружаютъ въ себѣ тысячу нелѣпыхъ воображеній. Кухарка въ пятьдесятъ лѣтъ кажется имъ *Еленою*, и не взирая на строгость, въ которой свѣтскіе и духовные начальники ихъ содержатъ; они не забываютъ своевольничать, какъ скоро только найдутъ удобный къ тому случай. Я почитаю монаха такимъ человѣкомъ, который, въ самой юности сдѣлалъ обѣтъ, удалясь отъ свѣта, отдать себя всѣмъ страстямъ на растерзаніе.

Уединеніе, по мнѣнію мудрыхъ, долженствуетъ быть плодомъ размышленія нашего о насъ самихъ. Они не прежде во оное вдаются, какъ по здравомъ и долговремянномъ о томъ разсужденіи; у монаховъ же бываетъ сіе дѣйствіемъ перваго стремленія молодаго человѣка, который меньше еще знаетъ самаго себя нежели то состояніе, въ которое вступаетъ.

Не могу я отъ смѣха удержаться, воображая себѣ, какъ наши духовные пастыри

дѣлаютъ отшельниковъ (*): выбрѣютъ человѣку голову, вденутъ на него мѣшокъ, подпоясанный веревкою; заставятъ его дѣлать разныя нелѣпости; напримѣръ: цѣловать землю, вкушать пищу стоя на колѣняхъ; и онъ промучась такимъ образомъ одинъ годъ, даетъ клятву быть монахомъ, то есть, терпѣть то же самое во всю остальную свою жизнь; но разсудокъ, не взирая на дурное воспитанїе и невѣжество, рано или поздо пробужается и открываетъ ему глаза; тогда-то познаетъ онъ свое состоянїе, и видя невозможность отъ него избавиться, беретъ первое прибѣжище къ унынїю, а послѣднее къ лицемѣрству и распустной жизни. Вотъ, мой любезный *Понсилъ*! истинное изображенїе, ежели я не ошибаюсь, нашихъ набожныхъ отшельниковъ. Посмотритежъ теперь на философа, на человѣка мудраго, на человѣка, однимъ словомъ, не такого, каковъ я, но такого, какимъ я быть стараюсь. Онъ никакихъ не предписываетъ себѣ законовъ, которые бы сдѣлались необходимыми, зная, что человѣкъ, любя свободу, врожденную имѣетъ ненависть къ такимъ обязательствамъ, которыя его угнѣтаютъ. Разсудокъ служитъ ему вмѣсто устава, а честность и благо-

(*) Здѣсь означенъ образъ искуса и постриженїя, по правиламъ западныя церкви.

разумѣе суть единые надѣ нимѣ начальники. Онѣ вселяется вѣ уединенную жизнь не отѣ прихоти или отѣ мечтательнаго страха; а удаляясь отѣ свѣта, онѣ только отѣ суетѣ онаго убѣгаетѣ, не имѣя кѣ слабостямѣ человѣчества ни малой ненависти. Вѣ одеждѣ странной и наше здравіе повреждающей, не находитѣ онѣ ничего кромѣ глупости или суемудрія, и вѣ уединеніи своемѣ всѣми тѣми увеселеніями пользуется, которыя вкушалѣ обращаясь вѣ свѣтѣ, лишь бы спокойствія сердечнаго онѣ не нарушали. Ежели тогда онѣ были позволительными, кѣ чемужѣ послѣ возбранять себѣ оныя? что порочно отѣ того убѣгать надлѣжитѣ всякому, какѣ пустыннику, такѣ не меньше того и свѣтскому. Что добродѣтелью почитается для сего то самое, не думаю, что бы предосудительно было и для перваго. Порокѣ всегда остается порокомѣ: ни порода, ни мужество, ни разумѣ, ни что, однимѣ словомѣ, оправдать его не можетѣ; а ежели онѣ и могѣ бы нѣкотораго ожидать извиненія, то не индѣ, какѣ вѣ пустынѣ, по тому что тамѣ мало соблазна происходитѣ; но какѣ главнѣйшее для честнаго человѣка зло, угрызеніе собственной его совѣсти, то ежели такой впадетѣ вѣ какое погрѣшеніе, то вездѣ уже бываетѣ безпокоенѣ, по тому что раскаяніе всюду за нимѣ слѣдуетѣ, и какѣ вѣ свѣтской, такѣ

равно и въ монастырской жизни спокойствїе его нарушаетъ. Благоразумный человѣкъ удаляется отъ свѣта не съ тѣмъ, что бы себя изнурять въ уединенїи. Онъ и тамъ послѣдуетъ общему всѣхъ обычаю, не выдумывая отмѣнныхъ для своей жизни правилъ; когдажъ нѣкоторыя для себя вновь и предполагаетъ, то не обязывается однако слѣпому имъ повиновенїю, пребывая всегда господиномъ, а не рабомъ своихъ поступокъ; и наконецъ доволенъ будучи, ежели страсти, неразрывно съ человѣчествомъ сплетенныя, возможетъ умѣрить и воздержать своимъ разсудкомъ, не предпринимаетъ онъ никогда несбыточнаго предпрїятїя о совершенномъ оныхъ покоренїи, и что служило ему невинною забавою въ жизни свѣтской, то и во уединенїи его не устрашаетъ. Такъ-то, любезный другъ! и я не опасаясь потревожить моего душевнаго спокойствїя, пишу *Деидамїю* съ *Ахиллесомъ*.

Понимаю теперь образъ твоей жизни, отвѣтствовалъ графъ *Понсилъ*: ты вкушаешъ посреди своего уединенїя всѣ забавы, позволенныя честнымъ людямъ въ свѣтской жизни, не допуская только ихъ выходить изъ надлѣжащаго предѣла, внѣ котораго производятъ онѣ вмѣсто удовольствїя одинъ вредъ. До того-то, сказалъ Маркизъ, во все время моего здѣсь пребыва-

нія, стараюсь я достигнуть; сіе-то, мой другъ, я полагаю цѣлью наисовершеннѣйшей философіи.

Фронтинъ докладывая имъ, что столъ въ готовности, перервалъ ихъ разговоръ. Отобѣдавъ сказалъ Маркизъ своему пріятелю: теперь и я требую отъ тебя, любезный *Понсилъ*, что бы ты не утаилъ отъ меня своихъ приключеній; мнѣ никогда не случалось обстоятельно объ нихъ слышать, и не думаю, что бы не довольно примѣчанія достойнаго нашлось въ похожденіи такого человѣка, который столь много, какъ вы, обращался въ свѣтѣ. Я не премину исполнить твоего желанія, отвѣтствовалъ графъ, и обо всемъ тебѣ объявлю во время прогулки нашей: мы изберемъ для сего тожъ самое мѣсто, на которомъ вчерась сидѣли. Пойдемъ теперь въ твою библіотеку, пока жаръ солнечный уменьшится. Что это? вскричалъ онъ входя въ оную. Какъ у тебя книгъ мало! ихъ и съ шесть сотъ не будетъ! я нахожу еще много излишнихъ въ семъ числѣ, отвѣтствовалъ Маркизъ, и для твоего въ томъ удостовѣренія, разсмотримъ оныя порознь. Сія первая полка занята философами, продолжалъ *Мирмонъ*: вотъ сочиненіи *Платоновы* и *Аристотелевы*; книги, за оными слѣдующія, заключаютъ философію *Эпикурову*, преложенную въ стихи *Лукреціемъ*.

Видишъ ли сїю книжку? это сочиненїи *Дескартовы*, которому наше понятїе, разумъ и сама философїя болѣе обязаны нежели трехъ тысячь лѣтъ ученїю до жизни сего мудраго человѣка. По бокъ его суть *Бернїе* и *Рогольтъ*, первый ученикъ *Гассендїевъ*, а вторый *Дескартовъ*; оба достойные подражатели сихъ великихъ мастеровъ. Вотъ *Маллебраншъ*. Книги въ паргаментѣ, суть сочиненїи двухъ Агличанъ, то есть, *Гоба* и славнаго *Невтона*, мужей по истиннѣ знаменитыхъ; но которые однако не столь далеко превосходятъ *Маллебранша*, какъ о томъ думаетъ ихъ отечество. Слѣдующихъ по семъ трехъ сочинителей, почитаю я достойными рода человѣческаго наставниками: первый есть *Локкъ*, Агличанинъ, превосходящїй человѣчество своимъ остроумїемъ; вторый *Лабрюїеръ*, который проницалъ до самыхъ сокровеннѣйшихъ движенїй въ сердце человѣческое: сочиненїи его по справедливости назвать можно предохранительнымъ средствомъ отъ глупости, тщеславїя и невѣжества. Третїй есть *Монтанеъ*, хотя первымъ двумъ нѣсколько уступающїй; но однако великїя достоинствы имѣющїй. Вотъ книга, называемая *мысли Пасхалевы*; сїя содержитъ въ себѣ *лисмы провинціальныя*, превосходное сочиненїе въ разсужденїи слога и острыхъ мыслей, но не мало

себя затмѣвающее находящимися въ немъ колкими и явительными разсужденіями. Эта небольшая книжка есть одно изъ новѣйшихъ сочиненій: она хотя и была осуждена на смерть при самомъ своемъ рожденіи; при всемъ томъ и въ позднихъ вѣкахъ извѣстна будетъ. Она заключаетъ въ себѣ *философическія листы Волтеровы*, которыя привели у невѣждъ и монаховъ и самаго автора въ не малую ненависть. Вотъ наконецъ двѣ толстыя книжищи *Плутарха* и *Сенеки*. Вторая полка наполнена историками Греческими и Латинскими; подлѣ нихъ находятся лучшіе изъ французскихъ, какъ-то: *Мезерай*, *Дету* и отецъ *Даніель*, хотя уступающіе *Ксенофонтамъ*, *Титамъ Ливіямъ* и *Салюстіямъ*, но превосходящіе однако всѣхъ прочихъ. Вотъ собраніе всѣхъ сочиненій *Баиля*, сего обширнаго и проницательнаго разума, который способенъ былъ наставлять и самыхъ искуснѣйшихъ въ республикѣ ученыхъ. На той полкѣ находятся Греческіе и Латинскіе пїиты: *Гомеръ*, *Пиндаръ*, *Софоклъ*, *Эврилидъ*, *Виргилій*, *Горацій*, *Овидій*, *Теренцій*, *Ювеналъ* и прочіе. Всѣ сіи знаменитые сочинители, часто отъ посредственныхъ умовъ охуждаемые, но всѣми великими людьми подражаемые, и мало равныхъ себѣ имѣющіе, вездѣ первое мѣсто занимаютъ. Подлѣ нихъ стоятъ *Италі-*

анцы, изъ которыхъ превосходнѣйшіе суть: *Тассъ*, *Аріостъ*, *Гюарани* и *Петраркъ*. Далѣе слѣдуютъ Французы: изъ древнихъ находятся только, *Маро*, *Мальгербъ*, *Реніе*, *Корнелій*, *Буало*, *Расинъ*, *Лафонтенъ* и *Молїеръ*, служащіе въ образецъ и основаніе писателямъ нашего времяни. *Руссо* за нимибъ слѣдовалъ, а можетъ быть и равное бы съ ними имѣлъ мѣсто, ежелибъ онъ не писалъ комедій и Нѣмецкихъ стиховъ Французскимъ вкусомъ. Сверхъ сихъ поэма *Генриха* IV; трагедіи *Эдилъ*, *Заира*, сочиненіи *Кребильона*; эклоги *фонтенеля*; двѣ или три штуки *Лагранжа*; нѣкоторыя стихотворенїи госпожи *де Зульеръ* и графини *де ла Сюзъ*, дополняютъ сію полку. Изъ всѣхъ Французскихъ писателей сихъ только помѣстилъ я въ моей библїотекѣ, не смѣшивая съ ними прочихъ, что бы оные дурнымъ своимъ сосѣдствомъ не посрамляли первыхъ.

Нѣтъ ли у тебя чего нибудь выдаваемаго отъ академїи Французскаго краснорѣчія? спросилъ графъ *Понсилъ*; на что, отвѣтствовалъ *Мирмонъ*, что оставляя свѣтъ, не почиталъ онъ для себя полезнымъ собранія привѣтственныхъ рѣчей. Онѣ бы напрасно заняли у меня мѣсто, которое я долженъ уступить книгѣ полезнѣйшей. Мало имѣю я у себя и тѣхъ журналовъ, которые во многихъ мѣстахъ Европы печатаются,

почитая ихъ наемными отъ книгопродавцевъ крикунами, для одобренія товара ими продаваемаго. Есть у меня однако *журналъ ученыхъ*, который, по истиннѣ сказать, столько же забавенъ, сколько поучителенъ; и тѣ, которые надъ сею книгою трудятся, достовѣрный нашли способъ самымъ лучшимъ образомъ соединять пріятное съ полезнымъ. Какъ скоро новый онаго журнала томъ на свѣтъ выходитъ, то я немедлѣнно и получаю его отъ барона *Шатофора*. А на сей послѣдней полкѣ что находится? сказалъ *Понсилъ*; это романы, отвѣчалъ ему Маркизъ. Романы! вскричалъ графъ; развѣ философы ихъ читаютъ? а для чего же нѣтъ, продолжалъ Маркизъ; кто имъ возпретилъ дать забаву своимъ мыслямъ и веселымъ чтеніемъ прогонять скуку? есть романы, въ которыхъ находится больше поучительнаго нежели въ книгахъ самаго важнаго содержанія. Не думаешъ ли ты, что бы *Телемакъ*, сіе превосходное разума человѣческаго произведеніе меньше было къ исправленію нашихъ нравовъ способно, нежели вся мораль *Николя*, или книга о должностяхъ *Цицеронова*? наставленіи преподаваемыя добрымъ мастеромъ, который по приличности умѣетъ ихъ прикрасить, производятъ большее дѣйствіе нежели поученіи человѣка убѣждающаго одинъ разумъ, но не поражающаго

сердца. Остроумїе *Донъ Кишота* во всемъ, что не касается до рыцарства, не такъ бы было примѣтно, когдабъ оному не противу положено было дурачество его, отъ охоты къ приключенїямъ происходящее; и сколь издатель сея книги былъ ни разуменъ, но скоро бы читателю наскучилъ, естьлибъ, довольствуясь своимъ нравоученїемъ, не увеселялъ его отъ времяни до времяни забавными словами *Санхолансы*, и разсказыванїемъ разныхъ любовныхъ повѣстей, сочиненныхъ складно и повѣствуемыхъ пріятно.

Въ началѣ уединенной моей жизни, я обязанъ больше *Сервантy*, нежели *Эликтету*; послѣднїй только что въ унынїе приводилъ меня своими наставленїями, а первый въ минуту разсыпалъ всю мою задумчивость. Не спорю, что прочїе романы, которые ты здѣсь видишъ, далеко отстоятъ отъ сихъ первыхъ; но довольно уже отъ нихъ пользы, ежели они въ уединенїи забавляютъ человѣка, не отягощая его мыслей. Какоежъ великое множество похожденїй старинныхъ витязей, принцессъ и принцевъ изгнаны навсегда изъ моей библїотеки; однако *Арїадна Демарацова* и *Полександръ Гомбервилевъ* не полагаются въ числѣ оныхъ, по тому что и ими отъ части я обязанъ. Вотъ онѣ, въ бумажномъ переплетѣ, подлѣ сочиненїй госпожи *де Вилледїе*, которыебъ пер-

вѣйшими въ своемъ родѣ почитались, ежелибъ не *театръ любви и щастія*, дѣвицею *Барбѣ* сочиненный. Есть у меня нѣсколько и послѣдняго времяни романовъ, которые слогомъ яснымъ и забавнымъ писаны; напримѣръ: записки госпожи *Барневельтъ*, *Клевеландъ*, и многіе прочіе тѣмъ подобные. Какъ скоро таковая книга на свѣтъ покажется, то я всегда радъ у себя ее имѣть. Вотъ самая новая, дней тому съ пять, присланная ко мнѣ отъ барона *Шатофора*: она содержитъ въ себѣ сочиненіи Маркиза *д'Аржанса*; расположеніи у него правильны, слогъ простъ, вразумителенъ, и таковъ точно, какой благородному человѣку приличенъ.

Что за книгу вижу я въ синей бумагѣ, на столѣ лежащую? сказалъ графъ *Понсилъ*. Это *феагенъ* и *Хариклея*, отвѣтствовалъ его пріятель, романъ, изданный отъ одного епископа, который согласился лучше лишиться своего достоинства, нежели отрещись отъ сего сочиненія; и ежели честь доброю книгою приносимая, въ состояніи наградить потеряніе епархіи, то онъ поступилъ справедливо. Я бы ему не послѣдовалъ, примолвилъ *Понсилъ*; признаюсь тебѣ, любезный Маркизъ, что одно изрядное игуменство пріятнѣе для меня нежели всѣ романы въ свѣтѣ.

Въ продолженïе разговора сихъ двухъ пріятелей, солнце склонилось къ горизонту. Они пошли прогуливаться на лугъ; и какъ скоро туда прибыли, *Мирмонъ* напомнилъ графу его обѣщанïе. Я отъ того не отрекаюсь, отвѣчалъ онъ; и вотъ къ твоему утѣшенïю моя повѣсть.

Конецъ первой часши.

МАРКИЗЪ МИРМОНЪ,

ИЛИ

УЕДИНЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ.

Часть вторая.

Тебѣ извѣстно, любезный другъ, говорилъ графъ, сколь мягкое я имѣлъ сердце, и твоему единственно старанію былъ обязанъ я моимъ спокойствіемъ. *Луцинда* первая его была рушительница; вмѣстѣ съ нею отъ самаго дѣтства былъ я воспитыванъ: глаза мои сдѣлали пріятную для себя привычку безъ помѣшательства взирать на ея прелести; и мой пламень возрасталъ наровнѣ съ моими лѣтами.

Луцинда показывала въ себѣ тѣжъ самыя чувствованіи: родители наши радовались, примѣчая взаимную нашу склонность, и считали за удовольствіе, что сама нечаянность соотвѣтствовала ихъ желанію, которое они насъ соединить имѣли. Она достигла седмагонадесять года, въ самое

то время, какъ мнѣ исполнилось осмнадцать. Неразрывный между нами союзъ готовъ уже былъ совершиться, какъ приключившееся въ нашемъ краю смятенїе, удалило его на нѣкоторое время, погрузивъ меня въ такїя нещастїи, которымъ едва я могъ увидѣть окончанїе.

Многїе вступили въ заговоръ противъ Герцога правителя. *Ишпанїя* обѣщала помощь, ежели она будетъ надобна; не сомнѣвался ни кто, видя не малое число дворянства въ заговорѣ, что бы и прочїя нѣкоторыя провинцїи не пришли въ движенїе, и когдабъ не остроумїе Герцога, то бы недовольные въ разсужденїи принятыхъ ими предосторожностей, могли бы ожидать благополучнаго въ предпрїятїи своемъ успѣха.

Моя фамилїя удалена была отъ заговора, но фамилїя моей любовницы имѣла напротивъ того не малое въ немъ участїе. Она удобно меня къ тому склонила, хотя я и иное обѣщалъ моему родителю, который тщетно уговаривалъ отца *Луциндина*, что бы меня не приглашать къ ихъ возмущенїю. Дорого я заплатилъ за то, что не послушался родительскимъ увѣщанїямъ. Все было наконецъ открыто: главнѣйшїя особы заключены, а прочїе спасались бѣгствомъ въ *Ишпанїю*, отъ которой столь много обѣщаемая помощь совсемъ дана не была. Я находился въ числѣ сихъ послѣднихъ. Про-

стясь не безъ пролитія слезъ съ *Луциндою*; доѣхалъ я въ судно до *Баіона*, а оттуда прибылъ въ *Мадритъ*, и при вступленіи въ сей городъ, услышалъ о плачевномъ концѣ многихъ возмутителей, которымъ въ *Ренинне* отрублены головы. Писмо, полученное мною отъ *Луциндыі*, уменшило мою печаль: она увѣдомила меня, что по наказаніи оныхъ, дворъ объявилъ общее всѣмъ прощеніе; оставя только тѣхъ въ изгнаніи, которые въ *Ишланію* убѣжали.

Хотя я былъ отчужденъ моего отечества, но одно сіе удовольствіе, что видѣлъ любовницу съ ея фамиліею отъ всѣхъ опасностей спасенными, удаляло отъ меня тѣ печальныя воображенія, которыя неминуемо должно было во мнѣ произвести тогдашнее, мое состояніе. Оно тѣмъ болѣе меня угнѣтало, что я и отъ моей фамиліи не лучшаго какъ отъ правительства ожидалъ себѣ помилованія. Родитель мой находился въ крайнѣйшемъ огорченіи, что я не сдержалъ даннаго ему обѣщанія, уѣхавъ безъ его согласія въ *Ишланію*, и въ первомъ движеніи своего гнѣва онъ поклялся, что не будетъ о моемъ прощеніи стараться. Три мѣсяца прожилъ я тамъ, не имѣя иныхъ извѣстій, ни инаго утѣшенія, кромѣ писемъ отъ *Луциндыі*. Въ одномъ изъ нихъ писала она, что мой отецъ за привлеченіе меня къ заговору жестоко ей выговаривалъ; изъ чего долгое

время опасалась она, что бы сей случай не поссорилъ обѣихъ ихъ фамилій; но наконецъ старинная дружба все превозмогла, по чему не надѣется она продолженія вдаль моего изгнанія, и что родитель мой хотя меня и не увѣдомляетъ, но однако всѣ стараніи употребляетъ при дворѣ о исходатайствованіи мнѣ прощенія. Въ самомъ дѣлѣ скоро послѣ сего получилъ я милостивую грамату. Нѣтъ нужды упоминать о томъ, что радость моя была неизмѣрна; но сколь ни велико было у меня желаніе въ любезное отечество возвратиться, однако удовольствіе, что увижусь съ *Луциндою*, далеко его превышало. Я взялъ почтовыхъ лошадей, и пріѣхалъ къ моему родителю, ни гдѣ не останавливаясь. Какъ скоро его увидѣлъ, то бросился и обнялъ его ноги. Съ не малою благосклонностію поднявъ меня, да будетъ сей примѣръ, сказалъ онъ, для послѣдующей твоей жизни правиломъ; при чемъ не забывай того, мой сынъ, что честному человѣку не должно мѣшаться въ заговоры, дѣлающіе его непріятелемъ своему Государю, которому онъ присягалъ въ вѣрности; въ заговоры, говорю, устремляющіе его на растерзаніе внутренними войнами собственнаго своего отечества и своей фамиліи, къ которой честь, дружество и благодарность должны его привязывать. Любовь твоя къ *Луциндѣ* не служитъ тебѣ въ извиненіе;

ты долженъ былъ больше моимъ нежели ея совѣтамъ послѣдовать. Знай, мой другъ, продолжалъ онъ, что отцовскія наставленіи полезнѣе тѣхъ, которыя даетъ любовница; я это говорю не для уменшенія любви, которую ты къ ней имѣешь, но для предосторожности твоей отъ новаго нещастія, въ которое совѣты ея удобно тебя погрузить могутъ, ежели ты на ней женишься. Я увѣренъ, что ты и теперь столько же чувствуешъ къ ней горячности, какъ до твоего отъѣзда; да мнѣ казалось, что и фамилія ея не мало о твоемъ возвращеніи имѣла попеченія. Увѣривъ родителя моего, что отсутствіе не уменшило во мнѣ этой страсти; я полетѣлъ къ моей любовницѣ. Она увѣдомлена была уже о моемъ возвращеніи. Я нашелъ ее въ превеликихъ нарядахъ, и она прекраснѣе прежняго мнѣ показалась. Очень былъ я простъ, поставя на свой щетъ сіе убранство. Скоро увидишъ, любезный другъ, продолжалъ *Понсилъ*, что настоящею тому было причиною. Приняли меня со всѣми знаками удовольствія; но во обращеніи *Луциндиномъ* показалось мнѣ нѣкоторое принужденіе и притворство. Не видно уже было сей прельщающей откровенности, и *Луцинда* часто бывала задумчива. При всемъ томъ не вдругъ я повѣрилъ моимъ первымъ примѣчаніямъ, и нѣсколько дней послѣ сего видѣлся съ нею, ни мало

того не воображая, что имѣло со мною послѣдовать.

Обѣ наши фамилїи начали помышлять о нашемъ сочетанїи, и я почти въ рукахъ уже имѣлъ мое благополучїе, какъ однимъ утромъ, во время нѣкотораго упражненїя въ кабинетѣ, служитель мой подалъ мнѣ писмо, объявляя, что незнакомый человѣкъ просилъ его, что бы мнѣ оное вручить. Я тотчасъ узналъ *Луциндинъ* почеркъ, и по нѣкоторому предчувствованїю моего нещастїя, сердце мое обѣято стало ужасомъ, которому не могъ я найти причины. Я развернулъ писмо, и вотъ что оно содержало:

„Не сомнѣваюсь, что вы будете при„носить на меня жалобы, и сочтете себя „справедливымъ; но ежели вы разсудите, „что я сама собою была обманута, считая „до самаго отъѣзда вашего въ *Ишланїю*, „любовью единое къ вамъ дружество, то „конечно меня въ томъ простите, что я „покидаю васъ для Маркиза *Мезана*, который „въ отсутствїе ваше научилъ меня узнать, „какое есть между дружествомъ и любовїю „различїе. Намѣренїе его состоитъ въ томъ, „что бы сочетаться со мною бракомъ въ „*Италїи*, гдѣ онъ въ согласїи родителя „моего не имѣетъ нужды, зная, что его „къ вамъ пріязнь была бы тому вѣчною пре„поною. Не сердитесь, ежели можете, ни „на меня, ни на него; и извините насъ, что

„мы наисильнѣйшею любовїю принуждены „были сїе неудовольствїе вамъ сдѣлать. „

Я думалъ, что это писмо ни что иное, какъ одна шутка; мнѣ совсемъ и въ голову не могло придти, что бы *Луцинда* способна была поступить подобнымъ образомъ, и считалъ, что она хотѣла только меня испытать; а для лучшаго увѣренїя, сколь много я на ея постоянство полагался, не хотѣлъ къ ней идти, оставшись при прежнемъ моемъ кабинетѣ упражненїи; но полчаса спустя, получилъ отъ ея отца сїю цыдулку: „Приходите ко мнѣ не медля, „любезный Графъ! я имѣю великую нужду „въ вашихъ совѣтахъ и въ вашей помощи. „

Тутъ началъ я опасаться сего нещастїя, которое за полчаса предъ симъ почиталъ единою мечтою. Я побѣжалъ къ *Луциндину* отцу, и входя къ нему, нашелъ его въ смущенїи сидящаго, опустивъ голову, и облокотясь на столъ обѣими руками. Прочитайте, сказалъ онъ, подавая мнѣ бумажку, писмомъ свернутую, и скажите, бывалъ ли кто изъ отцовъ злополучнѣе меня? Я нашелъ тутъ слѣдующее:

„Сожалѣнїе мое, обманувъ столь дражай„шаго родителя, уменшаетъ для меня все „сїе удовольствїе, котороеъ я могла чув„ствовать, выходя за моего любовника. Удо„стойте меня вашимъ прощенїемъ, ежели „желаете, что бы жизнь моя была благо-

„получна. Признаюсь, что я не права предъ „вами; но любовь моя меня извиняетъ. Я „увѣрена, что вы по-великодушїю вашему „не захотѣли бы меня принуждать къ та„кому замужству, которое могло все мое „неблагополучїе составить. Надѣюсь, что „и графъ *Понсилъ* былъ бы столь честенъ, „что бы того никогда противъ воли моей „не потребовалъ; но я за подлинно знала, „что вы не захотѣли бы ни для чего от„стать отъ даннаго вами слова вашему прїя„телю; и такъ, единственно для разрѣше„нїя вашего обязательства, позволила себя „увезти.„

Едва достало силъ моихъ прочесть до конца сїе писмо; отецъ *Луциндинъ* и я долгое время стояли неподвижно, и смотрѣли только одинъ на другаго, не могши прервать нашего молчанїя; наконецъ съ не малымъ трудомъ началъ онъ говорить: вы видите, дражайшїй Графъ, мое состоянїе, оно больше вашего достойно сожалѣнїя: я потерялъ недостойную дочь; а вы вѣроломную любовницу, не заслуживающую вашего почтенїя; не оставимъ же другъ друга взаимнымъ о сей тратѣ утѣшенїемъ. Онъ не могъ тутъ удержать своихъ слезъ, и крѣпко меня обнимая, продолжалъ такъ: не лишайте меня вашего дружества, и не усугубляйте моей потери, удаляя отъ меня такого человѣка, котораго я хочу всегда

любить какъ моего сына. Какъ мы мало предвидимъ нашу пользу, примолвилъ онъ, когда себѣ дѣтей желаемъ: сколь былъ бы я благополученъ, ежелибъ ихъ не имѣлъ!

Положеніе, въ которомъ я сего старика видѣлъ, понудило меня, во ободреніе его, до такой степени укрѣпиться, что я началъ его уговаривать; но при всемъ причиненномъ самому себѣ насиліи, не можно было мнѣ вовсе скрыть моей тоски и отчаянія. Я пошелъ домой, и заперся въ моей горницѣ. Тамъ погрузился я въ самыя несноснѣйшія размышленіи; пришли мнѣ на память всѣ нещастіи, которымъ я себя подвергалъ въ угодность неблагодарной *Луциндѣ*. Вообразилъ себѣ всѣ злыя слѣдствіи, которыя могъ имѣть побѣгъ мой въ *Ишланію*, и сравнивалъ наконецъ мою любовь съ недостойнымъ ея поступкомъ. Голова моя была наполнена сими сокрушительными размышленіями, какъ услышалъ я, что кто-то стучитъ у дверей моихъ: я не откликался, находя въ уединеніи нѣкоторое облегченіе моему отчаянію. Постучали въ другой разъ, и я узналъ голосъ моего родителя, который приказывалъ мнѣ отворить дверь. Я прихожу, говорилъ онъ входя въ мой покой, раздѣлять твою печаль; какъ отецъ и какъ другъ хочу тебѣ подать совѣты, которые будутъ для тебя не безполезны. Твое состояніе меня чувствительно трогаетъ; но

надѣюсь, что ежели ты хотя нѣсколько о томъ разсудишъ, то оно должно перемѣниться. Ни что такъ скоропостижно любовь и дружбу истребить не можетъ, какъ неблагодарность. *Луцинда* поступила вопреки дружества, которымъ мнѣ была обязана, вовлекши тебя въ заговоръ противъ отечества; онажъ теперь пренебрегла и любовь твою своимъ побѣгомъ. Ты долженъ былъ предвидѣть, что женщина измѣнившая Государю и другу, не сочтетъ за грѣхъ обмануть любовника. Вмѣсто того, что бы сію трату почитать нещастіемъ, пріими ее за благополучіе, и какъ бы ты ни былъ чувствителенъ, не покажи того предъ свѣтомъ, ежели не желаешъ придти въ презрѣніе отъ всѣхъ твоихъ знакомыхъ, которые должны будутъ почесть тебя человѣкомъ низкаго и слабаго сердца, увидя, что ты крушишься о любовницѣ, столь мало того стоющей. Ни кому не извѣстно, что такъ далеко обязательствы твои съ нею простирались, скрывай отъ всѣхъ свою печаль; сіе всякаго увѣрить можетъ, что ты и не думалъ больше о сей женидбѣ.

Наставленіи моего родителя наиболѣе способствовали къ возстановленію моего спокойствія; тщеславіе, свойственное молодымъ людямъ, досада видѣть себя обманутымъ, и стыдъ, что не примѣтилъ того, какъ меня дурачили, мало по малу возвратили

мнѣ разсудокъ и свободу. А что бы въ совершенное забвенїе привесть вѣроломную *Луцинду*, то я избралъ для себя новую полюбовницу.

Часто видѣлись мы съ *Клариссою* у баронши де *Сентъ-Циръ*; къ ней-то я вздумалъ прилѣпиться. Веселое ея обращенїе, непринужденный видъ и острота мыслей, доставили ей то мѣсто въ моемъ сердцѣ, которое прежде занято было *Луциндою*. Какъ скоро она примѣтила, что я уже довольно увязъ въ ея сѣти, то по злому моему жребїю, и сїя начала склонять меня къ такому предпрїятїю, которымъ должно было вновь раздражить моего родителя. Дѣло состояло въ томъ, что бы мнѣ пристать къ возстающимъ противъ нашего Губернатора, котораго мой батюшка считалъ себѣ сердечнымъ другомъ. Мужественно отрекся я ей послушаться; дурачество, погнавшее меня въ *Ишланїю*, въ глазахъ моихъ стояло; но не отчаяваясь послѣ первой неудачи, употребила *Кларисса* всѣ прозбы и ласки, способныя поколебать столь чувствительное сердце, каково мое. Вы приводите меня въ ужасъ, любезный Графъ! говорила она, отказывая мнѣ, будучи любовникомъ, въ небольшемъ одолженїи, котораго я отъ васъ требую; чегожъ я могу ожидать, когда вы сдѣлаетесь мужемъ? могу ли, выходя за васъ, вознамѣриться жить подъ такимъ

жестокимъ повелителемъ? На всѣ сіи льстивыя представленіи въ отвѣтъ ей полагалъ долгъ мой противъ столь почтеннаго родителя, и былъ непоколебимъ въ моемъ намѣреніи. *Кларисса* нашедъ мало успѣха въ своихъ прозбахъ, перемѣнила противъ меня свое поведеніе; она показывала ко мнѣ много холодности, и подавала случай примѣчать, что старается совсемъ изключить меня изъ своего сердца. Я не могъ и помыслить о томъ безъ крайняго ужаса; наконецъ, позабывъ прежнія мои шалости, позабывъ награду за то полученную, прилѣпился опять къ сей толпѣ ропщущихъ, которымъ мой родитель былъ главнѣйшимъ непріятелемъ. Недолго укрылся отъ него мой поступокъ; дворъ возвратилъ Губернатору поданную на него челобитную, въ которой мое имя въ числѣ первѣйшихъ было въ подписаніи. Снисхожденіе моего родителя не уменшилось при семъ новомъ отъ меня проступкѣ; онъ довольно былъ увѣренъ, что бы я противъ его не пошелъ, ежели бы сильною страстію къ тому приведенъ не былъ. Стороною навѣдывался онъ о причинѣ моего новаго заблужденія, и узнавъ о любви моей съ *Клариссою*, не сомнѣвался больше о всемъ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ сего попалась ему въ руки нѣкоторая вещь, которая удобна была совершенно открыть глаза мои: писмо, отданное ему отъ одного отставшаго отъ

своихъ товарищей изъ заговора, было достовѣрнымъ свидѣтельствомъ вѣроломства моей любовницы. Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ, казалось, что нещастіи, любовною страстію тебѣ приключенныя, должны были учинить тебя искуснѣе и осторожнѣе. Я считалъ наконецъ, что родительская горячность, которую я тебѣ оказывалъ, могла доставить мнѣ такоежъ мѣсто въ твоемъ сердцѣ, какое ты въ моемъ имѣешъ. Но чтожъ! безъ наималѣйшаго ко мнѣ почтенія, ты предаешъ себя моимъ непріятелямъ, измѣняешъ рожденію и всей своей фамиліи, и включаешъ имя свое въ челобитную, поданную ко двору на нашего пріятеля. Я хотѣлъ было ему хотя съ слабымъ извиненіемъ на то отвѣтствовать. Слушай меня, продолжалъ онъ, перервавъ мою рѣчь, и старайся познать твое заблужденіе. Я прощаю тебѣ сей проступокъ, не налагая инаго на тебя наказанія, кромѣ собственнаго твоего раскаянія. Прочитай сіе *Клариссино* писмо: оно вручено мнѣ отъ шевалье *Тромблая*, который примирившись съ Губернаторомъ, отдалъ мнѣ его съ такимъ условіемъ, что бы ты оное употребилъ въ свою пользу. Вотъ что содержало въ себѣ сіе безчестное писмо:

„Не ужъ ли, любезный шевалье, всегда „вы будете такъ несправедливы, и не ужъ ли „никогда не позволите мнѣ предъ вами опра„вдаться? вы приревновали меня къ графу

„*Понсилъ*; для чегожъ о семъ мнѣ не ска-
„зали? я никакихъ бы обязательствъ съ
„нимъ не заключила; всегобъ удобнѣе могла
„я имъ тогда вамъ жертвовать; но вы не
„сдѣлали мнѣ той довѣренности, что бы
„открыть ваши сомнѣнїи. Перемѣну вашего
„со мною обращенїя, приписывала я вашему
„непостоянству, а не ревности, и для ожи-
„вленїя вашего ослабѣвшаго ко мнѣ друже-
„ства, я дѣлала тотъ видъ, что начинаю
„слушать графа *Понсилъ*. Не видяжъ и то-
„гда вашего обращенїя, сочла холодностїю
„мою на васъ досаду, и наконецъ обманувъ
„тѣмъ самое себя, сказала Графу, что я
„его люблю. Съ сею надеждою онъ вшелъ
„въ заговоръ противъ Губернатора, предавъ
„чрезъ то отца и всю свою фамилїю. Увы!
„сколь онъ лучше вашего любить умѣетъ!
„при всемъ томъ, дражайшїй шевалье, что
„вы находитесь теперь въ числѣ нашихъ
„непрїятелей, и что вы съ досадою всякаго
„со мною объясненїя убѣгаете; но ежели
„это правда, какъ мнѣ сказывала баронша
„де *Сентъ-Цирз*, что всему тому причи-
„ною одна ревность, то я при первомъ вами
„обращенїи, готова вамъ жертвовать вашимъ
„соперникомъ, и сколь не много для женщины
„стыда, предъупреждать мущину въ подоб-
„ныхъ сему предложенїяхъ, но я все охотно
„на свой щетъ прїемлю.„

Чтенїе сего писма привело меня до бѣшенства, а къ тому раскаянїе, что въ другой разъ проступился передъ моимъ родителемъ, до того было меня довело, что я въ первомъ движенїи моей ярости чуть не пронзилъ себя шпагою. Родитель мой спасъ меня, не взирая на мое отчаянїе. Ты теряешъ разсудокъ, говорилъ онъ, прибѣгая къ такой крайности, которая всего ужаснѣе. Успокойся, сынъ мой, и знай, что изъ всѣхъ погрѣшностей, тобою содѣянныхъ, ту одну, въ которую твое отчаянїе тебя приводило, ни чѣмъ исправить бы уже не можно было. Великодушїе мое тебѣ порукою, что ты не лишишься моей горячности, а время не умедлитъ тебя исцѣлить и теперь такъ какъ въ первой твоей страсти. Онъ не разсудилъ за благо меня одного оставить, не изгнавъ прежде изъ моего сердца всей ярости его порывающей. Его милость усугубляла мое смущенїе, и одно сїе воображенїе, что я два раза учинился его предателемъ, меня поражало. Что онъ мнѣ ни представлялъ во многїе дни послѣ сего, однако моей задумчивости ни что не уменшало. Я не могъ смотрѣть на *Клариссу*, узнавъ ея вѣроломство; она о томъ была не извѣстна, и не могши угадать, что бы могло быть причиною, что я ей такъ долго не казался, прислала ко мнѣ слѣдующее писмо:

„Вы позабываете вашихъ пріятелей, „чего бы я отъ васъ никогда не думала. „Такъ-то развѣ любятъ! мнѣ всегда сказы„вали, что мущины всѣ непостоянны; но „вы пожалуйте докажите мнѣ тому про„тивное. Я ожидаю васъ сего дня послѣ „обѣда у баронши; приходите туда, или „въ жизнь мою прощенія не ожидайте.„

Сіе писмо усугубило мою къ ней ненависть; и вотъ въ чемъ состоялъ мой отвѣтъ: „Ты самая вѣроломная и недостойная „женщина. Писмо, писанное тобою къ *Трам*„*блаю*, которое попалось въ мои руки, увѣ„ритъ тебя, что я уже довольно знаю твое „сердце.„

Сіе было довольно вразумительно для *Клариссы*. Ты подумаешъ можетъ быть, что этотъ случай ее тронулъ; напротивъ того она не показывала ни малаго о томъ смущенія, и когда послѣ съ нею я увидѣлся, то она такъ непринужденно со мною обходилась, что ни кто бы не могъ подумать, что мы столь недружелюбно разстались, какъ это было въ самой вещи.

При всемъ томъ воспоминаніе моихъ погрѣшностей, глубокое на сердцѣ моемъ имѣло впечатлѣніе. Я погруженъ былъ въ наижесточайшую задумчивость, ни что мнѣ болѣе не нравилось, убѣгалъ пріятелей и искалъ уединенія. Одинъ родитель мой нѣсколько еще могъ сокращать мою горесть; но его

присутствïе ежечасно мнѣ твердило, сколько я предъ нимъ виновенъ. Наконецъ тѣмъ рѣшилось мое намѣренïе, что бы мнѣ постричься. Сердце мое столь оскорбленное, почитало женщинъ чудовищами. Въ уединенной жизни я усматривалъ что-то такое меня услаждающее. Въ одинъ день прохаживаясь по городу, зашелъ я въ тотъ монастырь, на который мои мысли устремлялись. Я велѣлъ о себѣ доложить игумну, объявилъ ему причину меня приведшую; онъ меня принялъ со всѣми знаками удовольствïя, и похваливъ намѣренïе, которое я имѣю отъ свѣта удалиться. Позвольте, сказалъ онъ, спросить мнѣ о причинѣ, побуждающей васъ къ сему предпрïятïю, и прошу, что бы объявить о томъ чистосердечно. Я исполнить сïе не отрекся, и откровенно разсказалъ ему приключенïе мое съ *Луциндою* и *Клариссою*. По окончанïи сего признанïя, игуменъ съ горячностïю меня обнялъ; вы будете наилучшïй монахъ, говорилъ онъ, такихъ-то намъ и надобно. Для насъ прïятнѣе человѣкъ знающïй свѣтъ, и искусившïйся въ злоупотребленïяхъ, прискорбностяхъ и суетахъ онаго, нежели другой, который находясь въ уединенïи, не можетъ видѣть, сколь превосходно спокойствïе наше предъ волненïемъ свѣтской жизни. Я охотно съ намѣренïемъ вашимъ соглашаюсь; но одной сей вещи отъ васъ требую: пробудьте мѣсяцъ,

не возвращаясь сюда, у вашего родителя, обращайтесь съ пріятелями, живите во всемъ по вашему обыкновенію, убѣгая только того, что заповѣдямъ Божіимъ противно, и не вспоминайте совсемъ, что вы меня видѣли; ежели по истеченіи сего времяни, мысли ваши будутъ непоколебимы, то приходите ко мнѣ; я съ моей стороны исполню во всемъ по вашему желанію. Поблагодаривъ игумна за милость мнѣ оказываемую, увѣрялъ его, что по прошествіи назначеннаго срока не премину поступить по его наставленію.

Для прогнанія тоски, которая ни мало меня не покидала, разсудилъ я во время моего искуса, проводить нѣсколько дней у барона *Ланкрета*, живущаго въ деревнѣ, мили съ двѣ отъ города. Ему отъ части не безъизвѣстна была причина моей скуки, и онъ ничего не упускалъ, что бы меня развеселить. Многіе дворяне, имѣвшіе въ сосѣдствѣ свои замки, часто его навѣщали, и составляли чрезъ то пріятное и многолюдное общество. Супруга господина президента *Беневентъ*, одна изъ сосѣдокъ, принялась излѣчить мою немощь, и билась объ закладъ съ хозяиномъ, что менше двухъ недѣль избавитъ меня отъ задумчивости. Она назвала себя моимъ наставникомъ, приводила меня въ послушаніе себѣ тысячею ласковостей, приказывала мнѣ пѣть, разговаривать, смѣяться, удерживала меня за столомъ, во время ужина, съ ли-

шкомъ за полночь, и сколь ни велико было мое смущенїе, но она находила способы меня развеселить многими забавными расказами, которые умѣла своимъ остроумїемъ прикрасить. Тебѣ извѣстно, любезный Маркизъ, продолжалъ графъ *Понсилъ*, сколь во обращенїи любезенъ ея нравъ и свойствы. Наконецъ достигла она до того, что въ двѣ недѣли, ежели не совсемъ меня отъ *Клариссы* исцѣлила, такъ по крайней мѣрѣ истребила во мнѣ охоту къ уединенной жизни и монашеству. Президентша думала только сдѣлать изъ сего для себя забаву; но то, что казалось въ началѣ шуткою, учинилось въ послѣдованїи довольно важнымъ. Имѣвъ въ любовныхъ дѣлахъ не малое искуство, и поставя уже не одинъ разъ на лбу своего супруга украшенїе, не умедлила она мнѣ дать понятїе о состоянїи ея мыслей. Я не показалъ себя упорнымъ; въ чемъ ты, любезный Маркизъ и не усумнишься; и сїе новое обязательство тѣмъ для меня было пріятнѣе, что прежде сего я не иначе любилъ какъ въ намѣренїи брака, и всякой разъ довольно романически; а съ президентшею напротивъ того находилъ многїя предъ тѣмъ выгоды. Въ тотъ самый день, который былъ назначенъ для возвращенїя моего въ монастырь, учинился я обладателемъ новой полюбовницы. Бесѣдка въ саду *Ланкретоволъ* была храмомъ,

гдѣ мы отправили первое празднество *Цитеры*, принося ежедневно во всѣ три недѣли, которыя прожила президентша въ ономъ замкѣ, въ томъ же мѣстѣ наши жертвы. При возвращеніи въ городъ, я съ нею не разстался. Президентъ, ея супругъ, человѣкъ важный и угрюмый, которому я, послѣдуя принятому въ свѣтѣ обыкновенію, сдѣлался сердечнымъ другомъ, посадилъ меня въ свою карету. Супруга его удержала меня отъужинать; послѣ чего мужъ, готовящійся рано на другой день ѣхать въ приказъ, пошелъ въ свои покои спать. Большую часть ночи я просидѣлъ у президентши, но не смѣя притворить дверей въ ея спальнѣ, видя служителей, въ передней находящихся, принуждены мы были воздержать нашу горячность. Разсуждая наконецъ о способахъ, какъ бы намъ безъ всякаго принужденія имѣть свиданіи, дала мнѣ президентша такой совѣтъ, что бы я въ глухой и отдаленной улицѣ нанялъ домъ, отъ котораго бы, какъ она, такъ и я имѣли по ключу, и ежели вздумаемъ повидаться, то бы пріѣзжать туда въ разные часы.

Сія выдумка меня удивила. На другой же день, въ улицѣ св. *Вильгельма*, нанялъ я домъ, опредѣленный единственно на наши свиданіи, которыя и продолжались цѣлые полгода, безъ всякаго препятствія. Мы считали себя въ совершенной безопасности,

какъ нѣкогда выглянувъ изъ окна, увидѣлъ я президента, напротивъ нанятаго нами дома, въ лавкѣ сидящаго. Сіе явленіе не предвѣщало намъ ничего хорошаго. Президентша услыша о томъ, пришла также въ не малое смущеніе: оно усугубилось, какъ мы примѣтили, что цѣлый часъ онъ сидѣлъ не сходя съ мѣста. Не сомнѣвались уже мы болѣе о томъ, что о насъ провѣдали. Ревнивость президента, которую онъ отъ нѣкотораго времяни не умѣлъ скрыть отъ своей супруги, и холодность противъ меня, которую мнѣ также не можно было не замѣтить; все сіе, однимъ словомъ, увѣряло насъ, что онъ подозрѣвая свою жену, конечно приказалъ за нею присматривать. При всемъ томъ надобно было изъискать средство, что бы провести изъ дому мою полюбовницу. Часъ уже былъ по полудни; ежели ей дома не обѣдать, то симъ будетъ въ половину обличена; но ежели мужъ до ночи не оставитъ своего мѣста, то уже и совершенно все откроется; но мнѣ удалось самою забавною выдумкою выдти изъ сего труднаго обстоятельства. Когда президентша прибыла на наше сходбище, то карета оставлена была при входѣ въ церковь, которую прошедъ, вышла она на ту улицу, на которой находился домъ нашего свиданія. Она никогда не позабывала сей предосторожности, избѣгая того, что бы

ея карета не могла подать подозрѣнїя. Я имѣлъ двухъ носильщиковъ портшеза, на которыхъ можно было положиться. Имъ по сїе время не извѣстно было, что меня въ сей домъ привлекало. *Беневентша* туда входила первая, а выходила обыкновенно по моемъ отбытїи. Какъ скоро я входилъ въ домъ, носильщики запирали двери, и дожидались меня на дворѣ, не зная, что во внутренности происходитъ. Я вознамѣрился открыть имъ мое замѣшательство. Ребята, сказалъ я имъ, будетъ вамъ два луидора на вино, только надобна тутъ ваша скромность. Милостивый государь! отвѣтствовали они, мы для васъ все учинить готовы, и хотя бы ничего намъ не было обѣщано, но для столь добраго господина ничего нѣтъ невозможнаго. Когда такъ, продолжалъ я, вынь тежъ скамейку изъ моего портшеза; какъ скоро сїе было исполнено, президентша сняла свои фижмы, согнула ихъ, какъ только возможно было, сѣла скорчась на дно портшеза; а я надъ нею держась всею силою за рукоятки, что бы ее не прижать, и нарочно нагибаясь нѣсколько, что бы имѣть видъ сидящаго. Неситежъ насъ, сказалъ я имъ, въ такое-то мѣсто: это былъ домъ, въ другой улицѣ, принадлѣжащїй одной знакомой мнѣ мѣщанкѣ, на которую тѣмъ надежнѣе можно было положиться, что она не знала президентшу.

Какъ скоро мои носильщики затворили дверцы у портшеза, то выступили со двора. Въ десяти только шагахъ пронесли меня отъ сего ревниваго мужа, которому я съ спокойнымъ видомъ поклонился. Мало сдѣлалъ онъ уваженія моему учтивству, и видя, что я изъ дому вышелъ, думалъ, что и жена его не преминетъ въ скорости за мною послѣдовать; и для того остался на первой своей стражѣ; а мы между тѣмъ прибыли благополучно въ домъ къ мѣщанкѣ. Вышедъ изъ столь тѣснаго футляра, президентша надѣла по прежнему свои фижмы, и безъ всякаго препятствія прошла къ каретѣ, накупивъ кое какихъ бездѣлицъ, въ ближней лавкѣ, для предлога долговремяннаго своего отсутствія.

Какъ скоро она прибыла въ свой домъ, то умышленно не обѣдала весьма долго, показывая всѣмъ, будто ожидаетъ мужа, который до десяти часовъ вечера не хотѣлъ покинуть того мѣста, на которомъ мы его въ полдни оставили. Но наконецъ тщетнымъ ожиданіемъ утомленъ будучи, пошелъ домой, думая, что тамъ конечно не найдетъ жены, и принудивъ ее запереться въ домѣ столь подозрительномъ, и одно отсутствіе ея останется для него надежнымъ доказательствомъ ея невѣрности. Но сколь велико было его удивленіе, какъ онъ по возвращеніи своемъ услышалъ, что она отъ самаго полу-

дня никуда не отлучалась, ожидая его къ обѣду столь долгое время. Стыдясь самаго себя, онъ объятъ былъ крайнимъ изумленіемъ. Жена спрашивала у него съ спокойнымъ видомъ, гдѣ онъ пробылъ, и чѣмъ цѣлый день былъ занятъ? Моимъ дурачествомъ, отвѣчалъ онъ; повѣря нѣкоторому ложному извѣстію; но удостовѣрясь однако къ моему удовольствію, что все пустое. Онъ былъ столько малодушенъ, что признался ей въ полученномъ имъ извѣстіи, будто она ежедневныя имѣетъ свиданіи съ графомъ *Понсилъ*, въ нѣкоторомъ домѣ, откуда обѣихъ, одну послѣ другаго выходящихъ можно было видѣть, что онъ повѣря тому, цѣлый день простоялъ противъ назначеннаго ему дома, изъ котораго дѣйствительно графа *Понсилъ* пронесли въ портшезѣ; но по тому что она никуда отъ двора не отлучалась, то онъ довольно уже усматриваетъ, сколь несправедливо полученное имъ извѣстіе. Президентша тщетно допытывалась, кто ей столь изрядную оказалъ услугу; но онъ объявить того никогда не соглашался.

Сіе приключеніе принудило мою любовницу къ большему противъ прежняго воздержанію: она не хотѣла уже на такую опасность отважиться, отъ которой одинъ разъ могла избѣжать столь удачно. Мы не видались иначе, развѣ когда сама нечаян-

ность сїе удовольствїе намъ доставляла. Маркиза *Данжеръ* и графиня *Монморъ*, не рѣдко съ президентшею ѣзжали за городъ: въ сїи часы, ежели она только могла отъ нихъ на нѣкоторое время отдѣлиться, то мы уже того не пропущали. Я не могъ однако, что бы не досадовать на приключившееся намъ помѣшательство, которое меня къ столь частому воздержанїю принуждало. Но любовница моя нашла случай отъ того себя уволить; она полюбила Маркиза *де ла Мота*, котораго я тѣмъ менѣе въ томъ подозрѣвалъ, что считая его своимъ пріятелемъ, принималъ на свой щетъ всѣ учтивости, которыя оказывалъ онъ президентшѣ. Недолго размышляла она, что бы жертвовать мною сему новому любовнику; но требовала нѣкотораго времяни, что бы дѣло вывесть благопристойнымъ образомъ. Приключенїе, во время нашего свиданїя случившееся, было для нее отговоркою, что бы ничего болѣе мнѣ не позволять; она убѣгала всѣми способами, что бы не быть никогда на единѣ со мною, и ея ко мнѣ горячность чувствительно уменшилась. Нѣкогда наскуча ея цѣломудрїемъ, пригласилъ я въ тотъ же домъ, который прежде нанималъ, одну молодую дѣвушку. Отворивъ наружную дверь, и замкнувъ ее за собою, и шелъ я прямо въ ту самую комнату, гдѣ видался обыкновеино съ президентшею.

Я не зналъ, что подумать, нашедъ ее съ нутри заперту, и слыша тамъ людей разговаривающихъ; но сколь велико было удивленіе мое, какъ посмотрѣлъ сквозь замочную диру, увидѣлъ тамъ *Беневентшу* съ Маркизомъ *де ла Мотомъ*. Думать надобно, что они еще прежде моего усмотрѣли меня въ домъ входящаго, по тому что тогда примѣтилъ я уже не малое въ нихъ замѣшательство. Невѣрности, отъ прежнихъ любовницъ мнѣ оказанныя, столь изрядно меня къ тому приучили, что я при семъ приключеніи ни мало не смутился. Я началъ Маркиза кликать по имяни, отворите, говорилъ имъ, я не съ тѣмъ пришелъ, что бы мнѣ кому помѣшать, у меня все то есть съ собою, чѣмъ съ вами поквитаться, и ежели не отречетесь мнѣ ввѣриться, то я отвѣтствую вамъ за мою молчаливость. Президентша какъ скоро увидѣла, что ее уже узнали, то сама отворила дверь. Вы удивительный молодецъ! сказала она мнѣ, требуя вѣчной вѣрности отъ любовницы, которая уже прежде васъ своему мужу измѣнила. Ежели я склонилась къ вашему сопернику, не ваша ли въ томъ вина? для чего вы мнѣ не всегда одинаково нравились? Государыня моя! отвѣчалъ я ей съ шуточнымъ видомъ, чувствую всю силу вашего оправданія, и для того прошу меня извинить; не то меня сюда привело, что бы мнѣ потревожить васъ

или Маркиза, моего пріятеля; но одно желаніе, проводить здѣсь нѣсколько веселыхъ минутъ, съ пріятною для меня особою, тому было причиною. Я представилъ ей тогда дѣвушку, со мною пришедшую, которая оставлена была въ передней. Вотъ прекрасное твореніе, сказала президентша, вашъ выборъ весьма изрядный, и я хочу, что бы она могла чѣмъ нибудь вспомнить одну изъ вашихъ пріятельницъ; тогда подарила она ей двадцать луидоровъ. Мы ни кому ни въ чемъ не препятствуемъ, продолжала она, и охотно сей покой вамъ оставляемъ. Она дѣйствительно тотчасъ вышла, сколь я ни увѣрялъ ее, что уступаю ей сіе преимущество. Я не могъ надивиться послѣ того, съ какимъ безстыдствомъ выдерживала она все сіе явленіе, и сколь ни довольно зналъ ей подобныхъ женщинъ, но ни въ какое время не могъ бы себѣ вообразить того, что тогда увидѣлъ.

Между тѣмъ наружное наше обхожденіе всегда тотъ видъ имѣло, что я находился у ней въ прежней милости. Она меня осыпала, такъ сказать, разными знаками дружества, но убѣгала всегда, что бы не остаться на единѣ со мною. Я приписывалъ сіе дѣйствію ея стыдливости и старанію удалить отъ себя все то, что могло на память привесть послѣднее наше приключеніе, и наконецъ считалъ, что потерявъ

любовь, сохраняю однако ея дружество. Далекъ весьма былъ я отъ того, что бы опасаться сего нещастїя, которое нѣсколько дней спустя, со мною приключилось. Идучи нѣкогда по улицѣ, около полуночи, почувствовалъ я, что кто-то выстрѣлилъ по мнѣ изъ пистолета, и легко ранилъ меня въ лѣвую руку. Я выхвативъ шпагу, бросился на него; но сей бездѣльникъ обратился въ бѣгъ, и мнѣ бы догнать его никакъ не можно было, ежелибъ въ концѣ той улицы, куда онъ побѣжалъ, не увидѣлъ я идущаго напротивъ человѣка. На крикъ мой, что бы держать убїйцу, онъ тотчасъ его остановилъ, поставя предъ него обнаженную свою шпагу, и я немедлѣнно къ нимъ приближась, узналъ въ моемъ великодушномъ помощникѣ Маркиза *де ла Мота*. Что это, любезный *Понсилъ*? сказалъ онъ мнѣ, увидя въ крови мою одежду; не сей ли бездѣльникъ тебя ранилъ? Онъ точно, отвѣчалъ я, и вамъ-то я благодаренъ теперь, что могу наказать сего мошенника. Не все тутъ, сказалъ Маркизъ, я догадываюсь, что онъ не объ одномъ вашемъ карманѣ думалъ. Во все сїе время, Маркизъ не отнималъ шпаги своей отъ его груди, грозя заколоть его при первомъ отъ него движенїи; послѣ чего связавъ ему назадъ руки, повели въ мой домъ. По прибытїи туда, камердинеръ мой осмотрѣлъ мнѣ руку, во ожиданїи лѣкаря, за которымъ

было послано: пулею оцарапало только одну кожу, и моя рана прежде недѣли совсемъ была вылѣчена.

По совершенїи первой перевязки, Маркизъ приказалъ представить поиманнаго нами мошенника. Слушай, говорилъ онъ ему, ты мнѣ знакомъ: я знаю кто тебѣ поручилъ убить Графа; но ожидаю, что бы ты самъ во всемъ признался, или какъ скоро свѣтъ, то въ судейскїя руки отданъ будешь. Ежелижъ ты добровольное учинишъ признанїе, объявя, кто тебя на то склонилъ, то не сомнѣвайся въ помилованїи. Милостивѣйшїй государь! говорилъ онъ бросившись къ ногамъ Маркизовымъ, ничего не скрою, только вы меня спасите. Президентша *Беневентъ* дала мнѣ тридцать луидоровъ, что бы убить Графа: я отъ того всѣми силами отрекался; но она угрожала убить меня самаго, ежели не исполню ея приказанїя. При семъ объявленїи, жестокой ужасъ овладѣлъ всѣми моими чувствами. Какъ! вскричалъ я, послѣ моего великодушнаго противъ нея поступка, президентша меня умертвить дерзаетъ! Успокойтесь, говорилъ Маркизъ, и ежели щастїе свободило васъ отъ ея ярости, то познавайте теперь до какой степени оная простиралась. Онъ выслалъ изъ моей спальни сего преступника, приказавъ, что бы во всю ночь служители за нимъ смотрѣли; и увидѣвъ, что мы одни, объявилъ мнѣ, что пре-

зидентша многократно склоняла его со мною биться; но онъ мало ея уважая, отвѣтствовалъ всегда, что не находитъ никакой причины покушаться на жизнь человѣка, да еще и стараго пріятеля. Президентшажъ наскуча его отказами, сказала нѣкогда, что она и сама отмстить умѣетъ: о чемъ онъ въ предосторожность мою и хотѣлъ меня увѣдомить; но увидя, что президентша о томъ ничего не упоминаетъ, надѣялся, что она уже и позабыла объ отмщеніи, и для того не разсудилъ мнѣ о такой вещи объявлять, которая должна была побудить меня къ явному на нее роптанію. Онъ примолвилъ, что видалъ сего человѣка у *Беневентши*, котораго она называла мужемъ своей кормилицы, хотя за подлинно онъ вѣдалъ, что это былъ житель ближней улицы, и опознавъ его при сіяніи луны, не сомнѣвался болѣе отъ кого происходилъ выстрѣлъ.

Я весьма обязанъ вами, любезный Маркизъ, сказалъ я ему, за столь полезное для меня объясненіе; но что мнѣ въ сихъ обстоятельствахъ предпріять присудите? Ничего о томъ не давайте знать свѣту, отвѣтствовалъ онъ; а увѣдомте одну *Беневентшу*, что уже вамъ все открыто; оставте у себя писменное отъ сего человѣка признаніе, что бы ей не можно было послѣ отпереться; а во всемъ прочемъ положитесь на меня: съ сего числа я столькожъ ее ненавижу,

сколько вы пренебрегаете. Я послѣдовалъ во всемъ его совѣту, то есть, взявъ на писмѣ отъ сего мошенника признанїе, велѣлъ его выпустить изъ моего дома.

Тогожъ самаго дня Маркизъ увидѣлъ президентшу. Сударыня, сказалъ онъ, вотъ бумага, которую графъ *Понсилъ* просилъ меня вамъ показать; онъ бы самъ то учинилъ, ежелибъ ему не воспрепятствовалъ пистолетный выстрѣлъ, вчерась имъ полученный. Усмотрѣвъ допросъ кормилицына мужа, долгое время она стояла неподвижна, наконецъ начавъ горько плакать, заклинала Маркиза, что бы ее не погубить. Вы больше имѣете щастїя, нежели того достойны, отвѣтствовалъ онъ ей, по тому что Графъ намѣренъ о томъ молчать, уважая вашу фамилїю; но для удержанїя въ надлѣжащихъ предѣлахъ вашей злобы, сїя бумага поручена будетъ въ руки неизвѣстной вамъ особѣ, которая не преминетъ о томъ увѣдомить правительство при первомъ непрїятномъ случаѣ, который приключится графу *Понсилъ* или мнѣ, по тому что я теперь не меньше его опасаться долженъ, или наконецъ сему презрѣнному, коего признанїе изобличаетъ столь ясно вашу злобу. Вы и за то отвѣтствовать будете, продолжалъ онъ, въ чемъ бы по наружности и подозрѣвать васъ не можно было; и такъ, для собственной вашей безопасности, убѣгайте,

какъ отъ убїйства, такъ равно и отъ яду. Прощайте государыня моя! и помните мои совѣты.

Возвратясь ко мнѣ, объявилъ Маркизъ о принятыхъ имъ предосторожностяхъ; онѣ столь надежно были устроены, что мы оставались въ совершенной отъ президентши безопасности. Вскорѣ по томъ подъ видомъ перемѣны воздуха, удалилась она въ свою деревню, откуда и не выѣзжала по сїе время. Сказывали мнѣ послѣ того, что она приняласъ за набожную жизнь, и свѣтъ совсемъ почти оставила.

Маркизъ *Мирмонъ* перервавъ въ семъ мѣстѣ рѣчь своего пріятеля; я по сїе время не зналъ, сказалъ онъ ему, истинной причины уединенїя президентшина; ты таилъ отъ всѣхъ свою рану, подъ видомъ притворной немощи, и обрадовавъ меня намѣренїемъ твоимъ, что бы не прилѣпляться иначе къ любовной страсти, какъ только для одной забавы, подалъ ты мнѣ тогда пріятную заботу утверждать тебя наисильнѣйшими доводами въ твоемъ расположенїи.

Вскорѣ послѣ сего, продолжалъ графъ *Понсилъ*, поѣхалъ я въ *Парижъ* съ Маркизомъ *де ла Мотолъ*, въ томъ намѣренїи, что бы возвратить женскому полу всѣ тѣ невѣрности, которыя мы отъ него испытали. Казалось намъ, что не можно найти для нашихъ подвиговъ театръ, удобнѣйшій

и пространнѣйшїй сего города. Въ самой вещи, не успѣли мы туда прибыть, какъ уже многїя знатныя дѣйствїи оказали. Маркизъ подружился съ женою одного парламентскаго совѣтника; а я нашелъ пріязнь въ супругѣ нѣкотораго казначея, и пользуясь небольшее время первыми, перемѣняли ихъ другими. Близь двухъ мѣсяцевъ продолжали мы это, не нарушая нашего порядка, какъ услышали о любви твоей къ *Клариmондѣ*, о похищенїи ее кавалеромъ *Маринїемъ*, и о твоемъ съ нимъ поединкѣ. Я писалъ тебѣ многїя писма, но ни на одно не имѣлъ отвѣта. Всѣ получены мною до послѣдняго, сказалъ Маркизъ; баронъ *Шатофоръ* ко мнѣ ихъ доставлялъ; но желая отъ всего свѣта утаить мое пребыванїе, не могъ я на оныя отвѣтствовать. Мы продолжали нашу жизнь, говорилъ графъ *Понсилъ*, близь осми мѣсяцевъ, во всемъ по прежнему. Наконецъ познакомились съ одною Маркизою изъ *Лангедока*: она досталась на часть моему товарищу, а мнѣ ея пріятельница, которой супругъ имѣлъ въ городѣ нѣкоторую должность. Сговорились мы однимъ днемъ поѣхать въ маскерадъ всѣ четверо въ зеленыхъ доминахъ. Находясь въ ономъ, *де ла Мотъ* съ своею Маркизою сказали намъ, что намѣрены на малое время изъ маскерада удалиться; но около часа послѣ того не видя оныхъ возвращенїя, тщетно мы ихъ вездѣ

искали. Наконецъ показалась мнѣ одна женская маска въ доминѣ подобной нашимъ. Я счелъ ее Маркизою, и подшедъ безъ околичностей, спрашивалъ у ней о *де ла Мотѣ*? Маска мнѣ ничего не отвѣчала. Заключая изъ того мою ошибку, я хотѣлъ было удалиться, какъ она схвативъ меня за руку, сказала слѣдующія слова: надобно вамъ быть весьма суровымъ, покидая меня съ такою поспѣшностію? Сіе начало показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Прекрасныя глаза, сквозь маску примѣченныя мною, понуждали меня стараться, что бы совершить мою побѣду. Слабое сопротивленіе, оказываемое сею красавицею, увѣряло меня, что она не умедлитъ умножить списокъ моимъ полюбовницамъ. Я просилъ ее, что бы она объявила мнѣ свое имя. Вы мнѣ коротко знакомы, отвѣтствовала она, такъ какъ и я вамъ; и такъ, разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній, которыя вы имѣть можете, отъ меня зависитъ. Сказанное ею усугубило мое любопытство, и я неотступнѣе началъ ее просить, что бы она мнѣ открылась. Можетъ быть, сказала она, что откровенность сія уменшитъ ваше дружество; при сихъ словахъ она сняла маску, и кого же я увидѣлъ? мою вѣроломную *Луцинду*. Какъ! это ты неблагодарная! вскричалъ я, дерзнувшая показаться тому человѣку, который столь чувствительно огорченъ тобою! Не довольно

показаться, говорила она, но по извѣстному мнѣ вашему великодушїю, уповаю получить отъ васъ одного все мое благополучїе, зная, что родитель мой никогда не проститъ безъ посредства вашего. Цѣлые три года, вся покорность моя и Маркиза *Мезана*, не могли ни мало смягчить его сердца. Мы принуждены теперь въ отдаленїи отъ него и отъ нашей родины жить въ *Парижѣ*. Забудь, великодушный Графъ, досаду, которую приключить вамъ наисильнѣйшая любовь меня принудила. Страсть къ моему супругу и по сїе время столь велика, что я въ угодность его и теперь на все бы то отважилась, что учинила прежде. Не любовь, которой уже я не имѣлъ къ *Луциндѣ*, а одно объ ней сожалѣнїе склонило меня въ ея пользу. Я обѣщалъ ей употребить все, что могу для исполненїя ея прозбы. Она сказала мнѣ послѣ сего, что уже давно имѣла желанїе со мною поговорить, слыша о пребыванїи моемъ въ *Парижѣ*, однако стыдъ и робость всегда ее отъ того удерживали; но узнавъ меня, когда я къ ней подшелъ, спрашивая о Маркизѣ *де ла Мотѣ*, не могла уже упустить того случая. Я спросилъ о ихъ жилищѣ, что она и объявила; и на другой день поговоря съ Маркизомъ *де Мезанъ*, ея супругомъ, приняли мы средствы столь надежныя, и въ оныхъ столь щастливо успѣвали, что въ три мѣсяца послѣ сего *Луцинда* съ ро-

дителемъ своимъ совершенно примирилась. Должно признаться къ ея чести, что она горячностiю къ мужу, принуждала всякаго позабыть ея прежнее легкомыслiе; они весьма согласно жили, и лучшей четы желать не можно было.

Во время сего продолжительнаго разговора, потерялъ я изъ виду мою любовницу; но скоро опять ее нашелъ съ *де ла Мотомъ* и Маркизою, въ углу зала сидящихъ. Мы пробыли въ маскерадѣ весьма долго, и съ наступленiемъ дня, по домамъ разъѣхались.

Жизнь, которую я и Маркизъ *де ла Мотъ* въ *Парижѣ* провождали, была столь для насъ забавна, что два года показались намъ двумя днями. Домашнiя дѣла потребовали наконецъ нашего возвращенiя въ деревню; но мы отъѣздомъ не спѣшили: отсрочивая его еще около осми мѣсяцевъ, принуждены были оставить столь веселое жилище, и въ концѣ августа поѣхали въ деревню. По прибытiи моемъ туда, тщетно я провѣдывалъ о твоемъ пребыванiи. Хотя и часто ѣзжалъ я къ барону *Шатофору*, но и тотъ увѣрялъ меня, что онъ о тебѣ также ничего не знаетъ. Видишъ теперь, любезный Маркизъ! что сама судьба мнѣ то открыла, что онъ таилъ отъ меня съ такимъ старанiемъ, и въ то время, въ которое я наименѣе ожидалъ, дала мнѣ случай увидѣться съ тобою.

По окончанїи сей повѣсти, оба пріятеля сдѣлавъ другъ другу новыя увѣренїи въ своемъ дружествѣ, встали съ мѣста и возвращались въ домъ. На дорогѣ попался имъ *фронтинъ*, идущій увѣдомить ихъ о прибытїи барона *Шатофора*. Я и забылъ тебѣ сказать, говорилъ *Мирмонъ*, что сего дня четвергъ, то есть день свиданїя моего съ барономъ: *фронтинъ* примолвилъ къ сему, что онъ уже извѣстенъ о присутствїи графа *Понсилъ*. Они удвоили шаги, для скорѣйшаго свиданїя съ общимъ ихъ пріятелемъ, который тѣмъ же желанїемъ пылая, спѣшилъ имъ на встрѣчу. *Понсилъ* дружески выговаривалъ ему за его неумолимое молчанїе; а баронъ извинялся своимъ обѣщанїемъ, даннымъ въ томъ Маркизу.

По прибытїи въ домъ и по объявленїи графомъ *Шатофору*, какимъ случаемъ онъ обрелъ Маркиза, разговоры ихъ во ожиданїи ужина, обратились нечувствительно на женщинъ. Мнѣнїе твое не совсемъ справедливо, сказалъ Маркизъ графу *Понсилъ*, за невѣрность одной или двухъ женщинъ, и за легкомыслїе нѣсколька другихъ, надлѣжитъ ли тебѣ весь ихъ полъ считать презрительнымъ, и въ отмщенїе имъ впасть въ самыя тѣ погрѣшности, которыми ихъ упрекаешь? Что касается до меня, то при всемъ неудовольствїи, полученномъ мною отъ *Клариманды*, не простираю я въ такую даль

моего предразсужденїя о женщинахъ. Довольно, когда я думаю, что человѣкъ щастливъ, ежели къ нимъ не имѣетъ страсти; но не скажу однакожъ, что бы нѣжное къ нимъ сердце необходимо приключало намъ нещастїе; знаю напротивъ того многихъ женщинъ, которыхъ добродѣтели и постоянство достойны быть преданы потомству, и достойно заннмать могутъ въ лѣтописяхъ мѣсто. Не могу я на то согласиться, отвѣтствовалъ графъ *Понсилъ*; многїе примѣры, соединенные съ здравымъ объ нихъ размышленїемъ, увѣряютъ меня, что изъ всего прекраснаго пола мало сыщется такихъ, которыхъ постоянство могло бы выдержать строгое испытанїе. Изберемъ барона *Шатофора* нашимъ судьею. Я на то согласенъ, отвѣтствовалъ Маркизъ, хотя расположенїе барона и не въ пользу женщинъ; но надѣюсь, что онъ не одобритъ утверждаемаго тобою мнѣнїя. Для убѣжденїя его, сказалъ Графъ, надобно ему только представить женщину отъ минуты ея рожденїя до самой кончины. Надѣюсь, что въ такомъ описанїи найдетъ онъ всѣхъ своихъ знакомокъ: въ самомъ нѣжномъ ребячествѣ, продолжалъ *Понсилъ*, молодая дѣвочка стараетїся уже, что бы ей нравиться, хотя сама еще того не понимаетъ, что дѣлаетъ, и можно сказать, что сама натура ихъ въ томъ наставляетъ. Когда ея разсудокъ ни

чѣмъ еще инымъ не занятъ, кромѣ куколъ, глаза ея приучаются уже къ искусному взгляду, а уста къ пріятнымъ усмѣшкамъ. Какъ же скоро достигла она шестнадцати или семнадцати-лѣтняго возраста, тогда зеркало и уборы единое ея упражненіе составляютъ. Какъ бы много ни было въ ней горячности къ любовнику, который имѣлъ щастіе понравиться; но другихъ обожателей отъ себя не отгоняетъ, взирая на нихъ, какъ на плѣнниковъ, украшающихъ ея побѣду, и желая, что бы всякой изъ нихъ къ ея торжественной колесницѣ навсегда былъ привязанъ. Сердце свое отдаетъ она щастливому любовнику; а для прочихъ оставляетъ умильные взгляды, улыбки и нѣкоторое ласкающее каждаго жеманство. Бракъ ни въ чемъ не перемѣняетъ ея свойства; но еще большія выгоды ей доставя, позволяетъ усугубить вертопрашество, покрывая любовныя ея дѣла совершенною безопасностію. Слѣдуйте до самаго вдовства за нею, она и тогда ни въ чемъ не измѣняется: довольна будучи, что уже имѣла мужа, она не входитъ иначе въ обязательствы, какъ на самое короткое время, къ выгодѣ замужнихъ присоединяетъ всю пріятность состоянія дѣвичьяго, и пользуется преимуществами обѣихъ сихъ состояній. Пусть чистосердечно признается баронъ, продолжалъ графъ *Понсилъ*, не истинный ли это сколокъ

всѣхъ ему знакомыхъ женщинъ? и ежели вы скажете, что онъ для нихъ выгоденъ, то я долженъ буду замолчать.

Не соглашаюсь на то, отвѣтствовалъ Маркизъ, что бы въ учиненномъ тобою описании можно было полагать всѣхъ женщинъ, и къ тебѣ же самому обращаюсь; ты сказывалъ намъ, что *Луцинда* вела жизнь наивоздержнѣйшую и наипостояннѣйшую съ своимъ мужемъ; сверхъ того увѣряю васъ, что и я многихъ знаю, которыхъ нравъ, добродѣтель и чистосердечіе всякой похвалы достойны. Къ чему искать въ древности женщинъ почтенія нашего достойныхъ? мы ихъ ежедневно видимъ, и баронъ *Шатофоръ* сколь ни огорченъ вѣроломствомъ отъ *Клариссы*; но въ разсужденіи моего мнѣнія часто со мною соглашался. Ежели бы я напротивъ твоего описанія о женщинахъ, поставилъ изображеніе нѣкоторыхъ мущинъ, то надѣюсь, что они не великое бы въ семъ сравненіи имѣли преимущество, и можетъ быть, продолжалъ Маркизъ смѣючись, что бы ты тутъ отъ части и свой портретъ увидѣлъ. Представтежъ намъ мущинъ, сказалъ *Понсилъ*, увидимъ, будутъ ли ихъ погрѣшности, хотя въ половину противъ женскихъ. Боже мой! это для меня не такъ трудно, отвѣтствовалъ Маркизъ. Вообразимъ себѣ петиметра, въ которомъ ни кто почти не усматриваетъ

ничего порочнаго; но послѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ, увидимъ его погруженнаго въ вѣроломство, ложь; полагающаго всю свою славу въ числѣ обманутыхъ женщинъ и... Остановись господинъ защитникъ женскаго пола, вскричалъ Графъ, къ чемужъ ты требуешь, чтобъ мущина имѣлъ больше постоянства, нежели женщина? Мы благоразумно дѣлаемъ, отплачивая имъ, какъ будто бившись объ закладъ, кто кого въ томъ перещеголяетъ. Какъ? перервалъ его рѣчь Маркизъ, ты полюбивъ женщину, клянешься, что для нея одной жить хочешь: она уступаетъ тебѣ свое сердце; а ты, какъ скоро получилъ, то и начинаешь уже его терзать, жертвуя имъ первой, съ которою повстрѣчаешься. Чемъ больше ты своему слову измѣняешь, чемъ больше производишь слезъ и отчаянія, не больше ли чрезъ то распространяется твоя слава? Сіе-то называется у васъ быть молодцомъ, человѣкомъ въ свѣтѣ удачнымъ и завиднымъ. Чтожъ гнуснѣе сего находишь ты въ свойствахъ самой жестокой вертопрашки? Я всегда останусь при сихъ мысляхъ, что легкомысліе и непостоянство суть общій удѣлъ человѣчества; женщины имѣютъ меньше силы имъ противиться: но есть много и мущинъ, которые имъ въ томъ не уступаютъ. Я страшусь любви, считаю сію страсть изъ всѣхъ жесточайшею, которой слѣдствіи почти всегда опа-

сны; но никогда того не скажу, что бы она необходимо въ нещастїе насъ ввергала. Мы имѣемъ сильные тому примѣры, и ежели любовницы наши были вѣроломны, то слѣдуетъ ли изъ того заключить, что бы пороки ими учиненные, посрамляли весь ихъ полъ? Будемъ довольны тѣмъ, что приключившїяся намъ нещастїи научить насъ могутъ осторожности. Вотъ что вамъ сверхъ того еще скажу, примолвилъ Маркизъ, ежели бы возможно было *Кларимондѣ* оправдаться, не взирая на мое трехъ-лѣтнее уединенїе, не взирая на равнодушїе, которое я въ душѣ моей утвердить старался, я не могъ бы ей не возвратить всей моей любви и почтенїя. Баронъ *Шатофоръ* взялъ сторону Маркиза; соглашаясь съ нимъ, что мнѣнїе того крайне несправедливо, который утверждаетъ, чтобъ истинная страсть дѣлала насъ всегда злополучными, и заключилъ тѣмъ, что и онъ не сомнѣвается о томъ, что любовь учинила болѣе нещастныхъ, нежели щастливыхъ, и что самый здравый разсудокъ повелѣваетъ отъ оной удаляться.

Понсилъ не доволенъ будучи симъ рѣшенїемъ; я переношу мое дѣло, вскричалъ онъ, на разсмотрѣнїе любовниковъ и мужей цѣлой Европы; и смѣло спорю, что въ семъ многочисленномъ моихъ судей собранїи, ста головъ противъ себя имѣть не буду. Наконецъ, продолжалъ онъ засмѣявшись, не

взирая на рѣшенїе вашего уединеннаго ареопага (*), позвольте мнѣ до того времяни остаться при прежнихъ моихъ мысляхъ, пока мнѣ самому надежный примѣръ постоянства женскаго найти не удастся.

По приготовленїи *фронтиномъ* ужина, всѣ три пріятеля сѣли за столъ. Отъужинавъ, между прочими разговорами, спрашивалъ *Шатофоръ* у графа *Понсилъ*, какъ ему сїя уединенная жизнь кажется, и не должно ли ее почесть благополучною? Откровенно признаюсь вамъ, отвѣтствовалъ онъ, что мнѣ кажется она скучновата. Я ею доволенъ бы былъ на недѣлю; но какъ можно вознамѣриться, что бы цѣлую жизнь прожить безъ всякой перемѣны? новость больше всего мнѣ нравится; я не могъ бы того вообразить, что мои упражненїи десять лѣтъ съ ряду будутъ одинаковы, и что и завтре то же буду дѣлать, что и сего дня дѣлалъ. Одна мысль сего единообразнаго упражненїя удаляетъ отъ меня всѣ забавы; да человѣкъ и сотворенъ, по моему мнѣнїю, для общества. Какъ бы онъ самъ въ себѣ доволенъ ни былъ, и сколько бы чтенїемъ не занимался, но десять разъ на день почувствуетъ скуку, не имѣя кому сообщить своихъ мыслей. Мы всѣ такимъ образомъ расположены, что болѣе находимъ удовольствїя бесѣдовать съ живыми, нежели съ мертвыми пріятелями.

(*) Ареопагъ, верховный судъ древнихъ Аѳинъ.

Ты столько же заблуждаешься, отвѣтствовалъ Маркизъ *Мирмонъ*, въ понятіи твоемъ о уединенной жизни, какъ и о женскомъ полѣ; и сіе единообразное упражненіе, которое тебѣ кажется столь ненавистнымъ, есть наиважнѣйшій даръ, получаемый нами отъ уединенія; но какъ ты противъ онаго менѣе ожесточенъ, нежели противъ женщинъ, то я безъ дальнаго труда надѣюсь тебя съ нимъ примирить. Разсмотримъ удовольствіи свѣтской жизни, и сравнимъ ихъ наконецъ съ тѣми, которыми наслаждается человѣкъ сохраняемый самою мудростію въ уединенномъ пристанищѣ отъ бурь свѣтскихъ:

Похвально ли? скажи мнѣ, любезный Графъ, проводить ночи въ распутствѣ, упиваться до потерянія разсудка, и посрамлять человѣчество обѣяденіемъ; когда скоты, не имѣя нашего разума, а однимъ побужденіемъ будучи управляемы, ѣдятъ только для своего насыщенія. Игрокъ, уменьшающій ежедневно свой достатокъ, снѣдающій себя безпрестаннымъ страхомъ и надеждою, предающійся отчаянію для шестерки, а радости для туза, сохраняющаго его на нѣкоторое время отъ богадѣльни, въ которую онъ неминуемо стремится; заставляетъ ли позавидовать себѣ и своей участи? и можетъ ли его упражненіе быть забавою невинною и пріятною для человѣка, хотя нѣкоторую тѣнь разсудка со-

хранившему? Не скажешь ли ты еще, что бы человѣкъ одаренный разумомъ, плѣнился состоянїемъ петиметра, котораго все упражненїе состоитъ въ томъ только, что бы по модѣ причесаться и нарядиться; а все достоинство его, что бы искусно выступить, смѣяться безъ зазрѣнїя совѣсти пустому, подать женщинѣ манерно руку, и насказать ей сотни съ три привѣтствїй, отъ которыхъ удаленъ разсудокъ? Не позавидуешь ли наконецъ тѣмъ, которые имѣютъ дарованїе весь свѣтъ порочить, бѣгая во всѣ четыре страны города, что бы удобнѣе разсѣять соблазнительную какую нибудь повѣсть о цѣломъ родѣ человѣческомъ? или не хочешь ли находиться въ числѣ сихъ славныхъ тунеядцовъ, сихъ провозглашателей и проповѣдывателей новостей, которыхъ единое упражненїе состоитъ въ томъ, что бы быть въ кофейномъ домѣ, на гуляньѣ, въ оперѣ, и въ подобныхъ сему собранїяхъ? Сколь ни странны покажутся тебѣ сїи изображенїи; но разсмотря ихъ со вниманїемъ, самъ скажешь, что они учинены съ совершенною точностїю, и признаешься, что въ нихъ-то вся жизнь не малаго числа свѣтскихъ людей замыкается. Они употребляютъ во зло и самыя невинныя забавы, и что введено для единаго увеселенїя, то по ихъ правилу развращаетъ сердце. Представь себѣ щоголя,

упоеннаго любовїю къ оперной пѣвицѣ, и истощающаго себя для подложной *Ифигенїи*. *Кампра* (*) становится невинною причиною его нещастїя; музыка не есть уже для него искуство забавляющее, сладкое голосовъ согласїе; но ядъ, немощь ему приключающїй, отъ которой онъ не прежде, какъ проживъ послѣдній алтынъ, исцѣляется. Во всѣхъ вещахъ есть благоразумная средина, всѣ забавы выходящїя изъ предѣловъ, теряютъ свою цѣну. Въ свѣтской жизни онѣ простираются часто далѣе надлѣжащаго, и единая мудрость знаетъ истинное имъ употребленїе. Трудно сїю мудрость приобрѣсть посреди суетъ и шума; она всего сего убѣгая, въ тишинѣ обитаетъ, и поколику бываетъ она плодомъ размышленїя, то мы отъ большей части въ уединенїи сїе приобрѣтаемъ. Ежели жизнь единообразная теперь для тебя несносна, то при маломъ испытанїи возчувствуешъ ея сладость. Правило и порядокъ суть неминуемыя слѣдствїи здраваго разсудка. Сверхъ того въ уединенной жизни больше, нежели въ свѣтской, забавы свои перемѣнять можно: когда долгимъ чтенїемъ утрудились мысли, тогда можешъ отдохнуть въ саду, гдѣ работая, утѣшаешъ свое зрѣнїе многоразличнымъ собранїемъ цвѣтовъ.

(*) *Кампра*, славный музыкантъ, извѣстный по множеству своихъ музыкальныхъ сочиненїй.

Прогулка, звѣриныя и рыбныя ловли, новыя тебѣ забавы представляютъ; и ежели онѣ меньше имѣютъ прелести и приманки, нежели свѣтскія; но уже не послѣдуемы ни раскаяніемъ, ни множествомъ иныхъ страстей, которыя бываютъ обыкновенными свѣтскихъ забавъ спутниками. Я не утверждаю наконецъ, что бы должно было совершенно отъ рода человѣческаго отрещися, и въ уединеніи можно обращаться съ нѣкоторыми пріятелями, которыхъ благоразумныя бесѣды, занималибъ мѣсто сего вздорнаго пустыхъ словъ соединенія, которое мы въ заговорѣ петиметра видимъ. Баронъ *Шатофоръ* перервалъ рѣчь Маркиза, пойдемъ лучше спать, сказалъ онъ, трудно тебѣ Графа уговорить, и сдѣлать изъ него философскаго праведника. Не столь трудно, отвѣтствовалъ *Понсилъ*, какъ увѣрить меня въ постоянствѣ женщинъ. Но я къ статѣ вспомнилъ: развѣ мы всѣ трое на одной постелѣ ляжемъ? Все уже учреждено, сказалъ Маркизъ; вамъ моя кровать, а для меня *фронтинъ* особливую поставилъ въ кабинетѣ. Изрядно, говорилъ Графъ, предосторожность въ хозяинѣ, вещь не лишняя; и ежели по намѣренію нашему ѣхать завтрешняго дня рано на охоту, то чемъ ранѣе мы возмемъ покой, тѣмъ лучше. Маркизъ *Мирмонъ* удалился въ свой кабинетъ, а его два пріятеля предались сну на его постелѣ.

Какъ скоро показался день, то *фронтинъ* пришедъ говорилъ Маркизу, что желающему воспользоваться пріятностію утра, время уже вставать. Поди, отвѣтствовалъ Маркизъ, и разбуди графа *Понсилъ* и барона *Шатофора*. *фронтинъ* пришедъ въ ихъ горницу, увидѣлъ, что они почти совсемъ были одѣты; послѣ чего собрались всѣ въ залъ, гдѣ ожидалъ ихъ завтракъ, и онымъ для лучшаго понесенія всѣхъ трудностей на охотѣ, укрѣпивъ они свои силы, пустились по дорогѣ, идущей къ лѣсу, въ которомъ часъ отъ часу находя болѣе дичины, далеко во внутренность его заѣхали. Около половины дня усмотрѣли они небольшій источникъ, и мѣсто сіе показалось имъ весьма удобнымъ для отдохновенія. *фронтинъ* разославъ скатерть, поставилъ пирогъ, окорокъ вепчины, и нѣсколько бутылокъ вина, которыми не запамятовалъ запастись при своемъ отъѣздѣ. О, о! сказалъ *Понсилъ*, съ столь великолѣпными припасами мы не умремъ отъ голода въ сей дубровѣ. Проголодавшись, все считали они вкуснымъ; и уже готовы были возпріять обратный путь къ жилищу, какъ услышали великой вопль съ нѣкоторыми выстрѣлами. Не можно было точно распознать слышаннаго ими; но не сомнѣвались, что бы кто нибудь не былъ въ крайней нуждѣ. Не останавливаясь, поспѣшали они къ тому мѣсту, откуда и шелъ

голосъ, и подъѣзжая ближе, увидѣли одного человѣка обороняющагося противъ трехъ; сверхъ того усмотрѣли одного уже убитаго и поверженнаго подлѣ женщины, которая отъ такого зрѣлища въ отчаяніи быть казалась. По великодушію своему склонились они тотчасъ въ пользу того, который къ такому неравному бою былъ подверженъ. Мы бѣжимъ къ тебѣ на помощь, кричали они, поспѣшая наивозможнѣйшимъ образомъ. Увидя сіе неожидаемое пришествіе, двое изъ разбойниковъ побѣжали въ лѣсъ; послѣдній же изъ нихъ, оставленъ будучи своими товарищами, скоро поверженъ былъ на землю, и смерть его, казалось, что нѣсколько успокоила госпожу, присутствующую при семъ сраженіи.

Во время сего произшествія, трое нашихъ пріятелей прибыли на мѣсто сраженія; но сколь велико было ихъ удивленіе, увидѣвъ *Кларимонду* и кавалера *Марини* во многихъ мѣстахъ израненнаго, и едва на ногахъ держащагося, и взирающаго съ видомъ удовольствія на графа *Санзака*, безъ дыханія у ногъ его лежащаго! Маркизъ *Мирмонъ*, при всей приобрѣтенной имъ философіи, не безъ труда воздержать могъ свою ярость. Ежелибъ соперникъ его въ иномъ былъ состояніи, то бы недолго размышлялъ онъ рѣшить съ нимъ старинную свою ссору; но одно великодушіе въ то время имъ владѣло. Онъ первый бросился ему помогать,

какъ *Понсилъ* и *Шатофоръ* старались между тѣмъ возвратить память *Кларимондѣ*, которая лишилась чувствъ, узнавъ Маркиза. Не меньшее смущенїе произвело присутствїе его и въ *Марини*, котораго раны отъ жестокихъ движенїй его сердца сильнымъ теченїемъ изъ оныхъ крови, приближали его очевидно къ смерти. Онъ упавъ на руки *Мирмона*; небо, защищающее невинность, вскричалъ онъ, соблаговолило, что бы прежде, нежели умру, могъ я засвидѣтельствовать добродѣтель *Кларимонды*. Признаюсь тебѣ Маркизъ, что я подкупивъ ея служительницу, употребилъ для похищенїя ея обманъ съ насилїемъ. Упустивъ къ тому случай въ тотъ день, какъ я былъ раненъ, ожидалъ я только моего излѣченїя. Холодность, тобою въ ней примѣченная, было дѣйствїе ея ревности, по тому что я и сестра моя увѣрили ее, что ты любишъ бароншу де *Сентъ-Циръ*. Она сохраняла къ тебѣ всегда непоколебимую ни чѣмъ вѣрность, и солнце, которое я покидаю, не столь чисто, какъ сердце *Кларимонды*. Она и мнѣ отдастъ ту справедливость, что я не употребилъ во зло власти моей надъ нею, и смерть сїю для защищенїя ея добродѣтели пріемлю. Довольнымъ наконецъ остаюсь, истребивъ вѣроломнѣйшаго и безчестнѣйшаго друга! прости меня, дражайшїй Маркизъ, и позабудь прошедшее. Онъ взглянулъ послѣ сего на

Кларимонду, которую въ память привести старались, и чрезъ краткое время умеръ съ устремительными на ея глазами.

Между тѣмъ Маркизъ *Мирмонъ*, какъ человѣкъ лишенный разума, не помнилъ самъ о себѣ. Состоянїе, въ которомъ онъ увидѣлъ свою любовницу; послѣднее признанїе его соперника, трое мертвыхъ, изъ которыхъ двое совершенно ему знакомы были, у ногъ его лежащїе: всѣ сіи различные предмѣты, соединясь съ жестокими душевными движенїями, погрузили его въ нѣкоторое забвенїе. Наконецъ, любовь, воспрїявшая надъ нимъ первую свою власть, разрѣшила его чувствы. Онъ бросился къ ногамъ своей любовницы, хотѣлъ ей изъясниться, но не могъ промолвить слова, увидя продолжающїйся ея обморокъ; наконецъ, собравъ послѣднїя свои силы, взялъ онъ у *Кларимонды* руку, и сжимая ее крѣпко, я виновникъ, говорилъ онъ, живи дражайшая, что бы я могъ вѣчнымъ постоянствомъ и горячностїю заслужить оскорбившїя тебя мои подозрѣнїи. Голосъ Маркизовъ какъ будто ея возбудилъ отъ сна: она открыла умирающїе свои глаза, и спрашивала, живъ ли еще *Марини*? Всѣ мои стараніи не могли продолжить его жизни, отвѣтствовалъ Маркизъ. И такъ, остаюсь я наинещастнѣйшею особою въ свѣтѣ, потерявъ способъ оправдаться, сказала она, при семъ словѣ чуть было опять не лишась

чувства; какъ *Мирмонъ* со всѣми знаками искреннѣйшей горячности началъ ей говорить: вы, сударыня, оправдались совершенно. Небо, поборствующее вашей добродѣтели и невинности, дало *Маринѣю* столько времяни, что онъ могъ признаться въ своемъ злодѣйствѣ и истребить все сомнѣнїе, что бы на похищенїе ваше вы согласны были. Увы! Маркизъ, не ужъ ли вы еще въ томъ усомнитесь, и не ужъ ли не повѣрите послѣднимъ словамъ умирающаго? Сердце мое совершенно уже васъ оправдало, отвѣтствовалъ *Мирмонъ*, но позвольте мнѣ удалить васъ отъ сего мѣста, и препроводить въ мое жилище. Баронъ *Шатофоръ* съ *фронтиномъ* поимали между тѣмъ ушедшую во время минувшаго сраженїя *Маринѣеву* лошадь. Графъ *Понсилъ* отвязалъ отъ дерева другую, принадлѣжащую графу *Санзаку*, на которую посадивъ *Кларимонду*, поддерживали ея съ обѣихъ сторонъ съ Маркизомъ. *Шатофоръ* въ то время къ нимъ присоединился, а *фронтинъ* сѣвъ на *Маринѣеву* лошадь, поскакалъ искать людей, для пренесенїя въ бароновъ замокъ, оставшихся труповъ, гдѣ безъ всякой огласки, и не давая знать о томъ правительству, можно было ихъ погребсти.

Во время пути, *Кларимонда* въ столь великомъ изнеможенїи находилась, что должно было ежеминутно опасаться для нея

новаго припадка, и нѣсколько разъ надлѣжало ея снимать съ лошади для отдохновенія; наконецъ доѣхали до *Мирмонова* жилища. При всей ея слабости и смущеніи не могла она скрыть своего удивленія при взорѣ на сію пустыню; тѣмъ больше, что она съ самаго своего похищенія ничего о Маркизѣ не слыхала. Сколь для меня пріятно, сказала она ему, имѣть способъ предъ вами оправдаться, увѣдомивъ васъ о несчастіяхъ, мною претерпѣнныхъ, и о причинѣ ихъ приключившей. Легкомысленно повѣрила я тѣмъ извѣстіямъ, которыя ухищренно для изгнанія васъ изъ моего сердца, были выдуманы, и небо за то меня наказало. Успокойтесь, прекрасная *Кларимонда*, отвѣтствовалъ ей *Мирмонъ*, состояніе ваше не позволяетъ вамъ теперь увѣдомить меня о такихъ вещахъ, которыхъ одно воспоминовеніе духъ вашъ встревожить можетъ. Старайтесь усмирить возмущенныя ваши чувствы; мы проводимъ васъ въ назначенную вамъ горницу. Она удалилась послѣ сего въ ту комнату, гдѣ *Шатофоръ* и *Понсилъ* ночевали. Оставшись на единѣ, легла въ постель, и какъ скоро благопристойность позволила къ ней войти, то *Мирмонъ* представлялъ, не угодно ли ей принять немного пищи. *Понсилъ*, за отсутствіемъ *фронтина*, разогрѣлъ похлебку, которою она подкрѣпивъ свои силы, ободрилась нѣсколько

послѣ претерпѣннаго ею страха и безпокойства; а *Шатофоръ* попросивъ *Клариmонду*, что бы она не прогнѣвалась, ежели они по часту приходить будутъ для освѣдомленія о ея здоровьѣ, пошли въ находящуюся по бокъ спальни залу, оставя ея покоиться.

Какъ скоро сіи три пріятеля остались на свободѣ взаимно изъясниться, признаюсь вамъ, говорилъ графъ *Понсилъ*, что сей день произвелъ столь много чрезвычайныхъ приключеній, что я хотя и менѣе Маркизова имѣю въ нихъ участія, но по сіе время не могу еще привесть въ порядокъ моихъ мыслей. Обрѣтеніе *Клариmонды*, смерть шевалье *Марини* и графа *Санзака*, кажутся мнѣ сновидѣніемъ. Сколь мое состояніе отъ твоего отлично! перервалъ его рѣчь *Мирmонъ*, ты по крайней мѣрѣ свободенъ отъ самой жесточайшей страсти; въ замѣшательствѣ твоемъ любовь не имѣетъ участія; но во мнѣ она одна всѣми души моей движеніями управляетъ. Она паки овладѣла моимъ сердцемъ, и всѣ мои прежнія размышленіи потеряли свою силу, поколику они стремились къ забвенію *Клариmонды* за ея невѣрность; но я обрѣтаю ея бодру посреди нещастія, и чисту отъ всѣхъ тѣхъ погрѣшностей, въ коихъ почиталъ ея виновною. Довольно изъ признанія *Маріниева* усмотрѣлъ я вину моего нещастія, и вижу теперь ясно, что упрекалъ ея чужими пороками.

Смущенїе, отъ котораго Маркизъ не могъ освободиться, усугубляло ежечасно стремленїе его идти къ *Кларимондѣ*. *Понсилъ* за нимъ туда послѣдовалъ, и они нашли ея въ крайнемъ изнеможенїи. Я не спала трои сутки, сказала она; сїи послѣднїя были еще выгоднѣе первыхъ; разсуждайтежъ по симъ о предъидущихъ: первыя проводила я въ побѣгѣ отъ *Санзака*; вторыя въ лѣсу; а что случилось со мною въ третїи, то уже вамъ извѣстно; сколь ни стараюсь я успокоиться, но чувствую, что мнѣ трудно усмирить волнующїяся мои мысли. Удаляйте отъ нихъ, говорилъ Маркизъ, все то, что ихъ можетъ трогать, и вмѣсто того воображайте себѣ удовольствїе увидѣть родителей, и окончить ихъ печали своимъ возвращенїемъ; а паче всего помышляйте о своемъ покоѣ. Тщетнобъ я теперь ожидала сна отъ спокойныхъ мыслей, отвѣтствовала *Кларимонда*; ежели онъ и придетъ, то конечно отъ слабости, которая меня преодолѣваетъ. Маркизъ опасаясь, что бы ей не учинить какого либо принужденїя, пошелъ къ барону. *фронтинъ*, возвратившїйся пренесши трупы въ его замокъ, привезъ ему изъ онаго писмо. Что пишутъ новаго? спросилъ его *Понсилъ*. Увѣдомляютъ меня изъ *Парижа*, отвѣтствовалъ онъ, о приключенїи не меньше рѣдкомъ, сколь забавномъ; чтенїе сего писма увеселитъ насъ,

пока *фронтинъ* изготовитъ что нибудь поужинать. Оно отъ шевалье *Бурдета*, и я отъ васъ не скрою, что онъ пишетъ.

Писмо отъ шевалье *Бурдета* къ барону *Шатофору*.

Послѣ моего послѣдняго писма, въ которомъ я не могъ ни о чемъ особливомъ васъ увѣдомить, произошла здѣсь въ городѣ комедія, которая при всей вашей философической холодности увеселитъ васъ въ состоянїи. Главнѣйшїя во оной дѣйствующїя лица суть: *Клоринда*, господинъ . . . . . каноникъ соборной и совѣтникъ *франкинъ*. Не сомнѣваюсь, что бы при наименованїи сихъ особъ не усугубилось ваше любопытство, и что бы вы не ожидали приключенїя довольно страннаго; вы въ томъ не ошибаетесь, и я разрѣшу сїю загадку.

Послѣ удаленїя вашего изъ города, чему вамъ угодно было скрыть отъ насъ причину; *Клоринда* жила весьма уединенно, никуда почти не выѣзжала, и обращалась только съ самыми короткими прїятелями. Совѣтникъ *франкинъ* былъ въ числѣ оныхъ. Свобода, которую онъ имѣлъ, ежедневно быть на единѣ съ сею красавицею, нѣкоторое сродство и старинная прїязнь, отводящая все подозрѣнїе отъ его частыхъ посѣщенїй, скрывали предъ свѣтомъ не малое время его особливую къ ней склонность; но нынѣ оное открылось самымъ яснымъ образомъ:

Не знаю, помышлялъ ли господинъ совѣтникъ о женидбѣ, или искалъ одной забавы; но то подлинно, что онъ любовь свою не заключалъ въ должные предѣлы, посѣщая всякую ночь *Клоринду*. Все сїе продолжалось безъ помѣшательства, мѣсяцевъ шесть или больше; но въ ночи на вчерашнїй день, какъ онъ запершись у ней находился, вдругъ появился отецъ съ четырьмя или пятью удальцами, провождаемый каноникомъ. . . . . Самымъ кроткимъ и учтивымъ образомъ сказано *франкину*, что бы онъ избиралъ любое, или потерять голову, или взять за себя полюбовницу. Тщетно требовалъ онъ времяни, объявляя, что уже давно есть на то его намѣренїе; но ему дали не болѣе трехъ минутъ на размышленїе: въ первую онъ бѣсился, во вторую былъ потише, а въ третью безъ всякаго шума, каноникъ его обвѣнчалъ съ полюбовницею. По совершенїи всѣхъ обрядовъ брачныхъ, новый тесть, обще съ своимъ воинствомъ и каноникомъ, пожелали ему пріятной ночи: но видно, что онъ не могъ имѣть оныя; по тому что вышедъ изъ сего дома чрезъ минуту послѣ ихъ отбытїя побѣжалъ къ нотарїусу заявить причиненное ему насилїе. Между тѣмъ его пріятели представляли ему, что обезчестивъ благородную дѣвицу, необходимо надлѣжитъ на ней жениться: честность и доброе свойство *франкиново* были наконецъ причиною, что онъ

сего дня благосклонно принялъ свою новую супругу. Все теперь тихо и спокойно: одно сіе участіе, которое въ ономъ дѣлѣ столь усердно принималъ каноникъ, производитъ молву въ обществѣ. Вотъ новость, о которой не могъ я умолчать, и которая, надѣюсь, покажется вамъ довольно забавною. Я посылалъ къ книгопродавцу; но онъ еще ..... Продолженіе сіе состоитъ въ вещахъ маловажныхъ, продолжалъ баронъ *Шатофоръ*, касающихся до дѣлъ мною порученныхъ. Щастливъ ты, любезный баронъ, что отъ нея тебя Богъ избавилъ, сказалъ графъ *Понсилъ*. Каноникъ этотъ для меня ужасенъ: благодари себя, что былъ въ любви воздержнѣе совѣтника; безъ сего не миновалъ бы его участи, и узналъ бы противъ своей воли, что есть женидба. Не могу довольно нарадоваться, отвѣтствовалъ баронъ, свободясь отъ сей опасности. *фронтинъ*, пришедшій доложить, что ужинъ былъ въ готовности, перервалъ ихъ разсужденіи. *Мирмонъ* вшелъ было въ спальню къ *Клариондѣ*; но увидя, что она заснула, возвратился къ своимъ пріятелямъ. Вставъ изъ за стола, баронъ совѣтовалъ перевезть на другой день *Клариону* въ его замокъ. Оттуда удобнѣе намъ, продолжалъ онъ, увѣдомить объ ней ея матушку, и принять оную, когда она за дочерью пріѣдетъ. Здѣсь не имѣемъ мы постель и многаго нужнаго,

ни для насъ, ни для сторонних. Я прежде васъ туда поѣду, что бы дать нѣкоторыя нужныя приказанїи, и погребсть тѣла Маркиза *Санзака* и шевалье *Маринїя*, которыя *фронтиномъ* подъ охраненїемъ были оставлены. Мнѣнїе его отъ всѣхъ было принято; и какъ уже наступало утро, то баронъ ни мало не откладывая, отправился въ свой замокъ.

Вставъ довольно рано, графъ *Понсилъ* и Маркизъ *Мирмонъ* вошли къ *Клариmондѣ*, которая уже была проснувшись. Маркизъ съ нѣкоторою робостїю, которая ей не не понравилась, спрашивалъ у ней о здоровьѣ? Я довольно отдохнула отъ слабости и утомленїя, отвѣтствовала она, не понимая сама того, какъ могла уснуть при столь смущенныхъ и волнующихся мысляхъ. Прошу васъ ни о чемъ не безпокоиться, отвѣтствовалъ *Мирмонъ*; вы теперь въ совершенной безопасности: баронъ *Шатофоръ* въ прошедшую ночь отправился уже увѣдомить вашу матушку, что нещастїи ваши окончались. Онѣ столь велики, говорила *Клариmонда*, что и одно напоминовенїе объ нихъ меня приводитъ въ ужасъ. Графъ *Понсилъ* примѣтя, что сей разговоръ возобновляетъ ея огорченїе, началъ ей предлагать о принятомъ ими намѣренїи, что бы переѣхать къ барону *Шатофору*. Она его весьма похвалила: послѣ чего оба пріятеля оставили

ея на свободѣ одѣваться, что *Кларимонда* наиоспѣшнѣйшимъ образомъ окончивъ, вошла въ залу. Какъ скоро она появилась, то *фронтинъ* поставилъ столъ съ однимъ приборомъ. *Мирмонъ* и *Понсилъ* просили, что бы она покушала, представляя, что цѣлые сутки она почти ничего не ѣла; въ чемъ *Кларимонда* и послушалась изъ единаго учтивства.

Между тѣмъ, чемъ больше она отъ своего смущенія свобождалась, тѣмъ въ большее удивленіе приходила, взирая на *Мирмоново* жилище. Пустыня столь пріятная, которую онъ избралъ для своего уединенія, казалась ей чрезвычайною. Она не могла постигать, что его къ тому понудило. Истощивъ всѣ догадки, сами себя уничтожающія, не могла она удержаться, что бы не спросить у него истинной тому причины. Пожалуйте изъясните мнѣ Маркизъ, говорила она, по какому случаю вы живете въ семъ лѣсу? *Мирмонъ* испустивъ тяжелый вздохъ, и взявъ съ трепещущимъ сердцемъ ея руку, я его узналъ, говорилъ онъ, вскорѣ по вашемъ похищеніи. Отчаяніе съ задумчивостію меня въ него препроводили; а разсудокъ приобщась къ отвращенію моему ко всѣмъ на свѣтѣ женщинамъ, по сіе время меня въ немъ удерживаютъ. Какъ, Маркизъ! перервала рѣчь его *Кларимонда*, это для меня, что вы такъ уединенно жили? для меня вы цѣлый

свѣтъ оставили? Увы! ежелибъ я въ искренности вашей меньше сомнѣвалась, коликихъ бы бѣдъ мы избѣжали? зловредная ревность! вѣроломный *Маринiй*! жестокая *Герминiя*! вами я обманута, вы повергли меня въ пучину злоключенiя, и можетъ быть на вѣкъ изъ сердца моего любезнаго меня изключили. Васъ изключить изъ моего сердца? отвѣтствовалъ Маркизъ; нѣтъ, сударыня! вы въ немъ всегда обитать будете; вы мнѣ вѣрны, и я опять наиблагополучнѣйшiй человѣкъ на свѣтѣ. Вамъ ли за то отвѣтствовать, что я проводилъ дни мои въ удаленiи отъ свѣта, въ которомъ ни что не было для меня прiятно? Боже мой! какое различiе между вашимъ и моимъ состоянiемъ! вы были въ рукахъ злодѣя, стремящагося къ вашему гоненiю. Почто небо, готовящее скорый конецъ его жизни, не пресѣкло оную въ тотъ день, какъ я его ранилъ? Какiя нещастiи мнѣ ни приключилъ *Марини*, сказала *Кларимонда*; но я должна признаться, что онъ поступалъ со мною довольно великодушно: хотя содержалъ меня подобно плѣнницѣ; но не выходилъ никогда изъ границъ должнаго ко мнѣ почтенiя, и судбами удивленiя достойными, онъ потерялъ жизнь для моей обороны. Она хотѣла было увѣдомить Маркиза обо всемъ, что съ нею приключилось, какъ графъ *Понсилъ* началъ ея просить, что бы симъ умедлить, пока

они переѣдутъ въ замокъ *Шатофора*. *фронтинъ* имѣлъ уже въ готовности лошадей, на канунѣ того дня собранныхъ. *Понсилъ* посадилъ *Клариманду* у себя за спиною, а Маркизъ былъ ихъ провожатымъ. Прибывъ къ барону, нашли его безпокоющагося о ихъ медлѣніи, которое заставляло его опасаться для нихъ чего нибудь непріятнаго. Государыня моя, сказалъ онъ *Клариндѣ*, свиданія съ вашею матушкою, вамъ остается ожидать не долѣе какъ до сего вечера. Я только теперь послалъ къ ней нарочнаго, и надѣюсь на его проворство, что въ короткое время онъ будетъ въ вашемъ домѣ. *Клариманда* благодарила барона за стараніи и труды, которые онъ принимаетъ; и какъ скоро успокоилась она нѣсколько въ особливой горницѣ, то сказалъ графъ *Понсилъ*: теперь ни что вамъ не мѣшаетъ, государыня моя, увѣдомить насъ о вашихъ приключеніяхъ. Сколь ни чувствительно намъ будетъ сіе повѣствованіе; но мы утѣшимся, воображая себѣ, что уже всѣмъ вашимъ нещастіямъ наступило окончаніе. Мнѣ весьма пріятно, отвѣтствовала *Клариманда*, употребить сей случай для оправданія своего предъ Маркизомъ; но прошу объявить мнѣ между тѣмъ, что учинено съ тѣлами шевалье *Марини* и графа *Сансака*? Онѣ уже погребены, сударыня, сказалъ баронъ, и я не преминулъ при томъ увѣдо-

мить ихъ родственниковъ обо всемъ произшествіи. Вѣроломство самое гнуснѣйшее, хотя и не достойно этой чести; но какъ они наказаны уже самимъ небомъ, то я не хотѣлъ простирать моего мщенія далѣе ихъ кончины.

Продолженіе повѣсти о *Кларимондѣ*.

Вы можетъ быть помните, Маркизъ, продолжала она, какъ мы были въ деревнѣ съ графинею *Линьякъ*, съ кавалеромъ *Марини* и его сестрою. Тамъ-то началось все мое нещастіе. Я понравилась *Маринію*: но онъ не осмѣлился мнѣ о томъ объявить, зная, что вся моя фамилія одобряетъ вашу ко мнѣ склонность, и что я и сама васъ отмѣнно почитаю. Въ началѣ, какъ самъ онъ то разказывалъ, старался онъ о истребленіи такой страсти, въ которой никакихъ успѣховъ имѣть не надѣялся; но наконецъ, утомясь тщетнымъ противъ оной сопротивленіемъ, вознамѣрился ничего не щадить для достиженія своего намѣренія. Лучшимъ для него средствомъ показалось, что бы меня поссорить съ вами, надѣясь удобнѣе въ то время овладѣть моимъ сердцемъ, когда вы изъ него будете изгнаны. Онъ объявилъ о томъ своей сестрѣ, взявъ ея въ полную къ себѣ довѣренность. Она утвердила его въ семъ намѣреніи, обѣщая свою помощь. Какъ скоро заговоръ былъ сдѣланъ, то они начали

стараться, что бы васъ привесть у меня въ подозрѣнїе. Сестра его разговаривая иногда со мною, упоминала о васъ и о бороншѣ де *Сентъ-Циръ*, съ видомъ нѣчто значущимъ; а наконецъ и совсемъ изъяснилась. Вы не примѣчаете, сказала она, привязанности Маркизовой къ бороншѣ; но признаюсь, что ежели бы я была на вашемъ мѣстѣ, то бы не могла сего снести съ такимъ терпѣнїемъ. Хотя я съ лишкомъ надежна была въ сердцѣ Маркизовомъ, что бы мнѣ опасаться совмѣстницы, и сколь ни мало находила я вѣроятности въ словахъ мнѣ сказанныхъ; но нѣкоторою неизвѣстною силою всегда побуждаема была слушать *Маринїя* и сестру его. Участїе, которое по наружности бралъ онъ въ моихъ пользахъ, доставили ему ко мнѣ доступъ больше прежняго. Подъ видомъ желанїя поговорить со мною о Маркизѣ, не рѣдко приходилъ онъ въ мою комнату, когда я и одна тамъ бывала, и съ притворною искренностїю часто спрашивалъ меня, пользуюсь ли я его совѣтами? Я ему всегда шуткою отвѣтствовала; но ни что его не отвращало; и какъ скоро уходилъ братъ, то сестра вступала въ его должность. Трудно молодой особѣ устоять противъ столь сильнаго нападенїя. Между тѣмъ, не примѣчая сей отмѣнной въ Маркизѣ склонности къ бороншѣ, не могла я совершенно вѣрить всему тому, что мнѣ

было сказывано. Ежели вы столь предъупреждены, говорила мнѣ дѣвица *Марини*, отсрочте ваше рѣшенїе до возвращенїя нашего въ городъ; тамъ все откроется, и мнѣ не трудно будетъ доказать вамъ то, что вы, по вашему добросердечїю сами отъ себя по сїе время скрываете. Слова сїи противъ воли моей меня поражали; нѣсколько разъ готовилась я объявить о томъ Маркизу, и признаться ему въ моей ревности; но никакъ не могла на то отважиться. Въ самое сїе время онъ меня ревновалъ къ шевалье *Маринїю*: вольное его обхожденїе подавало Маркизу сомнѣнїе, и онъ того отъ меня не скрылъ. Я считала сїи подозрѣнїи столь удаленными отъ истинны, что называла ихъ единою мечтою. Что вы вздумали Маркизъ? говорила я ему, и не ужъ ли столь мало справедливости мнѣ отдаете? Мнѣ бы можно было, пользуясь симъ случаемъ, обо всемъ съ нимъ изъясниться; но признаюсь, что сомнѣнїи, посѣянныя въ моемъ сердцѣ, не малую власть надъ нимъ имѣли. Я ожидала возвращенїя нашего въ городъ, что бы тамъ за поступками Маркиза и моей соперницы удобнѣе присматривать. Вскорѣ послѣ сего мы оставили деревню. Въ первое мое посѣщенїе графини *Линьякъ*, баронша тудажъ пріѣхала. Моя вѣроломная совѣтница не упустила мнѣ дать случай усмотрѣть многїя обстоятельствы, которыя сами по себѣ

сколь ни мало значущи; но для человѣка упоеннаго подозрѣніемъ и недовѣрчивостію, показались важными. Съ того времяни я уже не противясь заражала себя предлагаемымъ мнѣ ядомъ, и моя ревность часъ отъ часу умножалась. Иногда принимала я намѣреніе изъясниться съ Маркизомъ, и принудить его въ мою или соперницыну сторону рѣшиться; но минуту спустя, честолюбіе удерживало меня отъ объясненія столь уничижительнаго. Что я тогда буду? говорила я сама себѣ, ежели онъ рѣшитъ въ пользу баронши? При всей мнимой мною отъ него невѣрности, я еще его любила; и мнѣ пріятнѣе было остаться въ сей жестокой неизвѣстности, нежели получить изъясненіе къ моему нещастію. Однимъ вечеромъ, какъ я занята была сими горестными мыслями, казалось, что само небо ниспослало мнѣ способъ удостовѣриться въ моей судбинѣ: Маркизъ не переставая меня ревновать къ *Маринію*, и также ложно понимая вольное его со мною обхожденіе, какъ я оказываемыя имъ привѣтствіи баронши, разговаривалъ со мною нѣкогда у графини *Линьякъ*. Мы почти касались уже окончанію нашихъ взаимныхъ подозрѣній; чему бы конечно возобновленіе нашего согласія и погибель нашихъ возмутителей послѣдовать имѣли, какъ вѣроломная *Марини* примѣтя нашъ разговоръ, и зная, что онъ могъ всѣ пользы ея

брата опровергнуть, умышленно къ намъ подошла, и своимъ присутствіемъ разговоръ нашъ перемѣнить принудила. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, скончался отецъ Маркизовъ. Печалясь о сей тратѣ, долгое время не выходилъ онъ изъ своего дома, и я никакого почти извѣстія о немъ не имѣла. Отсутствіемъ его усугублялись выгоды его злодѣевъ, которые не упустили сего времяни для учиненія мнѣ послѣдняго удара. Они подкупили мою служительницу, и обративъ ея на свою сторону, опредѣлили мою погибель съ самымъ гнуснымъ вѣроломствомъ. Шевалье *Марини* увѣрялъ меня, что въ самой вещи печаль Маркизова не такъ велика, какъ о томъ говорятъ; по тому что онъ всякую ночь посѣщаетъ бароншу, и что сіе короткое обхожденіе началось не прежде, какъ по отъѣздѣ въ *Сентъ-Мало* ея мужа. Признаюсь вамъ, продолжала *Клариmонда*, что сія вѣсть пронзила мое сердце. Измѣнникъ! вскричала я, какъ ты вѣроломенъ и притворчивъ! Нѣтъ *Марини*, говорила я, спустя одну минуту, это быть не можетъ; вы кѣмъ нибудь обмануты. Я довольно знаю Маркиза: его сердце неспособно къ столь гнусному поступку. Я не говорю того, отвѣтствовалъ онъ, что бы я самъ все то видѣлъ, да можетъ быть вы и глазамъ бы моимъ не повѣрили; но кто препятствуетъ, что бы вы сами въ томъ удостовѣрились.

Ваша служительница имѣетъ полную отъ васъ довѣренность: прикажите ей испытать сіе дѣло, и васъ увѣдомить. Я на себя беру поставить ея въ такомъ мѣстѣ, откуда она увидитъ Маркиза входящаго въ домъ къ бароншѣ.

Поражена будучи слышаннымъ мною, и сердце горестїю пронзенное имѣя; думала я, что несомнѣнный опытъ Маркизовой невѣрности, поможетъ мнѣ утѣшиться. Въ досадѣ, меня разрывающей, я бы пошла сама увидѣть его у дверей моей совмѣстницы; но то было не возможно: я спала въ передспальнѣ, у моей матушки, которая не терпѣла того, что бы и на минуту отъ ней я отлучилась. Я принуждена была согласиться на все то, чего хотѣлъ *Марини*, и приказала *Герминїи* въ полночь за нимъ слѣдовать. Она меня послушалась, и часа чрезъ три ко мнѣ возвратилась. Милостивая государыня! сказала она, нѣтъ въ томъ сомнѣнїя, что вамъ измѣнили. Маркизъ за подлинно посѣщаетъ вашу соперницу, и я только теперь видѣла его отъ нея идущаго. При семъ извѣстїи я залилась слезами. Увы! *Герминїя*, чѣмъ я заслужила, что бы такъ безчеловѣчно быть обманутой? почто вѣроломный утѣшался, пронзая мое сердце? Сколько разъ сей неблагодарный клялся, что онъ для меня одной жить хочетъ? Увы! немного ему труда стоило меня обмануть;

я не знала притворства и коварства; и когда уста его мнѣ объявляли, что онъ меня любитъ, то я несомнѣнно думала, что онѣ такъ какъ мои всегда согласны съ сердцемъ.

На другой день увидѣлись мы съ *Маринїемъ* у графини *Линьякъ*. Маркизъ измѣнникъ, сказала я ему; но хочу наказать его больше моимъ презрѣнїемъ, нежели гнѣвомъ. Пусть не думаетъ онъ, что бы мнѣ чувствительно было его непостоянство. Смертельнобъ это поразило меня, ежели бы онъ узналъ, что столько во мнѣ было малодушїя, что приказывала за нимъ подсматривать: ему бы можно было тѣмъ тщеславиться. Пусть же онъ лучше приписываетъ мою холодность малымъ своимъ достоинствамъ, а не вѣроломству. Шевалье *Марини* опасаясь, что бы увидясь съ Маркизомъ, не дошли мы съ нимъ до объясненїя, утвердилъ меня въ сихъ мысляхъ, говоря, что должно уважать честь бароншину, противъ которой и самое малое преступленїе могло бы упасть на него одного. Наконецъ онъ меня до того довелъ своими увѣренїями, что я вознамѣрилась притворствовать, и дала ему клятву, что бы ни кому того не открывать, что отъ него слышала.

Нѣкоторое время спустя послѣ сей ложной довѣренности, отъ шевалье *Маринїя* мнѣ оказанной, Маркизъ *Мирмонъ* началъ моей матушкѣ предлагать о совершенїи

моего съ нимъ брака. Я удивилась сему предпріятію, и не могла онаго согласить съ его непостоянствомъ. Не безъизвѣстно мнѣ было, что ему говорили о многихъ знатныхъ невѣстахъ, и что онъ отъ всѣхъ отрекся. Никогда мнѣ того не приходило въ мысли, что бы *Маринія* подозрѣвать въ обманѣ. Я считала любовь Маркизову къ бароншѣ за склонность маловремянную, что мущины и невѣрностію не называютъ. Но при всемъ томъ вознамѣрилась я ни чѣмъ не спѣшить, и для совершеннаго себя удостовѣренія, испросила у матушки на два мѣсяца срока. *Мирмонъ*, не видавшій меня послѣ смерти своего родителя, и въ невѣденіи о томъ, что у меня происходило, удивленъ былъ моимъ отказомъ. Онъ, какъ вижу теперь, приписалъ его моей невѣрности, и какъ скоро благопристойность позволила ему со мною увидѣться, то не могъ онъ удержаться, что бы меня за то не упрекать самыми жестокими словами. Мое сердце, уязвленное свиданіемъ его съ бароншею, не могло обуздать своихъ движеній. Я отвѣтствовала не безъ надменности, и мы вмѣсто примиренія съ нова поссорились. Маркизъ конечно побуждаемъ будучи досадою и мщеніемъ, притворялся влюбленнымъ въ бароншу. Я съ моей стороны равномѣрно стремилась ему заплатить, показывая, будто я склонна къ *Маринію*; и мы сами

не вѣдая о томъ, способствовали нашимъ непріятелямъ, и устроевали себѣ злополучіе.

Близь двухъ мѣсяцевъ минуло, какъ мы съ не малою холодностію обходились. Однимъ днемъ, я еще была въ постелѣ, какъ матушка вошла въ мою спальню. Дочь моя, говорила она, я услышала вѣсти весьма оскорбительныя: Маркизъ *Мирмонъ* съ *Маріиѣмъ* покололись сію ночь въ нашей улицѣ; *Марини* опасно раненъ, а о Маркизѣ ни кто не знаетъ, куда онъ скрылся. Не думаю, что бы ты имѣла неблагоразуміе подать имъ къ тому поводъ; но признаюсь, что я страшусь слуха народнаго: говорятъ, что ты учинилась причиною сего сраженія, и я не понимаю, что могло довесть Маркиза до сей крайности, послѣ благопріятнаго отвѣта, ему отъ меня даннаго. Объявленіе матушкино не мало меня опечалило: я начинала понемногу понимать, что могла сама быть обманута. Время, въ которое Маркизъ дрался; мщеніе, кое онъ старался произвести надъ мнимымъ своимъ соперникомъ; неусыпное отъ кавалера *Марини* увѣреніе, что мнѣ измѣнили; все сіе, говорю, прогнало мракъ, закрывающій мои глаза. Разсуждая тогда о нѣкоторыхъ *Маріиѣвыхъ* словахъ, которыми я прежде и не уважала, увидѣла я, что онъ могъ быть ко мнѣ страстенъ. Какъ скоро вылѣчена была его рана, то онъ не преминулъ быть у графини. Сестра его, которая во время болѣзни при немъ неот-

ступно находилась, и не бывавъ во все сїе время у графини, въ тотъ день тутъ же случилась, и увидѣвъ меня, предлагала прогуляться съ нею въ саду; отъ чего я и не отказалась. Лишь только мы въ него вошли, какъ братъ ея къ намъ присоединился. Милостивая государыня! говорилъ онъ, благосклонность, которою вы мнѣ честь сдѣлали, привела жизнь мою въ опасность; но мнѣ бы весьма пріятно было умереть для сей причины . . . . . *Мирмонъ* счелъ меня своимъ соперникомъ . . . . . *Марини* хотѣлъ было продолжать; но перервавъ его рѣчь, сказала я, Маркизъ обманулся, признаюсь теперь, что не могу не почитать себя причиною, хотя и невинною вашей ссоры; не надлѣжало мнѣ можетъ быть находить его столь виновнымъ и столь мало отдавать ему справедливости. Какъ, сударыня! отвѣтствовалъ шевалье, не думаете ли вы, что я васъ обманулъ? Но какую причину имѣли вы, говорила я, увѣрять меня въ его проступкахъ? Ежели любовь его къ бароншѣ такъ справедлива, какъ вы о томъ мнѣ объявляли, то могъ ли бы онъ до такой степени меня ревновать, что бы съ вами драться? Наконецъ, продолжала я, безполезно для насъ входить въ сїи подробности; о томъ только васъ прошу, что бы вы позабыли все произшедшее у васъ съ Маркизомъ. Какъ скоро онъ возвратится, то хочу быть вашимъ миротворцемъ; по тому что я сама нѣкото-

рымъ образомъ подала причину къ вашей ссорѣ. Ни въ чемъ не могу вамъ отказать, сударыня, отвѣтствовалъ *Марини*, и ежели для васъ сїе угодно, то я первый учиню о томъ предложенїе. Онъ умѣлъ при семъ случаѣ такъ искусно притвориться, и столь много показать добросердечїя въ своихъ поступкахъ, что ежели и усматривала я нѣсколько въ немъ страсти, но не могла однако думать, что бы имъ столь гнусно была обманута. Скоро послѣ сего увидѣла я свою ошибку.

Разговоръ мой съ *Маринїемъ*, довольно вразумилъ, его что всѣ клеветы не могутъ произвесть во мнѣ омерзѣнїя къ Маркизу. Онъ изъ сего разсуждалъ, что имѣетъ нужду въ способахъ сильнѣйшихъ, которые имъ и начаты тогда же самымъ дѣломъ. Намѣренїе у него было въ тотъ самый день меня увезти, въ который его ранили; моя служительница, которую онъ склонилъ на свою сторону, во всемъ ему помогала. Все обѣщало щастливый успѣхъ его предпрїятїю: и онъ и шелъ уже увѣдомить избранныхъ къ сему дѣлу людей, какъ Маркизъ пресѣкши его путь, началъ съ нимъ бой. Надежда утѣшала его тѣмъ, что въ другой разъ могъ онъ имѣть лучшую удачу, и опасаясь возвращенїя Маркизова, не медля вознамѣрился возобновить свое предпрїятїе.

Матушка обыкновенно ранѣе меня спать ложилась, и какъ тогда было самое лучшее

время лѣта, то я часу въ одинадцатомъ прогуливалась нѣкогда въ саду. Я уже хотѣла изъ онаго возвращаться, какъ отперлись двери съ улицы: четыре человѣка въ маскахъ вбѣжавшіе оттуда, схватили меня, затиснувъ мнѣ ротъ платкомъ, что бы я не могла кричать. Такимъ-то образомъ увезли меня обще съ служанкою, которая тогда при мнѣ находилась. Закричать я не могла, что бы мнѣ подана была помощь, да и изъ людей въ домѣ находящихся, не могъ ни кто того увидѣть. Перенесена будучи шаговъ съ двести, посажена наконецъ въ карету, въ которой всѣ окны были завѣшены. Двое изъ похитителей вошли въ оную для присматриванія, какъ видно, за мною и за моею служительницею. Лишь только уста наши были свободны, то мы начали кричать изъ всей силы; дѣвка моя показывала тотъ видъ, что и она въ равномъ со мною находилась отчаяніи; чемъ больше мы удалялись отъ города, тѣмъ больше разрывалось мое сердце; наконецъ около пятаго часа утра, остановилась карета, и я увидѣла себя въ незнакомой мнѣ деревнѣ, стоящей въ весьма глухомъ мѣстѣ. Мысли мои не постигали того, въ чьей я находилась власти: сколько ни добиралась до того, но не могла однако угадать моего похитителя: подозрѣвала то *Мирмона*, то его соперника. Все сіе мнѣ было открыто, какъ скоро я вошла въ назначенную для

меня комнату. Одинъ изъ похитителей снялъ маску, и сколь велико было мое смущенїе, увидѣвъ въ немъ шевалье *Маринїя*! какъ, измѣнникъ! вскричала я, ты дерзнулъ исторгнуть меня изъ нѣдръ моей фамилїи; осмѣлился разлучить меня съ матерью, нарушивъ тѣмъ самые священные законы? чего ожидаешъ ты отъ сего гнуснаго твоего поступка? ты можешъ отнять мою жизнь; но что принадлѣжитъ до моей чести, ты ее не похитишъ, пока я жива буду. Вы несправедливо заключаете, сударыня, о горячности самой искреннѣйшей, говорилъ шевалье, я не только никогда не употреблю моей власти ко вреду вашему; но намѣренъ еще заслужить учиненное вамъ насилїе совершенною къ вамъ преданностїю и самымъ усерднѣйшимъ почтенїемъ. Почтожъ мнѣ сдѣлать сїе насилїе? говорила я, кто тебя склонилъ нарушить законъ чести? ежели ты меня любишъ, то какъ надѣешься столь чувствительною обидою овладѣть моимъ сердцемъ? возврати меня моей матушкѣ; признайся въ твоемъ проступкѣ; исправь учиненную тобою несправедливость, и тогда можетъ быть не столь отвратительнымъ ты мнѣ покажешься. Ежели бы я имѣлъ хотя малую надежду, превзойти моего соперника, отвѣтствовалъ онъ, то не отважилсябъ никогда на сїю крайность; но наконецъ, сударыня, дѣло уже совершено, и вы не думайте, что бы я отмѣнилъ когда

нибудь мое намѣренїе. Горячность моя не могла бы видѣть васъ въ объятїяхъ другаго, и ежели къ моему нещастїю не удастся мнѣ васъ смягчить, то имѣю по крайней мѣрѣ то утѣшенїе, что уже и соперникъ мой не будетъ щастливъ. Какъ, вѣроломный! сказала я ему, ты хочешъ оставить меня навсегда своею плѣнницею? въ томъ-то состоитъ сїе искреннее дружество, въ коемъ такъ много меня ты увѣрялъ? и не сїе ли конецъ и цѣль твоихъ коварныхъ совѣтовъ, которымъ я къ нещастїю моему много вѣрила? Отъ васъ зависитъ, сударыня, говорилъ онъ, перервать сей же день вашу неволю, и учинить мнѣ щастїе, превосходящее всю мою надежду. Ежели вы за мною быть . . . . За тобою быть? вскричала я, не давъ ему окончить. Увы! я десять разъ умру прежде; какова бы ни была твоя жестокость, но она не приведетъ меня въ трепетъ. Я умѣю защищать себя отъ твоей суровости, и клянусь, что первое твое покушенїе будетъ послѣдуемо моею смертїю. Я уже васъ увѣрялъ, государыня моя, отвѣтствовалъ онъ, что вы здѣсь равно какъ въ собственномъ вашемъ домѣ безопасны; моя любовь желаетъ васъ смягчить безъ всякаго вамъ притѣсненїя. Удалите отъ себя весь страхъ, который дерзость моя въ вашемъ похищенїи въ васъ вселяетъ; не будетъ иныхъ для васъ прискорбностей, кромѣ разлученїя вашего съ

матушкою, и вы сами властны окончать взаимное наше нещастїе.

Какїя мнѣ ни дѣлалъ обѣщанїи *Марини*, но чрезъ многїе дни не могла я своего неизреченнаго смущенїя успокоить, въ однихъ слезахъ находила утѣшенїе, и ими ежеминутно обливалась. Надежда, что когда нибудь узнаютъ о моемъ пребыванїи, и исторгнутъ меня изъ рукъ похитителя, была единою мнѣ отрадою. Наконецъ я и той лишилась, видя, что болѣе мѣсяца прошло, а участь моя была та же. Мнѣнїе, которое по моемъ похищенїи могъ обо мнѣ имѣть Маркизъ *Мирмонъ*; моя фамилїя и цѣлый свѣтъ приводило меня до отчаянїя. Нѣтъ меня нещастнѣе, говорила я; разсталась съ любовникомъ, меня почитающимъ; разсталась съ матерью, которая во мнѣ полагала все свое утѣшенїе; и сверхъ того они можетъ быть еще меня подозрѣваютъ, не взирая на мое нещастїе. Сколь огорченїе ихъ ни велико; но они несравненно меня благополучнѣе! *Герминїя*, моя служительница, которой вѣроломство мнѣ еще было неизвѣстно, старалась меня уговаривать: она безпрестанно мнѣ твердила, что я должна успокоиться, не видя отъ любви *Маринїевой* никакой опасности, и считала мое состоянїе не столь жестокимъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было. Шевалье ничего съ своей стороны не оставлялъ, что только могло служить къ моей забавѣ: я получала все, какъ скоро чего по-

желала. Самъ онъ не смѣлъ часто входить въ мою комнату, опасаясь раздражить меня своимъ присутствіемъ.

Восемь мѣсяцевъ прошло, какъ *Герминія* наскуча по видимому уединеніемъ, имѣла со мною разговоръ, который о согласіи ея съ шевальемъ *Марини*, далъ мнѣ нѣсколько догадаться. Сударыня! развѣ намъ наилучшую часть нашей жизни проводить въ неволѣ? говорила она; развѣ мы безъ всякой вины осудили себя на вѣчное заточеніе? клянусь вамъ! ежели бы я была на вашемъ мѣстѣ, давно бы уже дала я иной видъ нашему состоянію. Вы любите *Мирмона*; но за него вамъ кто ручается? можно ли думать, что бы ваше похищеніе, въ чемъ онъ долженъ конечно васъ почитать участницею, не истребило васъ давно уже изъ его сердца? можетъ быть имѣетъ онъ теперь новую у себя заботу, и въ то время, когда вы для него страждете, онъ пребываетъ съ покоемъ, о васъ не думая.

Сей разговоръ чувствительно меня раздразнилъ. Кто тебя увѣдомилъ, сказала я, о расположеніяхъ Маркизовыхъ? и когда просила я тебя о совѣтахъ? слушай *Герминія*, ежелибъ Маркизъ обо мнѣ и не думалъ, и ежелибъ моему заключенію должно было вѣчно продолжаться; но при всемъ томъ ни что не уменшилобъ отвращенія моего къ *Маринію*: остерегайся мнѣ о томъ въ другой разъ говорить, или я сочту тебя

моею предательницею. Отвѣтъ мой привелъ ея въ не малое удивленїе. Она съ клятвою меня увѣряла, что одна ко мнѣ любовь принудила ея для соединенїя моего съ моею родительницею дать мнѣ сей совѣтъ. Вижу, говорила она, что меня не прежде васъ освободятъ отсюда; но хотябъ я теперь же была отпущена, то конечнобъ васъ не покинула. Что она мнѣ послѣ сего ни говорила, но не убавила однако сомнѣнїя моего о своей вѣрности; я думала, что ея подкупили по моемъ похищенїи, по тому что и въ мысль мнѣ не всходило, что бы она меня руками выдала. Между тѣмъ возрастала *Маринїева* любовь по мѣрѣ моей несклонности и оказываемаго къ нему отвращенїя. Чтожъ? говорилъ онъ, не ужъ ли вы надо мной не сжалитесь, и мои старанїи, постоянство, и самыя слезы васъ никогда не тронутъ? вы упрекаете меня жестокостїю и варварствомъ; но былъ ли я когда нибудь столько жестокъ, какъ вы? какое утѣшенїе находите вы думать о человѣкѣ, съ которымъ вы навсегда разлучены? вы отдалены отъ вашей матушки; содержитесь какъ невольница; но скажите одно слово, то разорвутся ваши узы и прекратятся всѣ нещастїи. Вамъ пріятнѣе продолжать ваши сокрушенїи, налагая на меня всю оныхъ тягость, нежели учиниться свободною, сдѣлавъ меня щастливымъ.

Тщетно покушаетесь вы поколебать мое сердце, отвѣтствовала я ему. Мало вы въ томъ успѣете, пока я буду себя видѣть невольницей; дайте мнѣ свободу; исправте раскаяніемъ вашъ проступокъ; я буду знать, что мнѣ тогда дѣлать. И такъ, сударыня, отвѣтствовалъ онъ, вижу, что судьбами опредѣлено мнѣ погибать отъ любви; а вамъ отъ жестокости. Оставайтесь всегда при вашей несговорчивости; а я останусь при прежнемъ моемъ намѣреніи, что бы васъ держать въ неволѣ; живите, что бы меня презирать; а я жить буду для вашего гоненія.

Годъ цѣлый находилась я въ столь печальномъ положеніи, не воображала уже себѣ, что бы когда нибудь окончилась моя неволя; всею надеждою была покинута, и вознамѣрилась лучше сносить всѣ гоненіи судбины, нежели выдти за *Маринія*, какъ въ одинъ день съ великимъ замѣшательствомъ вошедъ въ мою спальню. Милостивая государыня! говорилъ онъ, не безпокойтесь, ежели я переселю васъ въ иное мѣсто. Я принужденъ покинуть сіе жилище, имѣя опасность васъ лишиться, ежели бы здѣсь больше прожилъ; и такъ, вамъ открыта теперь причина, побуждающая меня переѣхать въ другую деревню, отстоящую отсюда миль на десять. Вы тамъ будете пользоваться большею вольностію; это замокъ одного моего пріятеля, котораго бесѣда поможетъ мнѣ къ разогнанію вашей задумчивости. Не до-

вольно еще причиненнаго мнѣ нещастїя, отвѣтствовала я, и ты хочешь присовокупить моему поношенїю и бѣдствїю третьяго свидѣтеля? Я не меньше вашего сожалѣю, сударыня, сказалъ шевалье, что самою необходимостїю принужденъ открыться, кому бы то ни было, въ моей тайнѣ; но какъ я достовѣрное имѣю извѣстїе, что не преминутъ можетъ быть прежде окончанїя сего дня васъ здѣсь искать, то долженъ былъ для предъупрежденїя того прибѣгнуть къ моему пріятелю. Я начала его съ нова просить; но не взирая на то, посадили меня въ карету, и во всю конскую рысь отвезли въ замокъ Маркиза *Санзака*. Въ первые дни онъ мнѣ не показывался; но наконецъ прислалъ у меня спросить, не прогнѣваюсь ли я, ежели онъ засвидѣтельствуетъ мнѣ свое почтенїе? Сколько я ни была противъ него огорчена за принятое имъ участїе въ вѣроломствѣ и жестокосердїи своего пріятеля; но надѣясь склонить его на свою сторону, не могла отказать въ его желанїи. Свиданїе его началось извиненїемъ, что учинился онъ невиннымъ сообщникомъ преступленїя *Маринїева*. Въ оправданїе свое представлялъ онъ старинную съ нимъ дружбу, примолвилъ къ тому, что послѣ огласки моего похищенїя, ничего мнѣ больше не остается, какъ выдти за *Маринїя*, и что для сохраненїя собственной моей чести сїе еще одно есть средство, хотя бы я и свободу получила. Пусть онъ

возвратитъ меня моей фамилïи, отвѣтствовала я; пусть онъ сниметъ съ меня сïи узы, и тогда мнѣ можно будетъ подумать, какое принять намѣренïе; но пока онъ будетъ меня содержать въ неволѣ, то я не могу иначе на него взирать, какъ на моего мучителя. Я ничего не упущу, сказалъ Маркизъ *Санзакъ*, и обѣщаюсь о томъ постараться. Въ самомъ дѣлѣ узнала я навѣрное, что онъ уговаривалъ *Маринïя*, но безъ всякаго успѣха. Видъ доброжелательства, который онъ мнѣ показывалъ, понуждалъ меня принимать его посѣщенïи: я надѣялась, что со времянемъ, по его ко мнѣ почтенïю, могу его склонить къ учиненïю мнѣ помощи въ побѣгѣ изъ сего заключенïя. Скоро узнала я, что мнѣ думать о его учтивостяхъ. *Санзакъ* почувствовалъ ко мнѣ склонность; дружба не воспрепятствовала ему учиниться совмѣстникомъ *Маринïю*; и какъ свойство имѣлъ онъ горячее и высокомѣрное, то немного медлилъ, и весьма яснымъ образомъ мнѣ открылся. Милостивая государыня! говорилъ онъ, есть еще одно средство для полученïя вамъ свободы, кромѣ брака съ *Маринïемъ*, можетъ быть вы его не одобрите; но отъ васъ самихъ теперь зависитъ разорвать ваши узы, не взирая на вашего мучителя. Увы! Маркизъ, сказала я, вѣрьте, что я все учинить готова, и нѣтъ того, на что бы я не отважилась. Вы найдете во мнѣ сердце благодарное, которое никогда

того не позабудетъ, что вамъ своимъ благополучіемъ будетъ обязано. Милостивая государыня! отвѣчалъ Маркизъ, страсть моя столь велика, что для меня мало единой благодарности; любовь, сударыня, а не дружество можетъ теперь окончить вашу неволю. Ежели вамъ не противно соединить вашу участь съ моею, то какъ скоро дадите мнѣ свое слово, то вы уже свободны. Я такъ раздражена была симъ изъясненіемъ, что не могла удержаться, что бы отвѣтствуя ему не показать всѣхъ знаковъ моего презрѣнія. Сей низкой вашъ поступокъ столь мнѣ ненавистенъ, сказала я, что лучше соглашаюсь остаться вѣчно невольницей *Маринѣевой*, нежели свободной къ вамъ. Я не надѣялся заслужить до такой степени вашей ненависти, сказалъ *Санзакъ* подумавъ нѣсколько; гнѣвъ вашъ однако ни мало не перемѣняетъ моихъ расположеній, и для увѣренія васъ въ моемъ великодушіи, я соглашаюсь возвратить васъ вашей матушкѣ, не требуя никакой награды: находясь въ свободѣ, вы сами разсудите, чего я достоинъ буду. Великодушный Маркизъ! вскричала я обливаясь слезами, ежели вы подлинно имѣете сіи мысли, то ожидайте всего отъ моей благодарности. Я не могу вамъ обѣщать сердца, которымъ уже сама не владѣю; но ежели дружество самое нѣжнѣйшее заслуживаетъ хотя малое уваженіе, то вѣрьте, что я васъ равно какъ своего брата почи-

тать буду. Слово мое наиточнѣйшимъ образомъ будетъ исполнено, отвѣтствовалъ онъ; скрывайте сіе нѣкоторое время, что бы не подать *Маринію* подозрѣнія, и въ прочемъ во всемъ положитесь на меня. Два дни находилась я уже во ожиданіи моего освобожденія, какъ *Германія* вступивъ нѣкогда въ комнату, бросилась къ моимъ ногамъ; милостивая государыня! сказала она обливаясь слезами, я хочу открыть вамъ двѣ тайности; но напередъ обѣщайтесь простить учиненное мною преступленіе. Я тотчасъ угадала нѣкоторую часть того, что она открыть мнѣ была намѣрена. Вѣроломная! вскричала я, ты конечно виновница всѣхъ моихъ нещастій? Признаюсь, сударыня, отвѣтствовала она, что я вамъ измѣнила, предавъ васъ въ руки похитителя, и обманула васъ, объявивъ, что видѣла Маркиза *Мирмона* входящаго въ домъ къ бароншѣ; но ежели могу еще надѣяться возвратить вашу милость, то объявлю вамъ такую вещь, которая для васъ весьма полезна. Во время трехъ-мѣсячнаго нашего здѣсь пребыванія, понравилась я камердинеру Маркиза *Санзака*, и видя, что онъ выгодной для меня женихъ, не упорствовала я обѣщать ему, что со времянемъ за него выйду; а по сему ничего уже отъ меня не скрывая, за тайну объявилъ онъ мнѣ, что господинъ его не могши побѣдить своей страсти, намѣренъ завтре, когда *Марини* будетъ на охотѣ, увезти

насъ обѣихъ въ какое нибудь удаленное отсюда мѣсто. Слова *Герминіи* привели меня въ ужасъ; отвращеніе мое къ вѣроломному *Санзаку* усугубилось опасностію, которою онъ угрожалъ моей чести. Я объята была унынїемъ и смущеніемъ неописаннымъ. Крайность, въ которой себя видѣла, принудила меня прибѣгнуть къ моему прежнему гонителю. Я велѣла объявить *Маринію*, что имѣю нужду съ нимъ поговорить. Какъ скоро онъ вошелъ въ мою комнату, заслужите отъ меня благодарность, превосходящую ваши преступленїи, сказала я ему; спасите мою невинность, исторгая меня изъ сего мѣста. Вашъ вѣроломный другъ намѣренъ завтре увезти меня отсюда. *Герминія* обстоятельно разсказала ему все, что она слышала. Ты умрешъ, измѣнникъ! вскричалъ шевалье *Марини*, обида моя и твое вѣроломство въ крови твоей обмыты будутъ. Онъ хотѣлъ было тотъ же часъ устремиться на него съ своимъ отмщеніемъ; но я удержала его, представляя, что онъ одинъ противъ *Санзака* и всѣхъ его служителей, что надежнѣйшее средство скрыть свою досаду; по тому что его непрїятель не столь великодушенъ, что бы не употребилъ противъ него всѣхъ своихъ преимуществъ, и что явная между вами ссора, примолвила я *Маринію*, неминуемо кончится твоею смертію; а я между тѣмъ останусь добычею наибезчестнѣйшему человѣку въ

свѣтѣ. Убѣжимъ въ сію самую ночь отсюда; вы имѣете здѣсь своихъ лошадей; прикажите вашему служителю содержать оныя въ готовности. Утѣшаясь сохраненіемъ моей чести, я охотно иду въ новое заключеніе, которое вамъ угодно будетъ для меня назначить. *Марини* бросясь къ моимъ ногамъ, нѣтъ, сударыня, говорилъ онъ, довольно уже вы терпѣли; вы возвратитесь къ вашей матушкѣ; пусть я умру съ печали; но надобно учинить конецъ вашему нещастію: намѣреніе принято, и ни что его поколебать не можетъ. Клянусь вамъ! что ежели я такъ скоро не погибну, то вы чрезъ день съ матушкою увидитесь, какъ скоро всѣ уснутъ, то мы въ полночь выѣдемъ отсюда въ городъ. *Марини* сдержалъ свое слово: какъ скоро господинъ и служители легли спать, и все утихло въ домѣ, то я съ величайшею осторожностію вышла на дворъ. *Герминія* за мною послѣдовала: я сѣла за спиною у *Маринія*; а дѣвка моя за его слугою; и мы скакали во всю ночь. Какъ скоро появился свѣтъ, то мы своротили въ лѣсъ, что бы насъ ни кто не видѣлъ, по той причинѣ, что мы навѣрное погони отъ *Санзака* ожидали. Такимъ образомъ продолжали нашъ путь тотъ день и часть слѣдующаго, не останавливаясь больше какъ сколько надобно было для покормки лошадей, и удаляясь наиболѣе отъ большей дороги и отъ жила. Слуга *Маріевъ* имѣлъ предосторожность запастись

овсомъ на всю дорогу. Лѣсъ, какъ вамъ самимъ извѣстно, простирающійся миль на тридцать, доходилъ до самаго города, то мы и надѣялись, пробираясь чрезъ оный, до наступленія еще ночи прибыть въ городъ; какъ вдругъ усмотрѣли Маркиза *Санзака*, съ тремя послѣдователями, насъ настигающаго. Шевалье не устрашился превосходнаго числа непріятелей. Мы сошли съ лошадей, какъ скоро ихъ завидѣли; дѣвка моя ушла въ лѣсъ; мнѣ хотѣлось за нею слѣдовать; но подломились мои ноги, и я въ одномъ воплѣ спасенія искала. Служитель *Маринѣевъ* былъ прежде всѣхъ убитъ. Вамъ извѣстно продолженіе сего боя, сказала она обратясь къ *Мирмону*; и вы лучше меня знаете, чѣмъ онъ кончился; по тому что я отъ страха въ совершенномъ была тогда безпамятствѣ.

Въ продолженіе повѣствованія *Клариmонды*, Маркизъ разными воображеніями былъ возмущаемъ; слѣдуя мыслями своими по всѣмъ стопамъ ея, объятъ былъ попеременно любовію, ревностію, страхомъ, гнѣвомъ и мщеніемъ. Онъ изъяснялъ ей послѣ сего въ выраженіяхъ самыхъ нѣжныхъ, сколь для него пріятно опять ея видѣть; хотѣлъ было къ тому присовокупить, сколько онъ пораженъ былъ ея похищеніемъ, какъ пришли объявить, что пріѣхала мать *Клариmонды*. Она не могла себя удержать, и полетѣвъ къ воротамъ замка, встрѣтила тамъ

мать свою, выходящую изъ кареты. Удовольствіе и радость, взаимно ими чувствуемыя, заградили ихъ уста. Онѣ пребыли долгое время въ безмолвномъ восхищеніи, которое только слезами прерывалось. Увы! любезная дочь! промолвила наконецъ ея мать, сколько оскорбляло меня твое отсутствіе! оно повергало меня во гробъ, и ежели желаю еще, что бы продлилась жизнь моя, то для того единственно, что бы узнать твою невинность. Опасность, что бы не лишиться вашей милости, отвѣтствовала *Клариmонда*, приводила меня въ трепетъ больше всѣхъ нещастій; и самая неволя, причинившая мнѣ такъ много огорченій, не столь меня страшила, какъ одна тѣнь вашего подозрѣнія о моей невинности. Она увѣдомила тогда мать свою о главнѣйшихъ своихъ приключеніяхъ, о чемъ нѣсколько и извѣстна уже она была изъ писма барона *Шатофора*. Мать съ своей стороны разсказала ей о всѣхъ тщетныхъ поискахъ, которые для развѣдыванія о ея пребываніи она дѣлала, говоря ей, что разосланы были нарочные ко всѣмъ границамъ королевства, и что всѣ возможные поиски и по сей день не прерывались; узнавъ наконецъ, продолжала она, что ты границъ нигдѣ не переѣзжала, старались тѣмъ съ большею ревностію искать тебя въ своей провинціи и въ окольныхъ мѣстахъ города, не могши никогда подумать о семъ глухомъ и уединен-

номъ мѣстѣ, гдѣ ты была содержана, по тому что оно было не собственное *Маринѣво*, который опасаясь по видимому, что бы не открыли наконецъ его умысла, разсудилъ для предосторожности перемѣнить твое жилище. *Мирмонъ* примѣтя, что сей разговоръ приводилъ только въ жалость и сокрушенїе ихъ обѣихъ, старался его прекратить. Позабудьте, сударыня, говорилъ онъ матерѣ, ваши, и любезной вашей дочери нещастїи; ихъ уже нѣтъ, когда вы обѣ вмѣстѣ, и судба разлучившая васъ прежде, окончила свое гоненїе. Великодушный Маркизъ! отвѣтствовала она, вамъ обязана я за благополучїе мое и моей дочери: я считала васъ въ числѣ мертвыхъ, или гдѣ нибудь въ отдаленной отсюда сторонѣ, какъ о томъ думали и всѣ ваши пріятели; но понеже день сей, возвращающій мою дочь, возвратилъ мнѣ и того, котораго долгое время почитала я моимъ сыномъ, то отъ васъ самихъ теперь зависитъ, что бы тѣмъ совершенно учиниться. *Мирмонъ* благодарилъ ея наичувствительнѣйшими выраженїями. Баронъ *Шатофоръ* требовалъ, что бы сему браку совершиться въ его замкѣ. Безъ труда получено увольненїе отъ двоекратнаго о томъ объявленія по церковному обряду, и сочетанїе сихъ искренно любящихся особъ, не далѣе какъ на три дни отложено было. Бракъ не уменшалъ никогда горячности въ Маркизѣ; а *Клариmонда* владѣвъ сердцемъ

своего супруга, казалось, что имѣла все на свѣтѣ. Она не хотѣла избрать инаго для себя жилища, кромѣ его пустыни; по чему украсивъ и пополнивъ оную больше прежняго всемъ нужнымъ, живутъ они въ ней по сіе время въ совершенной тишинѣ и благоденствіи. *Понсилъ* и *Шатофоръ* не рѣдко посѣщали столь достойныхъ пріятелей; и хотя первый изъ нихъ не хотѣлъ никогда на вѣрность женскую много полагаться; но примѣръ *Кларимонды* заслужилъ отъ него сіе признаніе, что ежели женскъ полъ вообще меньше мужескаго имѣетъ постоянства, то есть однако въ ономъ не мало такихъ особъ, которыхъ добродѣтели достойны почтенія и отъ самаго потомства.

Конецъ второй и послѣдней части.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде
Кр-307

СН-11/8-57
Вл757-2963
15

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

ГПБ Русский фонд
138
105